

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

11
2024

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

- 5.9.3. Literary theory (Philology)
- 5.9.4. Folkloristics (Philology)
- 5.9.7. Classical philology, Byzantine and modern Greek studies (Philology)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Cultural Studies)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (History)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Art Studies)

Goals of the journal. Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal. Implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047

e-mail: bityunan@gmail.com

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.3. Теория литературы (филологические науки)

5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (искусствоведение)

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: bityunan@gmail.com

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (History), professor RAS, Institute of Slavic Studies RAS, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.B. Agranat, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.Yu. Antsyferova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.N. Basovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

S.A. Burlak, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

I.I. Chelysheva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

D.J. Clayton, Ph.D., emeritus professor, University of Ottawa, Ottawa, Canada

O.V. Fedorova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

D.M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.Kh. Gilmanov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, RAS corr. memb., A.M. Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow, Russian Federation

N.Yu. Gvozdetskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, Dr. of Sci. (Philology), RAS corr. memb., Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

- E.Yu. Ivanova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
- G.I. Kabakova*, Dr. of Sci. (Philology), University of Paris-Sorbonne, Paris, France
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Kimmelman*, Ph.D., University of Bergen, Bergen, Norway
- A.V. Kostina*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- G.E. Kreidlin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.A. Krongauz*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.I. Kulikov*, Ph.D., Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium
- I.A. Kuptsova*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
- A.B. Letuchii*, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
- M.N. Lipovetskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Columbia University, New York, United States of America
- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.A. Maltsev*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- I.G. Matyushina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.P. Odesskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.E. Pekelis*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.I. Reinhold*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russian Federation
- E.L. Rudnitskaya*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation
- I. Rzepnikowska*, Doctor Habilitatus, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

- B.L. Shapiro*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Sharoff*, Ph.D., Candidate of Science (History), University of Leeds, Leeds, United Kingdom
- I.A. Sharonov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.V. Sideltsev*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- A.E. Skvortsov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation
- N.A. Slioussar*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- A.N. Taganov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH)/ Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- Yu.I. Tsvetkov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.G. Vladimirova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- V.I. Zabolotkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.V. Zagidullina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation
- A.V. Zimmerling*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

Executive editors

- Yu.G. Bit-Yunan*, Dr. of Sci. (Philology), RSUH
- M.P. Odesskii*, Dr. of Sci. (Philology), RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.Ю. Аницыферова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Н. Басовская, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

С.А. Бурлак, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Н.Г. Владимирова, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.Х. Гильманов, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.П. Грищев, доктор филологических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетниковская, доктор наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

В.И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- М.В. Загидуллина*, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация
- Е.Ю. Иванова*, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Г.И. Кабакова*, доктор филологических наук, Университет Сорбонна, Париж, Франция
- В.И. Киммельман*, Ph.D., Университет Бергена, Берген, Норвегия
- Д.Д. Клейтон*, Ph.D., Оттавский университет, Оттава, Канада
- А.В. Костина*, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, Московский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация
- Г.Е. Крейдлин*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- М.А. Кронгауз*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Бельгия
- И.А. Кушцова*, доктор культурологии, доцент, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Б. Летучий*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- М.Н. Литовецкий*, доктор филологических наук, Университет Колумбия, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.А. Мальцев*, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация
- И.Г. Матюшина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- М.П. Одесский*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Е. Пекелис*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Н.И. Рейнгольд*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация
- Е.Л. Рудницкая*, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация
- А.В. Сидельцев*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

- А.Э. Скворцов*, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Российская Федерация
- Н.А. Слюсарь*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- А.Н. Таганов*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.В. Федорова*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- Д.М. Фельдман*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.Л. Цветков*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- А.В. Циммерлинг*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.И. Чельшева*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Б.Л. Шапиро*, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Шаров*, кандидат филологических наук, Ph.D., Университет Лидса, Лидс, Великобритания
- И.А. Шаронов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, РГГУ

М.П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

История публицистики. Риторика

<i>Михаил П. Одесский</i> Функция этногенетического дискурса в поэме «Руслан и Людмила»	14
<i>Давид М. Фельдман</i> Публицистика и контрпублицистика: о текстологии романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Золотой теленок»	23
<i>Юрий Г. Бит-Юнан</i> Трактат Иконникова о добре и доброте: эволюция публицистической составляющей	38
<i>Татьяна С. Бондарева-Кутаренкова</i> История как сфера-источник прецедентности в публицистике П.Б. Струве 1920–1930-х гг.	60
<i>Дарья И. Булдакова</i> Декабристы в общественно-политическом дискурсе СССР середины XX в.	75
<i>Оксана И. Киянская</i> О деятельности научно-педагогической школы «Медиапублицистика в историко-политическом, культурологическом и медиаречевом контексте» на факультете журналистики РГГУ	88

Проблемы теории журналистики

<i>Вероника И. Ярных</i> Образовательный дизайн программ современного профессионального медиаобразования: опыт РГГУ	96
<i>Максим С. Корнев</i> Фактчекинг в научных работах с использованием ИИ и интернет-источников: угрозы и решения на примере понятий «блог» и «блогер»	109
<i>Дарья В. Неренц</i> Юридические и этические проблемы регулирования применения искусственного интеллекта в современных массмедиа	122

<i>Кирилл А. Зорин</i> Визуальная коммуникация в видеоконтенте на примере программ телевидения Китая (ССТV)	138
<i>Дарья В. Нерени, Алиса А. Осминина</i> Особенности подкастов криминальной тематики в российском и зарубежном медиапространстве	148

История журналистики и литературной критики

<i>Евгения В. Бродская</i> Дискурс Гражданской войны в советской культуре начала 1970-х гг. и «наивная оптика» взгляда: фильм «Бумбараш»	164
<i>Елена В. Колесникова</i> Литература «не для дам» и журнальная полемика 1860-х гг.	176
<i>Наталья К. Гончар-Ханджян</i> Проза И.А. Бунина на страницах журнала «Литературная Армения» в 1960-е гг.	184

CONTENTS

History of Publicism. Rhetoric

- Mikhail P. Odesskii*
The function of ethnogenetic discourse
in the poem “Ruslan and Lyudmila” 14
- David M. Feldman*
Publicity and counter-publicity. On the textology
of the novel “Zolotoi telenok” by I.A. Ilf and E.P. Petrov 23
- Yurii G. Bit-Yunan*
Ikonnikov’s treatise on “The Good Versus Kindness”.
Evolution of the publicist ideas 38
- Tatiana S. Bondareva-Kutarenkova*
History as the purview-source of precedent phenomena
in P. Struve’s journalism in the 1920–1930s 60
- Daria I. Buldakova*
The Decembrists in the socio-political discourse of the USSR
in the mid-20th century 75
- Oksana I. Kiyanskaya*
On the activities of the scientific and pedagogical school
“Media publicism in historical-political and cultural
and media speech context” at the RSUH Faculty of Journalism 88

Issues of Theory of Journalism

- Veronika I. Yarnykh*
Learning design of the programs of modern professional
media education. RSUH experience 96
- Maksim S. Kornev*
Fact-checking in scientific works using AI and Internet sources.
Threats and solutions based on the concepts of “blog” and “blogger” 109
- Daria V. Nerents*
Legal and ethical issues of regulating the use of artificial intelligence
in modern mass media 122

<i>Kirill A. Zorin</i> Visual communication in video content using Chinese television (CCTV) programmes as an example	138
<i>Daria V. Nerents, Alisa A. Osminina</i> Features of the criminal topic podcasts in Russian and foreign media space	148

History of Journalism and Literary Criticism

<i>Evgeniya V. Brodskaya</i> The discourse of the Civil War in the Soviet culture of the early 1970-s and “the naïve optic” of the view. The film <i>Bumbarash</i>	164
<i>Elena V. Kolesnikova</i> Literature “not for ladies” and journal polemics of the 1860s	176
<i>Natalia K. Gonchar-Khandzhyan</i> Pages of I. Bunin’s prose in the context of the publications of “Literary Armenia” journal in the 1960s	184

История публицистики. Риторика

УДК 821(470)-1

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-14-22

Функция этногенетического дискурса в поэме «Руслан и Людмила»

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется публицистический компонент поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Имеется в виду этногенетический дискурс, который был актуален в российском обществе XVII–XVIII вв. Одним из каналов передачи этногенетического дискурса стал жанр «русского волшебного романа» (М.Д. Чулков и др.), с которым связана поэма «Руслан и Людмила». Пушкин заимствовал из нее образцы имени протагониста и превратил «Еруслана» / «Роксолана» в «Руслана». Однако в поэме Пушкина этногенетический дискурс подчинен не публицистической, а чисто художественной установке.

Ключевые слова: этногенетический дискурс, А.С. Пушкин, «Руслан и Людмила», «русский волшебный роман», М.Д. Чулков, имя Руслан

Для цитирования: Одесский М.П. Функция этногенетического дискурса в поэме «Руслан и Людмила» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 14–22. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-14-22

The function of ethnogenetic discourse in the poem “Ruslan and Lyudmila”

Mikhail P. Odesskiy

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the ideological component of A. Pushkin’s poem “Ruslan and Lyudmila”. It refers to the ethnogenetic discourse, which was relevant in Russian society of the 17th – 18th centuries. One of the channels for transmission of ethnogenetic discourse became the genre of the “Russian

© Одесский М.П., 2024

magic novel” (M. Chulkov etc.), with which the poem “*Ruslan and Lyudmila*” is associated. Pushkin borrowed from it samples of the protagonist’s name and turned “*Yeruslan*”/“*Roksolan*” into “*Ruslan*”. However, in Pushkin’s poem, the ethnogenetic discourse is subordinated not to a ideological, but to a purely artistic setting.

Keywords: ethnogenetic discourse, A. Pushkin, “*Ruslan and Lyudmila*”, “*Russian magic novel*”, M. Chulkov, “*Ruslan*” (name)

For citation: Odesskii, M.P. (2024), “The function of ethnogenetic discourse in the poem ‘*Ruslan and Lyudmila*’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 11, pp. 14–22, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-14-22

Поэму А.С. Пушкина «*Руслан и Людмила*» не принято рассматривать в традиционно публицистическом контексте. Ее доминирующая установка – преимущественно художественно-игровая. По определению еще П.В. Анненкова – основателя пушкинистики, «сам автор как будто шутит над сказочными мотивами, которые употребляет в дело, над собственными приемами и образами»¹. Тем не менее эта установка подразумевала не столько отсутствие публицистических элементов, сколько их подчинение общей системе игрового характера. В частности, достаточно очевидно присутствие в «*Руслане и Людмиле*» этногенетического дискурса. Соответственно, задача данной статьи – изучение специфики его функционирования в пушкинской поэме.

* * *

Как известно, на XVII и XVIII вв. приходится формирование ментальных парадигм, которые станут актуальными в Новой России. В том числе эти столетия характеризуются интересом к этногенетическим конструкциям. Основными каналами их распространения можно считать своеобразные исторические сочинения, в свою очередь, разделявшиеся на две группы. К первой относятся официальные компиляции, исторически связанные с Киевом (после его включения в сферу влияния Москвы) и Речью Посполитой (знаменитый печатный «Синописис» 1674 г., приписываемый архимандриту Киево-Печерской лавры Иннокентию Гизелю и начинающий повествование от Иафета, его сына Мосоха и т. д.),

¹ *Анненков П.В.* Материалы для биографии А.С. Пушкина / общ. ред. и вступ. ст. Г.М. Фридендера. М.: Современник, 1984. С. 83.

ко второй – оригинальные тексты, которые позднее часто квалифицировались как «баснословные» («Сказание о Словене и Русе», где фигурируют правнуки Иафета Скиф и Зардан, затем правнуки Скифа Славен и Рус и т. д.) [Ромодановская 1994, с. 64–83]. Этногенетические сочинения были призваны – в условиях «после Смуты» – ответить на вопросы идентичности и носили открыто публицистический характер.

Разумеется, поэму «Руслан и Людмила» некорректно относить к собственно этногенетическим сочинениям, но специалистами давно установлено, что ее славянский колорит и сюжетика восходят к «русскому волшебному роману» второй половины XVIII в. (по терминологии В.В. Сиповского)², а этот популярный жанр отечественной прозы был значим в перспективе как развлекательной литературы, так и этногенетического мифа. Его персонажи – *свои*, древние русы и славяне, и читатель воспринимал «волшебный роман» как невымышленное повествование. К примеру, роман М.И. Попова, в первом издании (1770–1771) называвшийся «Славянские древности», при переиздании (1778) получил новое заглавие – «Старинные диковинки», т. е. исчезли и «славянские», и «древности»; автор, объясняя исправление, попытался уточнить жанровую специфику «русских волшебных романов»: оказывается, первые читатели книги «чаяли в ней повсюду важные исторические известия о наших древностях, вместо коих присутствуют здесь не столь описания достопамятных, подкрепленных летописанием событий, сколько украшенные авторской фантазией и вымыслом повествования о характерах, нравах людей самых обычных, хоть и живших в такие древние времена, о коих самая древнейшая из наших летописей умалчивает»³.

Основной источник сведений авторов «русского волшебного романа» – «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года» (1766) М.В. Ломоносова, авторитетно сплавившего «Повесть временных лет», хроники Речи Посполитой, западные компендиумы – с «басновловными» историями. Попов писал в своей книге о славянской мифологии: «...материя, составляющая сию книгу, выбрана мною из славено-российского древнего летописца, из Российской истории покойного господина Ломоносова, из историографии о начале происхождения Славенского народа г. Мав-

² Цит. по: *Сиповский В.В.* Пушкин: Жизнь и творчество. М.: Книжный клуб «Книговек», 2017. С. 391–416.

³ Старинные диковинки: Волшебно-богатырские повести XVIII в. / сост. Ю.М. Медведев. М., 1992. С. 309.

роурбина Архимандрита Рагужского, из некоторых рукописных Российских летописцев...»⁴.

Почин в деле создания «волшебного романа» принадлежал М.Д. Чулкову, который в 1766–1768 гг. выпустил четыре выпуска романа «Пересмешник, или Славенские сказки» (последний пятый выпуск – в 1789 г.). «Пересмешник» включает бытовую и рыцарскую линии. Рыцарская развертывается как похождения славянского героя Силослава.

Богатырь Силослав – сын повелителя Винеты: «Во времена древних наших князей, до времен еще великого Кия, на том месте, где ныне Санкт-Петербург, был великолепный, славный и многолюдный город именем Винета...»⁵. Силослав влюбляется в Прелепу – дочь повелителя «многонародного города», что «стоит на берегу Варяжского моря к полуденной стороне от Винеты»⁶. В своих странствиях он встречается несчастного старца по имени Славурон, родом из города Рус: «Сей город стоял на берегу озера Ильменя, при устьях рек Ловати и Палы, которое место ныне называется Старая Русь. Он был весьма крепок и сооружен из дикого камня; одну сторону окружало озеро, а еще другие два – объявленные реки»⁷. Славурон рассказывает Силославу свою историю. В юности он оказался в Константинополе, где стал, в частности, свидетелем казни своего отца-славянина: «Отец мой, будучи верным сыном отечества, пожелал лучше лишиться жизни, нежели поднять оружие противу своих однородцев, и так умер с прочими, последовавшими в том ему»⁸. После чудесных происшествий Славурон вернулся на родину – в город Рус и стал полководцем «государя русского»⁹, однако потерпел в битве с врагами поражение и скрылся в пещере. Пока Силослав выслу-

⁴ *Попов М.* Описание древнего славенского языческого баснословия, собранного из разных писателей. СПб., 1768. С. 10–11. Вместе с Ломоносовым Попов упоминает трактат дубровницкого автора Мавро Орбини «Славянское царство» (в котором суммировались древнейшие упоминания о славянах, в том числе этногенетические легенды, и который был переведен на русский в 1722 г. по повелению Петра I), а также «рукописные Российские летописцы», т. е. – кроме «Повести временных лет» – «баснословные» исторические тексты.

⁵ Старинные диковинки: Волшебно-богатырские повести XVIII в. С. 11.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Там же. С. 89.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Там же. С. 79.

шивал историю Славурона, выяснилось, что на город Рус напал страшный «кочующий в непроходимых горах Валдайских»¹⁰ кентавр-богатырь Полкан (персонаж из переводной «Повести о Бове Королевиче»). Положение горожан – отчаянное: «Новгородский двор дать нам помощи не в силах потому, что Новгород осажден от разбойника, называемого Волхв (в «Сказании о Словене и Русе» чародей, старший сын Словена. – М. О.), и так сам защищать себя едва может, а не только нам помогать»¹¹. Тогда богатырь Силослав поражает недругов; роман не окончен.

В числе приключений Силослава – встреча с живой головой, лежащей на поле брани рядом с собственным телом. Голова открывает герою свое имя – Роксолан¹², правитель государства, захваченного коварным волшебником. Силослав помогает Роксолану.

Образ «живой головы» заимствован Чулковым из переводной «Повести о Еруслане Лазаревиче»¹³. Она с 40-х гг. XVII в. бытовала как авантюрная повесть. Но нюансы ее восприятия позволяют гипотетически считать «Повесть» – подобно позднему волшебному роману – не простым развлечением, а текстом, который какое-то время функционировал в качестве особого канала этногенетических конструкций.

Действительно, в русской повести богатырь, генетически связанный с иранским Рустамом, получил «национально» окрашенное имя Уруслан/Еруслан, а голова – согласно распространенной «полной сказочной редакции» XVII в. – имя Росланей [Пушкарев 1980, с. 33–37]. Закономерно: когда в 1640-х гг. стольник Иван Бегичев, а спустя сто лет А.Д. Кантемир (письмо «К стихам своим») и А.П. Сумароков («Епистола о русском языке») презрительно отзывались о низовом чтиве, они поминали не «Повесть о Еруслане», а «Бову Королевича».

Во второй половине XVIII в. «Повесть о Еруслане Лазаревиче» все же переместилась в область низовой словесности. Чулков в 1769 г. (журнал «И то, и сё», «Повесть о Нетоне») социально уравнивал ее с Бовой – среди «историй, которые продаются на рынке, как-то например: Бову Королевича, Петра Златых ключей, Еруслана Лазаревича, о Франце Венецианине о Гереоне о Евдоне и Берфе, о Арсасе и Размере, о российском дворянине Александре, о Фроле Скобееве о Барбосе-разбойнике, и прочие весьма

¹⁰ Там же. С. 88.

¹¹ Там же. С. 90.

¹² Там же. С. 20.

¹³ *Ситовский В.В.* Пушкин: Жизнь и творчество. С. 405–407; см. также [Пушкарев 1980, с. 83–85].

полезные истории»¹⁴. Одновременно это никак не мешало автору «Пересмешника» превращать Росланея в Роксолана, что есть очевидная этногенетическая аллюзия на роксоланов, предков славян из «Синописа» или истории Ломоносова.

Историософский статус этногенетических конструкций окончательно переменялся с выходом «Истории государства Российского» (1818). Н.М. Карамзин, переориентировав науку на подлинные летописи, дезавуировал «баснословия». В статье «Отрывки из писем, мысли и замечания» (альманах «Северные цветы» на 1828 г.) Пушкин защищал это новаторство: он негативно отождествил предъявляемое Карамзину требование поместить «какую-нибудь блестящую гипотезу о происхождении славян» с требованием «от историка не истории, а чего-то другого»¹⁵.

Тогда получается, что Пушкин хотя использует и Чулкова, и варианты «Еруслана Лазаревича», однако переносит действие поэмы в былинный Киев князя Владимира, лишает имени побежденную «живую голову», а победителю возвращает имя из «Повести», но с многозначительной коррективой. Монтаж имен – типа Еруслан, Рус, Роксолан – логично дает новое имя Руслан. Оно напоминает очередной этноним, и в Песне V автор даже выявляет его внутреннюю форму: «И силе русской изумясь, // Волшебник гордому Руслану // Коварно молвит...»¹⁶.

Современники осознавали жанровую традицию такого рода манипуляций. В критическом отзыве о поэме А.Г. Глаголев (кстати, компетентный в фольклористике) прямо возмущался «нашими словесниками», в стихотворениях которых «заблестали Ерусланы и Бовы»: «Возможно ли просвещенному или хоть немного сведущему человеку терпеть, когда ему предлагают новую поэму, писанную в подражание Еруслану Лазаревичу? <...> неизвестный пиит на образчик выставляет нам отрывок из поэмы своей “Людмила и Руслан” (не Еруслан ли?)»¹⁷. Но ведь и Пушкин едва

¹⁴ Лекарство от задумчивости, или Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова / вступ. ст., коммент., сост. М. Плюхановой. М.: Книга, 1989. С. 227. Впрочем, на историю Бовы Королевича все равно «бывает больше походу, нежели на другие такие драматичные сочинения» (Там же).

¹⁵ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т. 11: Критика и публицистика, 1819–1834. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 57.

¹⁶ Там же. Т. 4: Поэмы, 1817–1824. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 62.

¹⁷ Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827 / под общ. ред. В.Э. Вацура, С.А. Фомичева. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр, 1996. С. 27.

ли серьезно относился к этногенетической функции «Руслана». Действительно, семантический потенциал имени Руслан должен был лишь подсказать читателю волшебной поэмы, что носитель славного этнонима – центральный персонаж и герой во всех смыслах. Так что, в отличие от будетлянина В.В. Хлебникова, в статье 1913 г. «О расширении пределов русской словесности» назвавшего «Руслана и Людмилу» «главой» «русской Библии»¹⁸, у Пушкина функция имени Руслан – художественная.

В томах Карамзина, кроме того, присутствует – вместе с Рахдаем/Рогдаем и Фарлафом – имя Ратмира: «Ратмир, верный слуга Князя, не уступал никому в храбрости: бился пеший, ослабел от ран и пал мертвый, к общему сожалению наших»¹⁹.

Ратмир являлся еще в «Житии Александра Невского» XIII в. – в качестве участника Невской битвы, поэтому неудивительно, что его имя актуализировалось до Карамзина и актуализировалось в новгородском контексте. М.М. Херасков в стихотворной повести «Царь, или Спасенный Новгород» (1800) – она включает посвящение Павлу I и восхваляет институт монархии – выставил Ратмира антагонистом Рюрика: «второй Кориолан», он учреждает в Новгороде народовластие, напоминая революционную Францию. В финале Ратмир побежден призванным на царство Рюриком и закаляется, оставшись верным, но не народовластию, а сатанинской гордыни и злодейству. Херасков наделяет персонажей стихотворной повести – кроме Рюрика и Гостомысла – невероятными именами Изнар, Конар и т. п., но имя Ратмир явно на своем месте в тексте, имеющем отношение к древнему Новгороду.

В исторической повести «Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода» (1803) Карамзина функция имени Ратмир почти та же, но с другим знаком. Автор прежде всего подчеркнул в примечании: «В Новеграде было еще обыкновение называться древними славянскими именами. Так, например, летописи сохранили нам имя Ратьмира (так! – М. О.), одного из товарищей Александра Невского»²⁰. В «Марфе-Посаднице» отшельник Феодосий вручает военачальнику, противостоящему московскому князю, легендарный булатный меч Ратьмира (объявленного предком бояр Борецких,

¹⁸ *Хлебников В.В.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. Кн. 1 / сост., подгот. текста, коммент. Е.Р. Аронзон, Р.В. Дуганова. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 66.

¹⁹ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 4 / подгот. текста В.Ю. Афиани, В.М. Живова, В.П. Козлова. М.: Наука, 1992. С. 19.

²⁰ *Карамзин Н.М.* Сочинения: В 2 т. / сост., коммент. Г.П. Макогоненко. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1984. С. 556.

семьи Марфы-Посадницы), на котором изображены слова «Никогда врагу не достанется», а позднее военачальник, разбитый и смертельно раненный, сохранил честь новгородцев, бросив «меч свой в быстрые воды» реки²¹.

На этом фоне автор «Руслана и Людмилы» затеял в русской литературе своего рода войну за наследство Ратмира. Дело в том, что Пушкину Ратмир оказался чуть ли не родственником. Согласно фамильным сведениям, «первоначальным предком» Пушкиных был Ратша (Рача), который «выехал из немец» при Александре Невском²². Вместе с тем в поколенной росписи исторически законное место участника Невской битвы занял правнук Ратши – Гаврила Алексич, представленный доблестным воином и в «Житии Александра Невского» [Веселовский 1990, с. 9–10, 21–22].

В итоге Пушкин практикует – несколько раз! – словно бы синтезирование предков: в позднейшем стихотворении «Моя родословная» (1830) он изобразил предком–невским героем не Гаврилу Алексича, а «Рачу благородного». Аналогично, в «Руслане и Людмиле» – вполне в духе фантазий, свойственных генеалогиям – он выделил Ратмира, прославленного Карамзиным, ведь Ратша/Рача – вариант имени Ратмир.

Генеалогические схождения подкрепляются в «Руслане и Людмиле» сюжетом: теперь имя Ратмир не «древнее славянское», его носит хазарский хан (не намек ли на негра-Пушкина?); Ратмир – храбрец, но отнюдь не хранитель древней вольности, а любовник, который вначале пленен Людмилой, потом попадает в двусмысленное общество двенадцати дев и, наконец, обретает скромное счастье с пастушкой. По воле автора носителю этногенетического имени Руслан выпадает доблестно спасти Киев и получить дочь князя Владимира, а Ратмиру – непритязательная хижина и пастушеская любовь.

Итак, сюжетная биография вместе с генеалогией превращают Ратмира в авторского двойника. Притом архитектурно Ратмир соположен и противопоставлен Руслану – примерно так же, как потом в «Кавказском пленнике» русские генералы из эпилога соположены и противопоставлены байроническому «пленнику», погруженному в собственные переживания. Более того, сходная конструкция – при всех модификациях – прослеживается и в вершинных произведениях Пушкина, вплоть до «Медного Всадника». Однако в любом случае этногенетические конструкции в «Руслане

²¹ Там же. С. 571.

²² Александр Сергеевич Пушкин: документы к биографии: 1799–1829 / сост. В.П. Старк. СПб.: Искусство-СПб, 2007. С. 22.

и Людмиле» не столько публицистическая составляющая (как в «русском волшебном романе»), сколько элемент художественной системы, основанной на легком диалоге с источниками.

Литература

- Веселовский 1990 – *Веселовский С.Б.* Род и предки А.С. Пушкина в истории. М.: Наука, 1990. 336 с.
- Пушкарев 1980 – *Пушкарев Л.Н.* Сказка о Еруслане Лазаревиче. М.: Наука, 1980. 183 с.
- Ромодановская 1994 – *Ромодановская Е.К.* Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. 232 с.

References

- Pushkarev, L.N. (1980), *Skazka o Eruslane Lazareviche* [The tale of Yeruslan Lazarevich], Nauka, Moscow, USSR.
- Romodanovskaya, E.K. (1994), *Russkaya literatura na poroge novogo vremeni* [Russian literature on the threshold of a new age. Ways of forming Russian fiction of the transition period], Nauka, Novosibirsk, Russia.
- Veselovskii, S.B. (1990), *Rod i predki A.S. Pushkina v istorii* [The family and ancestors of A.S. Pushkin in history], Nauka, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; modessky@mail.ru

УДК 821(470)-31

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-23-37

Публицистика и контрпублицистика:
о текстологии романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова
«Золотой теленок»

Давид М. Фельдман

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dmfeld@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу цензурных вмешательств в издания романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Золотой теленок». Выявляется специфика деятельности цензоров, соотношенная с конкретными политическими установками, актуальными на период подготовки каждой публикации. Анализируется мотивация цензурировавших романский текст и конкретные результаты их деятельности. Установлено, что исходная публицистическая компонента в рукописи, подготовленной самими авторами, существенно снижена при цензурном контроле.

Ключевые слова: И.А. Ильф, Е.П. Петров, «Двенадцать стульев», «Золотой теленок», А.В. Луначарский, Б. Волин, Главлит

Для цитирования: Фельдман Д.М. Публицистика и контрпублицистика: о текстологии романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Золотой теленок» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 23–37. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-23-37

Publicity and counter-publicity.
On the textology of the novel “Zolotoi telenok”
by I.A. Ilf and E.P. Petrov

David M. Feldman

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dmfeld@inbox.ru*

Abstract. The article deals with the analysis of censorship interventions in the editions of the novel “Zolotoi telenok” by I.A. Ilf and E.P. Petrov. It reveals the specifics of the censors’ activities, correlated with specific political attitudes relevant to the period of preparation for each publication. The motivation of those who censored the novel text and the specific results of their activities are analyzed.

© Фельдман Д.М., 2024

It is found that the original journalistic component in the manuscript prepared by the authors themselves was significantly reduced under censorship control.

Keywords: I.A. Ilf, E.P. Petrov, “Dvenadtsat stuliev”, “Zolotoi telenok”, A.V. Lunacharsky, B. Volin, Glavlit

For citation: Feldman D.M. “Publicity and counter-publicity. On the textology of the novel ‘Zolotoi telenok’ by I.A. Ilf and E.P. Petrov”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, no. 11, pp. 23–37, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-23-37

Вместо пролога

С января 1928 г. роман «Двенадцать стульев» начал публиковать столичный ежемесячник «30 дней». По прошествии трех лет в январском номере этого журнала началась публикация второй книги дилогии о похождениях Остапа Бендера – «Золотой теленок».

Авторы к тому времени добились всесоюзной, да и мировой известности. Роман «Двенадцать стульев» уже дважды вышел отдельным изданием, готовилось третье, за границей опубликованы переводы на иностранные языки, завершилась дискуссия о допустимости сатиры в СССР (подробнее см.: [Одесский, Фельдман 2015, с. 223–249; Одесский, Фельдман 2018, с. 469–486]). Но в августе 1931 г. редакция журнала «30 дней» изрядно удивила читателей. Вместо очередных глав романа «Золотой теленок» – портреты авторов и статья о них А.В. Луначарского¹.

Он уже не руководил тогда Народным комиссариатом просвещения, работал в Центральном Исполнительном Комитете СССР, но по-прежнему был представителем высшей партийной элиты, причем и академиком стал. Его авторитет понадобился главному редактору журнала «30 дней», чтобы противостоять внезапному запрету на продолжение публикации романа «Золотой теленок».

Запрет поступил из так называемого Главлита – Главного управления по делам литературы и издательств Народного комиссариата просвещения. В конце июня 1931 г. эту цензурную инстанцию возглавил критик Б. Волин, давний недруг авторов романа. Его они в одном из фельетонов зло высмеяли, сравнив с недалеким, тщеславным и сервильным школьником, претендующим на статус «первого ученика»².

¹ Луначарский А. Ильф и Петров // 30 дней. 1931. № 8. С. 62–65.

² Цит. по: Ильф И.А., Петров Е.П. Три с минусом: Отчет о диспуте «Писатель и политграмота». Состоялся 7 X в Театре революции // Ильф И.А., Петров Е.П. Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска:

Став главлитовским начальником, Волин получил наконец возможность свести с обидчиками счеты. Вот и поспешил воспользоваться служебными полномочиями³.

Глава редакции, так называемый ответственный редактор, имел право опротестовать волинское решение в ЦК партии, но выбрал другой аргумент: ответил цензурному начальнику статьей Луначарского. Тот последовательно и умело защищал Ильфа и Петрова. Доказывал, что оба романа диологии постольку весьма полезны советскому режиму, поскольку высмеивают его противников, дискредитируют их, лишая каких-либо читательских симпатий.

Публикация романа «Золотой теленок» продолжилась в ноябре. Завершилась она в декабрьском номере журнала. Но Волин запретил отдельное издание романа. Имел право. Снять главлитовский запрет удалось стараниями влиятельных заступников, и вторая книга диологии была на исходе 1932 г. подписана к печати.

Ильф и Петров сумели противостоять Главлиту. Однако помимо этой цензурной инстанции были и другие.

Первым цензором романа стал один из журнальных редакторов, которому было поручено редактирование предоставленной авторами рукописи. Контроль так называемой политической выдержанности – редакторская обязанность.

В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится первый из сохранившихся экземпляров рукописи. Это автограф Петрова и машинопись с правкой. Далее – ЗТАМ⁴.

Первый из сохранившихся экземпляров рукописи, согласно редакционным правилам, был перепечатан. Туда редактор вносил свою правку. Машинописная копия не сохранилась, но публикация в журнале позволяет выявить редакторские интенции.

Редактор ЗТЖ устранил не только фрагменты, сочтенные им политически неуместными. Внес также обильную, причем излишнюю, а порой и вредную стилистическую, т. е. вкусовую, правку. Соответственно, публикация в журнале «30 дней» – второй из сохранившихся вариантов романа. Далее – ЗТЖ⁵.

Первое отдельное издание романа было подготовлено издательством «Федерация». Согласно выходным данным, опубликовано

Рассказы, фельетоны, очерки, пьесы, сценарии / сост., вступ. ст., коммент. М. Долинского. М.: Книжная палата, 1989. С. 214–217.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 272. Л. 35–38: *Волин Б.М.* Оргбюро ЦК ВКП(б) (впервые опубликовано: [Горяева 2009, с. 210]).

⁴ РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 38: *Ильф И.А., Петров Е.П.* Золотой теленок.

⁵ *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок // 30 дней. 1931. № 1–7; 10/11–12.

в 1933 г. Основа – журнальный вариант. Но издательский редактор тоже внес свою цензурно-вкусовую правку. Это третий вариант романа. Далее – ЗТФ33⁶.

Четвертый вариант – отдельное издание, выпущенное издательством «Советская литература» в 1933 г. Оно подготовлено на основе предыдущей публикации, но с очередной редакторской правкой. Далее – ЗТСЛ33⁷.

Пятый вариант – отдельное издание романа, выпущенное в 1934 г. издательством «Советская литература». Оно подготовлено на основе последней из предыдущих публикаций и тоже с редакторской правкой. Далее – ЗТСЛ34⁸.

Шестой вариант – отдельное издание романа, выпущенное в 1934 г. издательством «Советский писатель». Оно подготовлено на основе последней из предыдущих публикаций и тоже с редакторской правкой. Далее – ЗТСП34⁹.

Седьмой вариант – издание романа в составе дилогии. Этот одномник выпущен издательством «Советский писатель» в 1935 г., основой была последняя из предыдущих публикаций, куда редактор внес правку. Далее – ЗТСП35¹⁰.

Восьмой вариант – отдельное издание романа, выпущенное Государственным издательством художественной литературы в 1936 г. Основой была последняя из предыдущих публикаций, куда редактор внес правку. Далее – ЗТХЛ36¹¹.

Девятый вариант романа опубликован во втором томе четырехтомного собрания сочинений Ильфа и Петрова. Выпустило его издательство «Советский писатель» в 1938 г., основой была последняя из предыдущих публикаций и тоже с редакторской правкой. Далее – ЗТСП38¹².

Как известно, Ильф умер в 1937 г. Туберкулез. Пять лет спустя погиб в авиационной катастрофе Петров.

⁶ *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. М.: Федерация, 1933. 440 с.

⁷ *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. М.: Советская литература, 1933. 430 с.

⁸ *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. М.: Советская литература, 1934. 340 с.

⁹ *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. М.: Советский писатель, 1934. 342 с.

¹⁰ *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев; Золотой теленок. М.: Советский писатель, 1935. С. 261–526.

¹¹ *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. М.: Худож. лит., 1936. 384 с.

¹² *Ильф И.А., Петров Е.П.* Золотой теленок // Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 4 т. М.: Советский писатель, 1938. Т. 2. 330 с.

Следующее издание романа выпущено издательством «Советский писатель» в 1948 г. Как повелось, на основе последней из предыдущих публикаций и с очередной редакторской правкой. Это десятый вариант романа. Далее – ЗТСП48¹³.

Второе посмертное издание выпустило Государственное издательство художественной литературы в 1956 г. Основой стала последняя из предыдущих публикаций, куда внесена редакторская правка. Это одиннадцатый вариант романа. Далее – ЗТХЛ56¹⁴. Он тиражировался в течение пяти лет. Ну а в 1961 г. пятитомное собрание сочинений Ильфа и Петрова выпущено Государственным издательством художественной литературы. «Золотой теленок» – в составе второго тома¹⁵. Это комментированное издание. Комментаторами указаны и эдиционные принципы: «Печатается по тексту Собрания сочинений в четырех томах, т. II, “Советский писатель”, М., 1938, сверенному со всеми предшествующими публикациями» [Вулис, Галанов 1961, с. 546]. Сказанное комментаторами соответствовало тогда актуальным советским текстологическим установкам. Подразумевалось, что лишь последнее из прижизненных изданий соответствует «авторской воле».

Характерно, что такая установка распространялась только на издания произведений, относившихся к советской литературе. Наличие цензуры в досоветскую эпоху не подвергалось сомнению.

Девятый вариант романа – ЗТХЛ38 – считался последним из прижизненных изданий, в связи с чем и был признан «отражающим авторскую волю». Правда, комментаторы в 1961 г. не сообщили, выявлены ли какие-либо разночтения при сверке «со всеми предшествующими публикациями».

Умолчание закономерно: основой нового издания стало последнее из предшествовавших – ЗТСП56. Туда очередной редактор свою правку внес, так что издан был двенадцатый вариант романа. Далее – ЗТХЛ61.

Он и тиражировался в советскую эпоху. Аксиоматически подразумевалось, что все текстологические проблемы решены, вот почему этот вариант именовали даже «каноническим».

¹³ *Ильф И.А., Петров Е.П.* Золотой теленок // Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев; Золотой теленок. М.: Советский писатель, 1948. С. 341–691.

¹⁴ *Ильф И.А., Петров Е.П.* Золотой теленок // Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев; Золотой теленок. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. С. 327–652.

¹⁵ *Ильф И.А., Петров Е.П.* Золотой теленок // Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. лит., 1961. Т. 2. С. 5–386.

В данной статье не рассматривается многослойная вкусовая редакторская правка. Она столь обильна, что для ее анализа не хватило бы и объема всего номера.

Не рассматриваются также редакторско-цензорские манипуляции в связи с эпиграфом к роману и предисловием «От авторов». Они рассмотрены в публикациях, указанных ниже [Одесский, Фельдман 2015, с. 223–249; Одесский, Фельдман 2018, с. 469–486].

Рассмотрена в данной статье редакторская правка, обусловленная установками политического характера. Она тоже многослойна и весьма обильна, потому выбраны лишь несколько примеров.

Конвенциональная специфика

Первая глава хрестоматийно известного романа в ЗТАМ началась рассуждениями о пешеходах. С этой точки зрения примечателен довольно пространственный фрагмент:

Они, давшие миру таких замечательных людей, как Гораций, Бойль-Мариотт, Лобачевский и Гутенберг, они, выделившие из своей среды таких завзятых пешеходов, как Пушкин, Вольтер, Мейерхольд и Анатолий Франс, – принуждены теперь кривляться самым пошлым образом, чтобы только напомнить о своем существовании.

Редакторы ЗТЖ и ЗТФ33 внесли в текст изменения вкусового характера. Ну а в ЗТСП48 уже нет упоминания о Вс.Э. Мейерхольде, что симптоматично. В 1939 г. всемирно известный режиссер был арестован, затем осужден за так называемую контрреволюционную деятельность и расстрелян. Семнадцать лет спустя он признан невиновным, однако вернуть исходный вариант фрагмента публикаторы не могли.

После рассуждений о пешеходах в ЗТАМ появляется главный герой. Далее – о его впечатлениях:

Он увидел десятка полтора голубых, резедовых и бело-розовых звонниц; бросилось ему в глаза облезлое кавказское золото церковных куполов. Флаг клубничного цвета трещал над официальным зданием.

Редактор ЗТЖ заменил слово «кавказское» на «американское» и удалил фрагмент «клубничного цвета». Правка в обоих случаях цензурная.

Термин «кавказское золото» еще с досоветской поры использовался для обозначения подделок, многие из которых изготавливались тогда на Кавказе. Например, карманные часы в корпусе из позолоченной меди или медных сплавов, нательные кресты, серьги, кольца, броши. Подобного рода изделия, когда их продавали, не отличались внешне от золотых, но вскоре позолота облезала, и тогда был виден металл потускневший, значит, отнюдь не драгоценный. Вот редактор и устранил характеристику, компрометирующую, по его мнению, республики советского государства. США же компрометировать не возбранялось.

Характеристика «клубничного цвета», вероятно, показалась редактору тоже компрометирующей. Однако нет оснований полагать, будто в данном случае Ильф и Петров иронизировали. Наоборот, они подчеркнули: флаг – ярко-красный. Значит, выцветавшие от солнца, дождей и снега полотнища заменяются на флаштоке регулярно, что и характеризует отношение городской администрации к советской государственной символике.

«О том, как Паниковский нарушил конвенцию» – название первой главы романа. В следующей же сообщается, что это было за нарушение.

Повествованию мошенника-рецидивиста Балаганова авторы предпослали ироническую характеристику описанной им ситуации. В ЗТАМ сказано:

Анархия раздирала корпорацию детей лейтенанта, и они не могли извлечь из своей профессии тех выгод, которые она, несомненно, могла принести.

Трудно найти более удобный плацдарм для всякого рода самозванцев, чем наше обширное государство, переполненное или сверх меры подозрительными, или чрезвычайно доверчивыми администраторами, хозяйственниками и общественниками.

Но редактор ЗТСЛЗЗ счел характеристику неуместной. Он создал новый вариант:

Анархия раздирала корпорацию детей лейтенанта. Они не могли извлечь из своей профессии тех выгод, которые, несомненно, могло им принести минутное знакомство с администраторами, хозяйственниками и общественниками, людьми по большей части удивительно доверчивыми.

Упоминание о подозрительности «сверх меры» удалено по соображениям цензурного характера. В новом варианте характеристико-

валось уже не «государство», а лишь некоторые «администраторы, хозяйственники и общественники» – те, что бывают «удивительно доверчивыми».

Но авторы романа не о доверчивости рассуждали. Имелись в виду ее причины – «Отряды мифических родственников усердно разрабатывают природные богатства страны: добросердечие, раболепство и низкопоклонничество».

Редактор ЗТСЛЗЗ удалил этот фрагмент. Правка цензурная. Авторы намекали, что главное орудие «мифических родственников» – страх: отказ в помощи, например, брату Луначарского, сыну или дочери «лейтенанта Шмидта» можно было трактовать как проявление нелояльности советскому режиму. Отсюда, соответственно, «раболепство и низкопоклонничество». Но шутка Ильфа и Петрова, еще допустимая на исходе 1932 г., оказалась неуместной через несколько месяцев.

Итогом организационной деятельности Балаганова стал, как известно, съезд «детей лейтенанта Шмидта», где мошенники разделили по жребию сферы влияния, то есть заключили пресловутую конвенцию. Ее и нарушил Паниковский, зашедший на чужую территорию.

В ЗТХЛ61 причина нарушения характеризуется. Но – кратко и невнятно: «Злая звезда Паниковского оказала свое влияние на исход дела. Ему досталось Поволжье. Он присоединился к конвенции вне себя от злости».

Далее так и не объяснено, почему же Паниковский был «вне себя от злости». Но в ЗТАМ все сказано внятно: Паниковскому «досталась бесплодная и мстительная республика немцев Поволжья». В ЗТАМ она неоднократно упоминалась и ранее. Причем от нее все участники жеребьевки «единодушно отказывались».

Официальное название упомянутого административно-территориального образования – Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья. Создана в 1923 г.

Население составляли, главным образом, потомки немцев-эмигрантов, с XVIII в. переселявшихся в Российскую империю. Согласно распоряжениям Екатерины II, немецким земледельческим колониям были предоставлены немалые привилегии: местное самоуправление, налоговые льготы и т. п.

В 1918 г. решением СНК РСФСР на территориях Самарской и Саратовской губерний создана Автономная Область Немцев Поволжья. Она включала три уезда, население – около четырехсот тысяч. Местное самоуправление было отчасти сохранено, хотя административные структуры названы уже по советскому образцу. Второй государственный язык делопроизводства и обучения – немецкий.

Пять лет спустя АО НП реорганизована в АССР НП. Характеризуя ее как «бесплодную и мстительную», авторы романа указывали обстоятельства, известные многим читателям-современникам.

Территория, доставшаяся Паниковскому, была, во-первых, отнюдь не «бесплодной». С точки зрения плодородия – не хуже, а лучше большинства других в Поволжье: очень высоким считался местный уровень развития сельского хозяйства.

Во-вторых, подразумевалось, что поиск «чрезвычайно доверчивых администраторов» среди традиционно аккуратных и дисциплинированных потомков немецких переселенцев был задачей вряд ли разрешимой, да и к мошенникам они не проявляли снисхождения. Если в других регионах дежурные тумачи – худшая перспектива самозванца, то колонисты использовали только законные методы: арест и суд. Вот почему АССР НП и названа «мстительной».

В августе 1941 г. АССР НП ликвидирована. Этнические немцы депортированы, то есть насильственно вывезены и размещены по северным, дальневосточным и среднеазиатским регионам.

Оглашению в печати сведения о депортации не подлежали. Следуя цензурной установке, редактор ЗТСП48 удалил все фрагменты, относящиеся к уже ликвидированному административно-территориальному образованию. Такой вариант и воспроизведен в ЗТСП56 и ЗТХЛ61.

Как известно, Бендер в беседе с Балагановым сообщает, что намерен жить вне Советского Союза. Причина – разногласия с властью: «Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм. Что я, каменщик, каменщик в фартуке белом?..»

Авторами в данном случае использована аллюзия на популярное стихотворение В.Я. Брисова «Каменщик». Интерпретируется строка первой строфы: «Каменщик, каменщик в фартуке белом, / Что ты там строишь? кому? / Эй не мешай нам, мы заняты делом, / Строим мы, строим тюрьму».

Таким образом, социализм и тюрьма иронически сопоставлены по критерию принуждения, лишения свободы. Шутка считалась еще вполне допустимой, когда авторы готовили к публикации ЗТФ33, ведь Бендер – в советской традиции – персонаж отнюдь не положительный. Но через несколько месяцев цензурные установки стали более строгими, и редактор ЗТСЛ33 удалил как политически неуместную фразу «Что я, каменщик, каменщик в фартуке белом?..».

Порою цензурско-редакторский азарт обуславливал результаты нелепые до комизма. Так получилось, например, в двадцать девятой главе – «Гремящий Ключ».

Организаторы банкета, посвященного завершению строительства магистрали, пригласили бывшего метрдотеля с досоветским стажем. Тот, согласно ЗТХЛ61, растрогался: «Верьте слову, – бормотал старик со слезами на глазах, – каких людей кормил! Принца Вюртембергского кормил! Мне и денег платить не нужно. Как же мне напоследок жизни людей не покормить? Покормлю вот – и умру!» Он изысканно сервировал огромный банкетный стол, но внезапно нагрянувшие проголодавшиеся гости не дали специалисту закончить начатое, буквально сметая все, что замечали. Ну а ветеран ресторанный дела напился и уехал вместе с железнодорожным персоналом на моторной дрезине. По дороге, как сказано в ЗТХЛ61, вспоминал обиду. «Варвары! – кричал он, высовываясь на бреющий ветер и грозя кулаком в сторону Гремящего Ключа. – Всю сервировку к свиньям собачьим!.. Антона Павловича кормил, принца Вюртембергского!.. Приеду домой и умру!»

Если судить по вышеприведенной тираде, получается, что метрдотель «кормил» одного из принцев Вюртембергских, имя и отчество которого – Антон Павлович. Но хоть какие-нибудь сведения об этой титулованной особе не обнаружили комментировавшие роман по ЗТХЛ61 (см., например: [Щеглов 1991, с. 650]).

Разгадка загадки – в ЗТАМ. Согласно этому варианту, бывший метрдотель, убеждая пригласивших его, приводит не один, а три примера:

Верьте слову, – бормотал старик со слезами на глазах, – каких людей кормил! Принца Вюртембергского кормил! Шаляпина Федора Ивановича! Самого Чехова кормил, Антона Павловича! Я уж не подведу! Мне и денег платить не нужно. Как же мне напоследок жизни людей не покормить? Покормлю вот – и умру!

Так что в другом эпизоде – после банкета – уезжавший на моторной дрезине метрдотель упомянул имя и отчество не принца Вюртембергского, а Чехова. В ЗТАМ нет загадок.

Но вмешался редактор ЗТЖ. Он удалил фрагмент «Шаляпина Федора Ивановича! Самого Чехова кормил, Антона Павловича!»

Допустимо, что упоминание о Шаляпине постольку удалено, поскольку тот гастролировал за границей с 1922 г. и пять лет спустя постановлением Совнаркома был лишен звания «Народный артист республики», а также права на возвращение. Однако необъяснимо, почему редактор не позволил авторам упомянуть Чехова. Надо полагать, лишь редакторского азарта ради.

Впрочем, гораздо важнее другое обстоятельство. Редактор ЗТЖ, дойдя до эпизода отъезда бывшего метрдотеля, оставил там имя и

отчество Чехова, забыв, что ранее сам же из другой тирады изъясил упоминание о не виноватом перед советской властью писателе. Вот так и появилась титулованная особа, не известная специалистам в области генеалогии.

Обреченный победитель

Можно спорить о том, как относились Ильф и Петров к советскому режиму. Но бесспорно, что победа в погоне за богатством не полагалась Бендеру: таковы были тогда условия функционирования литературы на родине авторов романной диалогии.

В первой книге – романе «Двенадцать стульев» – горло спящего Бендера рассек бритвой сошедший с ума сообщник. Тем не менее авторы пощадили главного героя: он умер во сне, считая себя победителем и не зная, что долгожданная победа ускользнула очередной раз и уже окончательно. Но в итоге получилось, что самый обаятельный герой романа «Двенадцать стульев» – умный и сильный, отважный и великодушный – преступник. Даже более того: мошенник-профессионал. Ему не полагались читательские симпатии, а в их наличии сомневаться не приходилось. Такое противоречие было замечено некоторыми бдительными критиками. Их возражения Луначарский учел в цитированной выше статье:

При этих условиях Остап Бендер, который все разлагает своей философией беспринципности, своим организмом очень умного комбинатора, начинает нас тревожить, как бы не вообразил кто-нибудь, что это – герой нашего времени, как бы Остап Бендер не оказался образчиком для юнцов, не перепрыгнувших еще своего болота.

Тут, согласно Луначарскому, авторам романа «Золотой теленок» надлежит принять соответствующие меры. Бендеру, во-первых, следует проиграть окончательно и безоговорочно. Во-вторых, желательно еще и радикально измениться: «Думаю, что оказаться ему строителем нового будущего очень и очень трудно, хотя при гигантской очищающей силе революционного огня подобные факты и возможны».

Современникам намек был понятен. Речь шла о так называемой перековке – тема дежурная тогда. Если верить писателям и журналистам, в советских пенитенциарных учреждениях посредством труда успешно перевоспитывали осужденных преступников, и они становились образцовыми гражданами социалистического государства.

Собственное ли мнение формулировал бывший нарком и сущий академик, правительственное ли, это уже не имело значения. В любом случае Ильф и Петров не могли вовсе игнорировать выдвинутые условия.

Исходный замысел романа авторам пришлось изменить. Финал повествования стал иным.

Согласно исходному замыслу, последней главой романа была тридцать четвертая. Там – радикальная перемена в жизни главного героя. Выманив шантажом у казнокрада вождеденный миллион рублей, Бендер все-таки не может тратить деньги по своему усмотрению, ведь милиция бдительно следит, чтобы расходы каждого гражданина соответствовали его доходам. Наконец, в погоне за богатством пришлось оставить любимую девушку, отречься от любви ради добычи, оказавшейся ненужной. Анонимно пожертвовав государству несправедливо добытое, он женится на той, которую не мог забыть, и разрыв с криминальным прошлым декларирован: «Придется переквалифицироваться в управдомы».

Невежественный и деспотичный управдом был тогда дежурным объектом сатиры. Потому не конкретный план, а символ подразумевался заявлением Бендера. Так обозначена решимость стать обыкновенным советским гражданином.

В последней сцене романа Бендер, выйдя из загса, смотрит на ту, ради которой решил отказаться от былых иллюзий. Финальная фраза: «Перед ним стояла жена».

Уместно отметить, что в первой книге дилогии Старгород, где начинаются поиски клада, вполне прозрачная аллюзия на Одессу. Но каких-либо ностальгических мотивов нет. Авторы, подобно многим их землякам, вырвались из казавшегося им тесным провинциального города и столичными жителями стали.

Черноморск, где разворачивается основное действие второй книги дилогии, тоже прозрачная аллюзия на Одессу. Но теперь это символ возможного спасения. Вот и Бендер спасен. Он вернулся в родной город авторов романа, отказался от несправедливо добытого богатства и обрел любовь.

Это можно было трактовать и так, что поражение обернулось победой. Если герой после долгих странствий обрел любовь, значит, как подсказывала древняя, но актуальная в литературе традиция, он все же победил.

Неважно кого. В данном случае можно было так интерпретировать, что ради любви Бендер себя победил, свою жажду независимости от советского государства. Этим финалом обозначен некий компромисс.

Финал, разумеется, не оптимистический. Герою, как он сам говорит, тридцать три года, молодость закончилась, устал. Мечта о независимости от советского государства оказалась недостижимой, вот Бендер и согласился примириться с действительностью. Любовь и семья тут в качестве утешительной награды.

Поражение не было окончательным. К тому же первый вариант финала оставил место сомнениям в обоснованности главного пропагандистского тезиса: пусть в СССР нельзя пользоваться нелегально добытым богатством, но ведь Бендер не рискнул перебраться с капиталом через границу. Наконец, если обретение любви – победа, значит, он хоть в чем-то прав. Как подсказывала древняя традиция, без правоты нет победителя.

Луначарский четко обозначил политическую установку: нераскаявшемуся мошеннику победа не положена. Ради издания романа авторы последовательно демонстрировали поражения Бендера – и социальное, и личное. Правда, чтобы дополнить роман, требовалось дополнительное время. Не только авторам, сотрудникам журнала тоже.

В августе 1931 г. редакции журнала, как выше отмечено, пришлось вместо продолжения романа опубликовать статью Луначарского. Но и в сентябре читатели не увидели очередные главы. Ждать их пришлось до ноября, когда вышел сдвоенный номер, то есть десятый-одиннадцатый, а закончилась публикация в двенадцатом.

Прежнюю тридцать четвертую главу заменила новая, причем не финальная. В поезде миллионер знакомится с группой студентов, он становится душой компании, но после его рассказа о своем богатстве новые знакомые спешно уходят. Потому что миллион рублей не скопил бы к 1930 г. даже самый высокооплачиваемый администратор, инженер, военачальник, ученый, писатель, художник, режиссер или композитор, даже частный предприниматель не мог бы легально получить такой суммарный доход за всю нэповскую эпоху, значит, для честных советских граждан Бендер – преступник, чужак. Таково социальное поражение.

В следующей главе Бендер возвращается к девушке, которую оставил, гонясь за богатством. Черноморск / Одесса – опять символ возможного спасения, но главному герою уже не спастись. Раз он неправ, значит, никакой победы, ни в чем. Та, ради которой он вернулся, замуж вышла. Его личное поражение бесспорно: проиграна любовь.

Финальная глава – бегство из СССР. Оно поначалу удается. Но Бендера ограбят иностранные пограничники. Избитый, чудом избежавший смерти, он вновь пересекает границу, возвращаясь туда, откуда бежал.

Таков итог. Незаконно добытым богатством нельзя пользоваться в советском государстве, а вне – отнимут, еще и убить могут. Лучшая и удачнейшая афера Бендера провальной оказалась, причем в силу не зависящих от афериста факторов, которые постойны.

В ЗТАМ поражение Бендера окончательно и безоговорочно. Это и подчеркнуто его итоговой тирадой, произнесенной в одиночестве и опять на советской территории: «Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придется переквалифицироваться в дворники!»

В ЗТАМ последняя фраза эмблематизирует именно трагический финал повествования. Речь шла не о профессии как таковой. Бендер констатировал, что он, спасаясь от гибели, вернулся туда, где нет у него перспектив социальной реализации, а заменить ее нечем: любовь тоже проиграна. Тупик. Значит, впереди не жизнь – выживание. Безысходность. Трагический пафос такой самооценки предсказуемо вызывал бы сочувствие к обаятельному мошеннику. Но тут вмешался редактор ЗТЖ. Он создал новый вариант последней фразы романа: «Придется переквалифицироваться в управдомы». Эту фразу редактор ЗТЖ заимствовал из первого финала романа – тридцать четвертой главы. Однако там Бендер декларирует отказ от криминальной деятельности ради семьи.

Замена, произведенная редактором ЗТЖ, соответствовала цензурным требованиям. В редакторском варианте трагизм выражен не так явно, как прежде: Бендер проиграл любовь, но все еще планирует аферы, пусть лишь на бюрократическом уровне: как управдом – без явного нарушения законов.

Оспорить политически обусловленную редакторскую правку авторы не могли. Но стоит отметить, что они все же не последовали совету Луначарского, не дополнили романную дилогию книгой, где Бендер стал бы «строителем нового будущего».

Литература

- Вулис, Галанов 1961 – *Вулис А.З., Галанов Б.Е.* Примечания // Ильф И.А., Петров Е.П. Собр. соч.: В 5 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1961. Т. 2. С. 533–546.
- Горяева 2009 – *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР: 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 405 с.
- Одесский, Фельдман 2015 – *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Миры И.А. Ильфа и Е.П. Петрова: Очерки вербализованной повседневности. М.: РГГУ, 2015. 293 с.
- Одесский, Фельдман 2018 – *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* История легенды: роман «Золотой теленок» в литературно-политическом контексте эпохи // Ильф И.А., Петров Е.П. Золотой теленок. М.: АСТ, 2018. С. 409–556.

Щеглов 1991 – *Щеглов Ю.К.* Романы И. Ильфа и Е. Петрова: Спутник читателя. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1991. Т. 2: Золотой теленок. 714 с.

References

- Goryaeva, T.M. (2009), *Politicheskaya tsenzura v SSSR: 1917–1991 gg.* [Political censorship in the USSR. 1917–1991], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Odesskii, M.P. and Feldman, D.M. (2015), *Miry I.A. Il'fa i E.P. Petrova: Ocherki verbalizovannoi povsednevnosti* [Worlds of I.A. Ilf and E.P. Petrov. Essays of verbalized everyday life], RGGU, Moscow, Russia.
- Odesskii, M.P. and Feldman, D.M. (2018), “The history of the legend. The novel ‘Zolotoi telenok’ in the literary and political context of the epoch”, in Ilf, I.A. and Petrov E.P., *Zolotoi telenok* [The Golden Calf], AST, Moscow, Russia, pp. 409–556.
- Shcheglov, Yu.K. (1991), *Romany I. Il'fa i E. Petrova. Sputnik chitatelya* [The novels of I. Ilf and E. Petrov. Reader's companion], Wiener Slawistischer Almanach, Wien, Austria.
- Vulis, A.Z. and Galanov, B.E. (1961), “Notes”, in Il'f, I.A. and Petrov, E.P. *Sobranie sochinenii* [Collected works], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR, vol. 2, pp. 533–546.

Информация об авторе

Давид М. Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dmfeld@inbox.ru

Information about the author

David M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dmfeld@inbox.ru

УДК 821(47)-31

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-38-59

Трактат Иконникова о добре и доброте:
эволюция публицистической составляющей

Юрий Г. Бит-Юнан

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;*

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации; Москва, Россия,
bityunan@gmail.com*

Аннотация. В статье описана история создания одного из ключевых фрагментов романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» – трактата Иконникова о добре и доброте. Изучив ряд архивных материалов, автор доказывает, что изначально это философское сочинение было частью романа «За правое дело», однако в ходе подготовки романа к публикации в «Новом мире» было снято и впоследствии перенесено во вторую часть сталинградской дилогии – романа «Жизнь и судьба». При этом система публицистических идей была существенно изменена.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, публицистика, советская литература, «Сталинград», «За правое дело», «Жизнь и судьба»

Для цитирования: Бит-Юнан Ю.Г. Трактат Иконникова о добре и доброте: эволюция публицистической составляющей // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 38–59. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-38-59

Ikonnikov's treatise on "The Good Versus Kindness".
Evolution of the publicist ideas

Yurii G. Bit-Yunan

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia;*

bityunan@gmail.com

Abstract. The article describes the history of the most famous philosophical fragment of V. Grossman's novel "Life and Fate" – Ikonnikov's treatise about the good and human kindness. Based on archival materials, the author con-

© Бит-Юнан Ю.Г., 2024

cludes that Ikonnikov's essay was initially to have been part of the novel "For The Just Cause", translated into English as "Stalingrad", but was left out during the editorial assessment in the "Novy Mir" journal. Later, however, the piece was included in the continuation of "For The Just Cause" – the novel "Life and Fate". Thereat, the system of publicistic ideas was significantly changed.

Keywords: V. Grossman, political writing, Soviet literature, "Stalingrad", "For The Just Cause", "Life and Fate"

For citation: Bit-Yunan, Yu.G. (2024), "Ikonnikov's treatise on 'The Good Versus Kindness'. Evolution of the publicist ideas", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 11, pp. 38–59, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-38-59

Роман В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» однозначно признается историками литературы его главной работой. Лишь иногда делаются оговорки, что «Жизнь и судьбу» следует рассматривать наряду с последней повестью Гроссмана – «Все течет...», чей политический пафос даже острее, чем в романе [Ellis 1994, pp. 197–217; Garrard, Garrard 1996, pp. 301–334].

Что же до идейной структуры «Жизни и судьбы», то и здесь разногласий не много. Как правило, литературоведы соглашаются, что фундамент произведения – это трактат о добре и доброте.

Старый большевик Михаил Сидорович Мостовской попадает в немецкий трудовой лагерь. В одном бараке с ним живет странный мужчина «неопределенного возраста»¹. Он совершенно равнодушен к тому, чем особенно дорожат остальные, не пытается устроиться на менее изнурительную работу и т. д. Его фамилия – Иконников. Однажды он дает Мостовскому какие-то записи и просит, чтобы тот прочитал их. С какой целью он это делает – неясно.

Вскоре Мостовского ведут к коменданту лагеря – Лиссу. Тот говорит, что уже ознакомился с записями Иконникова, и теперь – очередь Мостовского. И тот, находясь в изоляторе, тоже прочитывает их. Основная мысль Иконникова сводима к следующему: идея добра насильственна и бесчеловечна, поскольку понимание добра у каждого свое. Доброта же принципиально отличается от добра. Доброта – это человечность, это иррациональная потребность совершать благие поступки вопреки собственной выгоде, но именно доброта объединяет людей и позволяет им принадлежать к человеческому роду². Этот фрагмент был отмечен первыми отечественными

¹ Гроссман В.С. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 21.

² Там же. С. 297–311.

ми рецензентами романа. С 1988 г., когда «Жизнь и судьба» была впервые напечатана в СССР, буквально каждый критик обращался к философскому сочинению Иконникова³.

Историко-филологическая работа с «Жизнью и судьбой» строилась по тому же принципу: если речь о романе, то анализ идей Иконникова обязателен [Бочаров 1990, с. 85–103; Ланин 1997; Клинг 2012]. И речь не только об отечественной филологии [Sisto 2007; Riconda 2007; Guglielminetti 2011; Maddalena 2011].

Новые выводы давно не формулируются. Можно сказать, гуманистический посыл Иконникова изначально предопределил гуманистическое отношение к его идеям – а в этой плоскости различий быть не может. Иконников прав – и это общепризнанный факт. К тому же его мысли явно резонируют с авторскими. Раз так, спор тем более не уместен. Однако помимо анализа опубликованного текста есть история его написания. И здесь возможны любые неожиданности. Задача данной статьи – изучить эволюцию публицистических идей Иконникова на различных этапах работы над романной диалогией.

* * *

Начать следует с того, что трактат о добре и доброте был написан еще до того, как Гроссман приступил к созданию «Жизни и судьбы», и должен был стать частью первой книги – «За правое дело».

Работа над «За правое дело» была начата в 1943 г. и завершена к 1949 г. Затем рукопись многократно редактировалась и была издана только в 1952 г. журналом «Новый мир»⁴. Первоначальными названиями были «Сталинград» и «Жизнь и судьба». Название «За правое дело» было предложено в начале 1950-х гг., когда вопрос о публикации сочинения был уже согласован со всеми инстанциями⁵.

В мемуарах и научных работах о Гроссмане неоднократно говорилось, что добиться публикации рукописи было крайне тяжело. Цензурные условия становились все более жесткими – равно как и конкуренция с другими литераторами. Постоянно требовалось идти на уступки: дописывать новые главы, удалять, переписывать

³ См., например: *Иванова Н.* Хранить вечно // *Юность.* 1988. № 7. С. 86–90; *Аннинский Л.А.* Мирозданье Василия Гроссмана // *Дружба народов.* 1988. № 10. С. 253–263; *Дедков И.А.* Жизнь против судьбы // *Новый мир.* 1988. № 11. С. 229–241; *Краснов П.* Свобода и исходный проект // *Литературная Россия.* 1989. 6 окт.; и др.

⁴ См.: *Гроссман В.С.* За правое дело // *Новый мир.* 1952. № 7. С. 3–132; № 8. С. 74–228; № 9. С. 5–123; № 10. С. 128–210.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 23.

или сокращать существующие. В результате напечатан был компромиссный вариант.

Гроссман не жалел об этой публикации и не отрекался от нее. Но воспользовался возможностью восстановить некоторые изъятыя при подготовке дальнейших изданий – уже после смерти И.В. Сталина⁶.

Несмотря на множество упоминаний о борьбе Гроссмана за публикацию своего романа, существует всего одна научная работа, где показано, как именно менялся его сюжет от одной редакции к другой. Это составленное мной и Р. Чандлером послесловие к англоязычному переводу «За правое дело» [Bit-Yunan, Chandler 2019]. В то же время жанровая специфика послесловия налагает определенные ограничения и обязывает к лаконичности и использованию научно-популярного стиля. Данная работа свободна от таких ограничений.

Начнем с описания источниковой базы. В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится 9 редакций романа «За правое дело». Сотрудник архива, работавший с этими материалами, не мог тщательно изучить их. Ничего удивительного и тем более предосудительного здесь нет и не может быть: новые документы поступали каждый день – описать все корректно практически невозможно. Поэтому различные редакции романа были охарактеризованы как «варианты». На самом деле, повторюсь, мы имеем дело именно с редакциями, потому что правка, вносившаяся в каждую новую версию, обуславливала изменения на уровне сюжета.

1. «Первый вариант» – черновой автограф романа, практически нечитаемый из-за обилия правки⁷.

2. «Третий вариант» – машинописная копия первой редакции романа с незначительной стилистической правкой автора. Именно в так называемом третьем варианте содержится наибольшее число фрагментов, которые были впоследствии сняты или существенно сокращены⁸.

3. «Четвертый вариант» – машинопись с обильной правкой Гроссмана и редактора (видимо, «Нового мира»). Здесь «труднопроходимых» мест уже меньше. По сути – вторая редакция романа⁹.

⁶ Ср.: Гроссман В.С. За правое дело // Новый мир. 1952. № 7. С. 3–132; № 8. С. 74–228; № 9. С. 5–123; № 10. С. 128–210; *Он же*. За правое дело. М.: Воениздат, 1954; *Он же*. За правое дело. М.: Советский писатель, 1964. Подробнее об этом см.: [Бочаров 1990, с. 176].

⁷ РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 9–17.

⁸ Там же. Ед. хр. 18–26.

⁹ Там же. Ед. хр. 27–36.

4. «Пятый вариант» – здесь впервые появляется заголовок «Жизнь и судьба». С цензурной точки зрения эта редакция представляется менее рискованной, чем третья и даже четвертая, однако в ней сохранены основные сюжетные линии. Этот текст может быть охарактеризован как третья редакция романа¹⁰.

5. «Шестой вариант» – пожалуй, наиболее консервативная версия романа. История семей Шапошниковых и Штрума сведена к минимуму, сняты все «труднопроходимые» фрагменты. Особое внимание уделяется личности Сталина и его роли в истории. Этот текст может быть охарактеризован как четвертая редакция романа¹¹.

6. «Седьмой вариант» – гранки первой части романа из журнала «Новый мир» (1950). Роман должны были тогда опубликовать, но этого не случилось. Это же подтверждается «“Дневником прохождения рукописи” романа “За правое дело” в издательствах», который Гроссман вел с 1949 по 1954 г.¹² Однако результаты подготовительной работы использовались позднее – при подготовке первого, журнального издания романа. Этот текст может быть охарактеризован как пятая редакция романа¹³.

7. «Восьмой вариант» – верстка романа в «Новом мире», также 1950 г. Шестая редакция романа¹⁴.

8. «Девятый вариант» романа представляет собой дополнения к «восьмому варианту». Дополнения эти были обязательными и включали понижение роли Штрума (поскольку тот был евреем), введение фигуры Чепыжина, расширение глав о роли советского командования в подготовке к победоносному сражению под Сталинградом и т. п.¹⁵ Упоминания об этом также содержатся в «“Дневнике прохождения рукописи” романа “За правое дело” в издательствах». Этот текст может быть охарактеризован как седьмая редакция романа.

9. «Десятый вариант» – верстка романа, подготовленная «Воениздатом» на основе седьмой редакции романа. Очевидно, эта работа была выполнена в 1952 г., когда было получено одобрение на публикацию романа в «Новом мире»¹⁶. Роман тогда напечатан не был.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 37–46.

¹¹ Там же. Ед. хр. 47–51.

¹² Там же. Оп. 2. Ед. хр. 1.

¹³ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 54.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 55.

¹⁵ Там же. Ед. хр. 56–60.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 61–63.

10. «Одиннадцатый вариант» – дополненная на основе «десятого варианта» верстка романа, выполненная «Воениздатом» в 1954 г. Восьмая редакция романа¹⁷.

11. «Двенадцатый вариант» – редакция книги с дополнениями автора. Текстологически соответствует тиражированному «Воениздатом» роману «За правое дело» 1954 г. Девятая редакция романа¹⁸.

Как видно из описания выше, второй «вариант» рукописи отсутствует. На деле – нет. Никакого «второго варианта» не существовало. То, что названо «третьим вариантом», – это машинописная копия «первого варианта», то есть на самом деле – первой редакции романа. При том что все редакции по-своему уникальны, в их эволюции есть своего рода водораздел. Это четвертая и пятая редакции. В четвертой осталось совсем немного от первых трех. Пятая редакция основывается на третьей, поэтому пятая редакция более живая и яркая, чем четвертая. Однако в ней уже нет острых публицистических фрагментов. И она несущественно отличается от той редакции, которая была напечатана «Новым миром» в 1952 г.

Отправной точкой в дальнейшем повествовании послужит первая редакция романа «За правое дело» – как наиболее полная и, очевидно, отражающая первоначальные намерения автора. Именно на ее публикацию изначально рассчитывал Гроссман. На этом этапе рукопись была озаглавлена «Сталинград», однако я буду использовать итоговое название – «За правое дело». Иначе возможна путаница.

* * *

В опубликованных редакциях «За правое дело» у Михаила Сидоровича Мостовского есть товарищ – Гагаров. В первой, неопубликованной редакции Гагарова зовут Владимиром Андреевичем Шарогородским – совсем как одного из второстепенных героев романа «Жизнь и судьба», пожилого друга Жени Шапошниковой.

Внешность Шарогородского из первой редакции «За правое дело» идентична внешности Гагарова из опубликованных редакций романа. Это был «высокий старик с длинным, узким лицом, с длинными худыми руками и необычайно белыми, тонкими пальцами, с длинными ногами, худоба которых угадывалась под болтавшимися брюками»¹⁹.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 64–65.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 66.

¹⁹ Ср.: Гроссман В.С. За правое дело // Новый мир. 1952. № 8. С. 90; РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 62.

Как и Гагаров, Шарогородский приносит Мостовскому дурную весть (гитлеровцы заняли Ростов) и ищет у того поддержки: «Я к вам пришел как больной к врачу: скажу откровенно – теряю надежду. Они сейчас пойдут снова полным ходом на Кавказ, к Майкопу, к Грозному, к Баку. Я надеялся, что на Дону их остановят, но уж если в нижнем течении Дона их не остановили, то к нам, наверное, перемахнут, под Калачом Дон совсем не широкий»²⁰. Мостовской в ответ лишь пожимает плечами. Шарогородский продолжает: «Вчера я был у Шапошниковой, ее внук, юноша лет семнадцати отлично усвоил, что рекой от фашистов не загородишься. На Днепре, на Буге не задержали, а на Дону задержим?» Мостовской снова не спешит ему ответить – и Шарогородский укоризненно говорит: «Спасибо, можно сказать, утешили меня. Я полагаю, мы вступили в начало конца».

Дальнейший разговор Мостовского с Шарогородским очень похож на разговор Мостовского с Гагаровым. Тематика, проблематика и риторика идентичны. Некоторые качества Шарогородского из первой редакции тоже переданы Гагарову из опубликованных редакций. Так, подобно Гагарову, Шарогородский обладал «сильной, прямо-таки могучей памятью».

В целом почти все сказанное о Шарогородском в первой редакции романа перешло затем в «Жизнь и судьбу» в несколько сокращенном виде. Иначе говоря, решив убрать героя из книги, Гроссман будто разделил его на две неравные части. Малую часть он назвал «Гагаровым», а большую – тем же именем – «Шарогородский» и затем большую часть возродил в романе «Жизнь и судьба»²¹.

Шарогородский из «За правое дело» знакомит Мостовского с неким Иванниковым (созвучно с «Иконников»). Встрече предшествует рассказ об этом человеке.

Шарогородский характеризует Иванникова как «человека исключительно интересного»²² и добавляет, что Иванников «побывал у немцев». Мостовской зло иронизирует: «Был бургомистром, вероятно?» – однако Шарогородский невозмутим: «Нет, он был партизаном, личность своеобразная, исключительная даже в некотором роде. <...> А кроме того, он сам пишет, и хотелось почитать вам кое-что. Он говорит, Ваше мнение для него очень важно».

История Иванникова из третьей редакции романа напоминает историю Иванникова из опубликованных редакций. Ему Гагаров дает такую характеристику: «Этот Иванников довольно странный

²⁰ Здесь и далее цит.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 62–63.

²¹ Подробнее см.: Гроссман В.С. Жизнь и судьба. С. 98–100. Ср.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 65–67.

²² Здесь и далее цит.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 72.

человек, надо вам сказать. Учился в Лесном институте, потом на филологическом, много ходил пешком по приволжским губерниям, вот тогда мы и познакомились, он захаживал ко мне в Нижний. В сороковом году он обследовал горные лесничества на Западной Украине. Там его в горах и застала война. Жил с лесником, не слушал радио, не читал газет, вернулся из леса – а во Львовке уже немцы. Вот тут его история поистине удивительная. Укрылся он в монастырском подвале, настоятель ему предложил разбирать лежавшие там старинные рукописи. А он без ведома монахов спрятал в этом подвале раненого полковника, двух красноармейцев, какую-то старуху еврейку с внучком. На него донесли, но он успел вывести всех, кто скрывался, и сам ушел в лес. Полковник решил пройти через линию фронта, Иванников пошел с ним. Так они шли тысячу верст, а при переходе линии фронта полковника ранило, Иванников его на руках вынес»²³.

Об Иванникове из неопубликованного текста известно, что примерно год он прожил в монастыре, и «монастырь этот находился в Западной Украине, за Львовом. До этого он был священником в Сибири, а до того учился в Москве и Казани, окончил два факультета – историко-филологический и медицинский. В монастыре он был библиотекарем»²⁴.

Затем сообщаются подробности: «Летом 1941 года, когда на Украину пришли немцы, он тайно, без ведома монахов, а тем более начальства епархии, скрывал в монастырском подвале, где хранились архивы, несколько десятков людей: раненых советских офицеров, старика раввина, еврейских девушек, старух и детей, среди раненых советских командиров был полковник-артиллерист. Тайная полиция заподозрила Иванникова, но, к счастью, он заранее узнал о доносе и ночью через тайный ход все сидевшие в подвале ушли в лес. Ушел с ними и библиотекарь. После этого долгие месяцы бродил он по деревням, около четырех месяцев был у партизан. Полковник артиллерист решил пройти через линию фронта, уговорил Иванникова пойти вместе. Они прошли тысячу верст, а при переходе через линию фронта полковник был тяжело ранен. Иванников вынес его к боевому охранению Красной Армии, через 10 дней полковник умер в госпитале. В Сталинграде Иванников отыскал Шаргородского, которого знал в пору учения в Казанском университете. Он в летние каникулярные месяцы ходил пешком по приволжским губерниям и два раза встречался тогда с Шаргородским, занимавшимся земской деятельностью»²⁵.

²³ Гроссман В.С. За правое дело // Новый мир. 1952. № 8. С. 92.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 84.

²⁵ Там же. Л. 84–85.

Но на этом биографические сходства между персонажами заканчиваются. Более того, во всех опубликованных редакциях романа «За правое дело» Иванникову отведена до странного скромная роль (текстология, впрочем, этот вопрос и разрешает). Он всего лишь передает Мостовскому письмо для Штрума – главного героя диалогии. Однако в первых, неопубликованных редакциях романа Иванников выполняет гораздо более важную задачу. Именно он вступает с Мостовским в полемику, как более поздний Иконников из «Жизни и судьбы», и поляризует публицистическую основу романа.

Шарогородский представляет своих товарищей друг другу: «Прошу, познакомьтесь: Дмитрий Иванович Иванников, – склоняясь, проговорил Шарогородский. – Человек необычайно много переживший и видевший»²⁶. Это служит зачином к разговору, напоминающему разговор Мостовского и Иконникова в лагере.

Сходства очевидны, но есть и различия. Поскольку речь идет об одном из центральных фрагментов сталинградской диалогии, я приведу цитаты параллельно из первой редакции романа «За правое дело» и из «Жизни и судьбы»:

Первая редакция «За правое дело»²⁷

– Что скажете мне доброго, много по-
видавший товарищ? – спросил Михаил
Сидорович и усмехнулся, когда Иванни-
ков нараспев и немного в нос произнес:

– А что есть добро?

Михаилу Сидоровичу показалось,
что слова эти вдруг перенесли его в дале-
кую пору детства, когда приезжавший на
лето старший брат заводил с отцом спор
о богословских предметах.

– Вопрос с седой бородкой, – сказал
Мостовской, – о нем еще думали будди-
сты и первые христиане, им занимались
в девятом веке и в одиннадцатом, им зани-
мался Спиноза и Кант. Да и марксисты
немало потрудились над его решением.

Вторая редакция
«Жизни и судьбы»²⁸

– Что скажет доброго, това-
рищ? – спросил Михаил Сидоро-
вич и усмехнулся, когда Иконни-
ков нараспев произнес:

– Сказать, доброе? А что есть
добро?

Слова эти вдруг перенесли
Михаила Сидоровича в пору
детства, когда приезжавший из
семинарии старший брат заво-
дил с отцом спор о богословских
предметах.

– Вопрос с седой бородкой, –
сказал Мостовской, – о нем еще
думали буддисты и первые хрис-
тиане. Да и марксисты немало

²⁶ РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 83.

²⁷ Там же. Л. 84–86.

²⁸ Гроссман В.С. Жизнь и судьба... С. 21.

– И решили? – с интонацией, рассердившей Мостовского, спросил Иванников.

– Вот Красная Армия, – сердито сказал Мостовской, – сейчас решает его. А тон ваш имеет в себе, я бы сказал, нечто этакое поповское.

– Иначе не может быть, – улыбнувшись, сказал Иванников, – ведь я был монахом.

– Вот так фунт, – Михаил Сидорович присвистнул и не совсем естественно рассмеялся. Этот жилистый, черный человек, напоминавший рабочего или лесного партизана, заинтересовал его.

<...>

– Видите ли – сказал Иванников – я убежден, что гонения, которые большевики проводили в первые годы после революции против церкви, были очень полезны для христианской идеи. Ведь церковь пришла в ужасное состояние перед революцией. И в церкви, и монастырях царил жалкий, недобрый дух. Большевики, подобно очистительному ветру, вывели из православной церкви все нечистое, черствое, жадное, злое. Хотели вы того или нет... конечно, не хотели, но сделали вы для нас доброе дело.

А лично я не имел к вам претензий. Я видел и знал, что, творя насилия, вы искренне и духовно хотели лишь добра народу. Вот и изъятие церковных ценностей для голодающих меня едва не отлучило от церкви. Я тогда уверенно проповедовал пользу этого дела. Посудите, как мне было не интересоваться вашими книгами.

Михаил Сидорович добродушно сказал:

– Да вы прямо диалектик. вот и мне пришлось увидеть евангельское чудо на старости лет.

потрудились над его разрешением.

– И решили? – с интонацией, рассмешившей Мостовского, спросил Иконников.

– Вот Красная Армия, – сказал Мостовской, – сейчас решает его. А в тоне вашем, простите, содержится некий елей, нечто этакое, не то поповское, не то толстовское.

– Иначе не может быть, – сказал Иконников, – ведь я был толстовцем.

– Вот так фунт, – сказал Михаил Сидорович. Станный человек заинтересовал его.

<...>

– Видите ли, – сказал Иконников, – я убежден, что гонения, которые большевики проводили после революции против церкви, были полезны для христианской идеи, ведь церковь пришла в жалкое состояние перед революцией.

Михаил Сидорович добродушно сказал:

– Да вы прямо диалектик. Вот и мне пришлось увидеть евангельское чудо на старости лет.

– Нет, – хмуро проговорил Иконников. – Ведь для вас цель ваша оправдывает средства, а средства ваши безжалостны. Во мне вы не видите чуда – я не диалектик.

– Нет, хмуро проговорил Иванников. – В практике своей бываете вы непоколебимы, подчас жестоки. Ведь для вас цель ваша оправдывает средства, а средства ваши бывают ужасны своей безжалостностью. Во мне вы не видите чуда: я не марксист и не диалектик. Вы ошибаетесь.

Затем Иванников, как и более поздний Иконников, признается Мостовскому, что утратил веру в Бога и теперь видит «лишь одну силу, одну мысль – о благе людском»²⁹. Поэтому он и пришел к Мостовскому как к «представителю этой мысли»³⁰.

Вскоре Мостовской читает трактат Иванникова. С идеологической точки зрения он почти идентичен трактату Иконникова.

Иванников задает вопросом, что такое добро, и неизбежно приходит к печальному выводу: добро – понятие не абсолютное, а относительное. Представление о добре менялось с течением времени. Хуже того, оно постепенно сужалось. Так, «Евангельские представления, отделенные от буддистских половиной тысячелетия, резко сужают мир живого, к которому применимо добро»³¹, а впоследствии «и добро христиан распалось, сузилось добром католиков, протестантов, добром православия». Прошло некоторое время – «И в добре православия возникло добро новой старой веры, добро сектантов».

При этом в первой редакции «За правое дело», конечно, открыто не говорится о событиях 1937 г. – в отличие от «Жизни и судьбы»: «Я увидел непоколебимую силу идеи общественного добра, рожденной в моей стране. Я увидел эту силу в период всеобщей коллективизации, я увидел ее в 1937 году. Я увидел, как во имя идеала, столь же прекрасного и человеческого, как идеал христианства, уничтожались люди. Я увидел деревни, умирающие голодной смертью, я увидел крестьянских детей, умирающих в сибирском снегу, я видел эшелоны, везущие в Сибирь сотни и тысячи мужчин и женщин из Москвы, Ленинграда, из всех городов России, объявленных врагами великой и светлой идеи общественного добра. Эта идея была прекрасна и велика, и она беспощадно убила одних, исковеркала жизнь другим, она отрывала жен от мужей, детей от отцов»³². Важнее, однако, другое: процитированный выше фраг-

²⁹ РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 87.

³⁰ Там же.

³¹ Здесь и далее цит.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 90–91.

³² Гроссман В.С. Жизнь и судьба. С. 308.

мент идеально вошел в трактат Иванникова. Словом, место для него было заготовлено изначально.

Также в трактате из первой редакции «За правое дело» содержится пространное рассуждение об избииении младенцев в Вифлееме (в «Жизни и судьбе» содержатся лишь упоминания о нем). Казалось бы, этот миф – пример совершенного зла, оправдать которое нельзя. Самый сильный, человек с оружием, уничтожает самого слабого – младенца. Однако Иванников проявляет философскую гибкость ума и справедливо отмечает, что «Среди этих убийц были люди, осуждавшие царя, ужасавшиеся убийств. Если б они ослушались царя, их бы самих убили, а дети все ж погибли: на место каждого отказавшегося нашлась бы сотня не решившихся отказаться»³³.

Некоторые не желали причинить кому бы то ни было зла, рассуждает Иванников. А некоторые утратили понимание того, что убийство есть зло. Они уже стали хищниками, а те не властны над своей природой.

Далее Иванников задумывается о физическом и эмоциональном состоянии солдат. Они идут «по каменистой дороге среди пыли, в ужасной духоте. Снаряжение отягощало их, оружие, раскалившись на солнце, жгло их тела. В глазах их было страдание, пот тек по их лицам, они пошатывались от усталости, путь лежал далек, отдыхать они не смели». И тут им встречается некий путник. Он спрашивает, куда те идут, и получает честный ответ. Вместо того чтобы осудить солдат, он велит своим слугам напоить их. «Назовем ли мы злым этого человека? Назовем ли мы его добрым? Совершил ли зло путник, напоивший водой солдат? Или он смягчил этим поступком души некоторых солдат? Может быть, одну лишь душу? И хотя бы один из воинов в минуту страшной казни, внезапно вспомнив доброту путника, сам ощутил в себе эту бессмысленную доброту и опустил занесенный меч. И, может быть, еще больше ожесточились солдаты, откажи им путник в воде?» Однако затем посланники Ирода встретили другого странника. Он также спрашивает, куда они направляются: «Услышав их ответ, путник, хотя был он слаб и одинок, с мечом бросился на солдат. Он дрался с ними, и несколько из них не переступили городских ворот, а остались лежать на пыльной дороге. И те из солдат, которые думали, что идут творить добро, смутились и поколебались, думая о человеке, павшем в бою не ради убийства детей, а ради защиты детей».

Завершив рассуждение о добре, Иванников обращается к такому явлению, как «доброта»: «Кроме общего понятия добра,

³³ Здесь и далее цит.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 91–101.

грозного добра, добра для человечества существует человеческая доброта, понятие житейское. Эта доброта есть жертвенное сочувствие живого существа живому существу». «Доброта», по Иванникову-Иконникову, понятие не социальное и весьма необычное, близкое к парадоксальности и основанное на неожиданности. Доброта чаще всего оказывается «вне круга общественных интересов, общественного добра. Больше того, эта доброта часто противоположна понятию общественного добра, данной эпохи и общества, государственности».

Далее приводятся примеры доброты: «Это доброта старухи, вынесшей кусок хлеба пленному, доброта солдата, напоившего из фляги и перевязавшего раненого врага, это доброта молодости, пожалевшей старость, доброта крестьянина, спрятавшего на сеновале старика-еврея, которого ищут эсэсовцы и, боясь расстрела за эту доброту, кормящего этого старика хлебом и молоком». Здесь же упоминается сюжет, перенесенный затем в «Жизнь и судьбу»: немцы занимают избу, в которой живет пожилая женщина. Они съедают все ее припасы, пьют, бесчинствуют и мусорят, а на нее не обращают никакого внимания, будто она не человек. Утром один из них чистит автомат и случайно нажимает на спусковой крючок. Пуля попадает ему в живот. Пока его товарищи ищут врача, он страдальчески смотрит на женщину и просит, чтобы та дала ему воды. Та, ненавидящая нацистов, и его в том числе, помогает ему сесть и дает напиток, хотя могла бы просто придушить подушкой³⁴.

В отличие от «добра», «доброта» вечна и неизменна. Однако, подобно добру, доброта не абсолютна. Пусть время и пространство и не ограничивают ее – сила доброты все же ограничена: «К сожалению, ею не так уж богат людской род, она подобна радио, действие невидимой пылинки которого проникает толщу свинца, заставляет светиться во мраке холодные цинковые руды».

Более того, доброта, которая делает человека человеком, может оказаться для него вредна: «Эту доброту люди справедливо считают не только бессмысленной. Они считают ее вредной. Эта доброта, ведущая к тому, что человек прячет своего врага, кормит и лечит его, а враг, оправившись, сжигает его дом и убивает его близких».

Завершается рассуждение Иванникова трагически:

Ныне я увидел подлинную силу зла. Оно огромно, оно подобно пламени, охватившему весь шар земли от центра ее до небесного свода. Но и в небесах пусто. На земле лишь человек.

³⁴ Ср.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 99; *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба. С. 309–310.

Чем тушить зло? Каплями человеческой доброты?

Да это пламя не потушить водой всех морей и океанов, всех рек и облаков, не потушить его во веки веков каплями росы, которыми я в своем безумии любовался, этой жалкой, скупой горстью, собранной с евангельских времен по сегодняшний железный день...

И это главное расхождение между философской и публицистической компонентой трактата Иванникова и трактата Иконникова. Иванников погружается в скепсис и апатию, а вот Иконников – нет:

Я закалил свою веру в аду. Моя вера вышла из огня кремационных печей, прошла через бетон газoven. Я увидел, что не человек бессилен в борьбе со злом, я увидел, что могучее зло бессильно в борьбе с человеком. В бессилии бессмысленной доброты тайна ее бессмертия. Она непобедима. Чем глупей, чем бессмысленней, чем беспомощней она, тем огромней она. Зло бессильно перед ней! Пророки, вероучители, реформаторы, лидеры, вожди бессильны перед ней. Она – слепая и немая любовь – смысл человека.

История людей не была битвой добра, стремящегося победить зло. История человека – это битва великого зла, стремящегося размолоть зернышко человечности. Но если и теперь человеческое не убито в человеке, то злу уже не одержать победы³⁵.

«Доброта» Иконникова – более сложное понятие, нежели «доброта» Иванникова. Иванников рассматривает «доброту» исключительно как иррациональную часть человеческой личности. Проявление доброты нельзя спрогнозировать, и на нем ничего нельзя построить. Доброта существует, но ее действенная сила ничтожна – и эта правда буквально разрушает мировоззрение Иванникова.

Согласно Иконникову, сам потенциал доброты – даже если он никогда не будет реализован – играет огромную роль. Один тот факт, что доброта существует, свидетельствует о том, что «человеческое не убито в человеке», а значит, «злу уже не одержать победы».

Двадцатый век – эпоха, когда суждения о торжестве человека над зверем утратили статус аксиомы. В.Т. Шаламов в «Очерках преступного мира» безапелляционно опровергал веру в то, что человеческое бессмертно в человеке³⁶. Подобные мысли высказывались

³⁵ Гроссман В.С. Жизнь и судьба. С. 310–311.

³⁶ См.: Шаламов В.Т. Очерки преступного мира. Вологда: Грифон, 2000. С. 12–110.

и в мемуарах Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут»³⁷. А.И. Солженицын также не отличался кротостью и стремлением ко всепрощению – особенно если речь заходила о доносчиках и уголовниках³⁸. В этом отношении публицистика Гроссмана, пожалуй, ближе к публицистике Ф.М. Достоевского.

* * *

Однако у трактата о добре и доброте есть не только создатель. Мостовской из «За правое дело» и Мостовской из «Жизни и судьбы» по-разному реагируют на прочитанное.

В неопубликованной редакции романа Мостовской пытается пересилить логику Иванникова. При этом его интерес скорее человеческий, нежели политический. Ему жаль отчаявшегося философа. Идеологических колебаний Мостовской, конечно, не испытывает. Он не старик Магар из «Жизни и судьбы»³⁹.

Перечитывая написанное Иванниковым, Мостовской убеждается, что «эти странички написаны человеком душевно, морально потрясенным»⁴⁰. А само сочинение – «Это результат мучительной катастрофы духа».

Мостовской задумывается... и вдруг – «не чувство горечи, тоски, тревоги и темное томление духа, а чувство радостного, молодого волнения охватило Михаила Сидоровича. Так билось его сердце в молодые годы революционной борьбы».

Он кидается к письменному столу и записывает несколько предложений: «...Никогда в истории гибель огромного мира не вела в пустыню, а лишь предшествовала рождению нового из развалин и пламени старого», – затем: «...Маркс говорит: единственно практически возможное освобождение Германии должно стоять на точке зрения той теории, которая объявляет человека высшим существом для человека», – и наконец: «...Человек и его свобода есть единственная и высшая реальная ценность бытия, к реализации этой ценности ведет великая пролетарская революция...». Затем с легким сердцем он направляется к рабочим – людям действия и труда. Его записи останутся незавершенными – но только в первых двух редакциях.

³⁷ См.: *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. М.: Астрель; АСТ, 2010. С. 482–487.

³⁸ См.: *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛаг: 1918–1956. Ч. 3 // Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 5. М.: ТЕРРА, 2000. С. 398–417.

³⁹ См.: *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба. С. 131–145.

⁴⁰ Здесь и далее цит.: РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 103–104.

В третьей редакции (так называемый «пятый вариант») есть глава, которая не встречается больше нигде, – «Записи, сделанные Михаилом Сидоровичем Мостовским...»⁴¹.

Отправным понятием в рассуждениях Мостовского служит «мораль», которой он дает следующую дефиницию: «правила и законы, определенные не небом, а землей»⁴². Иначе говоря, мораль – результат человеческой деятельности, «нормы отношений общества к личности, между личностью и обществом, между личностями в данном обществе».

Поскольку мораль – это категория «общественная, а не биологическая», ее легко фальсифицировать. И в капиталистических странах под видом моральных поступков нередко совершаются поступки аморальные: «Мораль классового общества на протяжении тысячелетий его истории была моралью привилегированного, правящего класса, моралью эксплуататорского государства, существом этой морали, в конечном счете, был аморализм, утверждение, закрепление, узаконение классовой несправедливости». И, конечно, «Только бесклассовое, коммунистическое общество может родить истинно человеческую мораль, мораль человеческой свободы».

Поскольку насилие – основа капиталистического общества, любые гуманистические идеи и гуманизирующие институты бессильны. Отсюда причины пессимизма, поразившего тысячи религиозных людей: «Поэтому естественно чувство отчаяния, охватывающее субъективно честных людей буржуазного мира, размышляющих о судьбе двух наиболее мощных религиозно-этических учений классового общества: буддизма и христианства».

А поскольку мораль в капиталистическом обществе отменена, постольку самым влиятельным социальным течением становится наиболее аморальное – нацизм. Причем, по мысли Мостовского, Гитлер умело играл на чувстве оскорбленной справедливости немцев, переживавших поражение в войне 1914–1918 гг.

Далее – рассуждение о том, что главный враг нацизма – это коммунизм. Ведь цель нацизма – колонизация и эксплуатация всего мира. Цель коммунизма – освобождение всего человечества ради того, чтобы оно могло мирно трудиться. Кстати, для достижения этой цели социалистам иногда требуется насилие. Но это временная, исторически оправданная мера: «Насилие, проводимое моралью, осуществляется на благо большинства. Насилие аморализма направлено на благо меньшинства, служит борьбе прошлого

⁴¹ Там же. Ед. хр. 40. С. 382–396.

⁴² Там же.

против будущего, борьбе общественной несправедливости во имя той же несправедливости».

Иначе говоря, разочарование Иванникова в добре и доброте, утрата веры в абстрактного «бога» – все это, по Мостовскому, следствия того, что мышление Иванникова так и не перестроилось после 1917 г.

Большой беды, однако, в этом нет, поскольку классовое общество обречено на гибель. Нынешняя война – агония капитализма. Иванников по-своему это чувствует – просто не в силах понять, что все лучше, чем ему кажется.

Метафорически эту ситуацию можно было бы описать так. Иванников стоит перед пропастью. И вид этой пропасти его ужасает. Как человек добрый и чуткий, он болезненно переживает этот опыт, поэтому у него создается впечатление, что бездна поглотит и его, и тех, в жизни кого он готов участвовать. Но это лишь одна сторона исторического процесса. Выход – есть. Достаточно посмотреть в другую сторону. Быть может, именно там деактуализируется антитеза «добро» – «доброта».

Через несколько дней Мостовской встречает Иванникова на улице. Выглядит тот ужасно: «Небритое лицо Иванникова было покрыто грязью и в мутном свете догоравших пожаров, смешанном с кровавым закатом, казалось зловещим и недобрим <...> В порванном брезентовом плаще, с обгоревшей полрой, с впалыми щеками, заросшими черной и пыльной щетиной, Иванников в любом ином месте и в другое время показался бы существом странным и необычайным». Мостовской радуется встрече с ним и зовет его к себе в гости, единственную, быть может, квартиру в Сталинграде, где «уцелел потолок и даже стекла не выбиты»⁴³.

Когда они входят в комнату, «прибранную и подметенную, разительно противоположную хаосу, царившему вокруг», Иванников вдруг спрашивает Мостовского: «Вы живы?» – тот отвечает, что жив, а затем участливо спрашивает, не голоден ли Иванников. Затем пытается узнать, где тот находился во время пожара, на что Иванников отвечает с горечью: «Не будем говорить о пустяках <...> Эти развалины – ничто по сравнению вот с этим, – сказал он и ударил себя кулаком в грудь: пожар сжег не город – он сжег душу человеческую».

Мостовской, конечно, возражает ему, что «человек и человеческий дух уцелели», уверяет Иванникова, что «человек победит злодеев и преступников, приговорит их к смертной казни, приведет приговор в исполнение, а после победы отстроит этот город». Однако Иванников его не слышит.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 44. С. 334–343.

Старый большевик достает тетрадь, говорит, что готов прочитать для Иванникова несколько страниц из нее, и вдруг замечает, что у того руки в крови и ногти на пальцах сорваны. Заметив беспечность Мостовского, Иванников объясняет, что он пытался спасти людей, которых засыпало в бомбоубежище, но все тщетно. Затем добавляет, что под завалами погребен и Гагаров. Мостовской в смятении. Он точно знает, что Гагаров жив, поскольку незадолго до нападения немцев на Сталинград он был командирован в Куйбышев, где у него все устроилось наилучшим образом.

И вдруг измученный Иванников спрашивает... не видел ли Мостовской слона, сбежавшего из сталинградского зоопарка. Его заботит судьба несчастного животного. Мостовской всматривается в лицо Иванникова – и понимает, что тот помешался.

Мостовской вдруг обнаруживает в себе чувства, которые, казалось бы, ему чужды. Он бросается на кухню, чуть не умоляет свою кухарку Агриппину Петровну, чтобы та срочно приготовила Иванникову воду и бинты и разогрела для него щи. На ее недовольные замечания, что керосина и так осталось немного, Мостовской чуть не кричит: «Необходимо, понятно вам, необходимо немедленно, человек ранен», – и не хочет слышать возражений. Вернувшись в комнату, отдает Иванникову свою одежду, умоляет его переодеться и бежит обратно к Агриппине Петровне на кухню. Единственное, что его сейчас заботит, – куда отправить несчастного безумца, чтобы тот не пропал в догорающем Сталинграде. Однако когда Мостовской возвращается в комнату, Иванникова уже нет. Вещи остались не тронуты: «Так и ушел безумный Иванников, не познав ни добра, ни доброты Мостовского, и с тех пор Мостовской уж никогда не слышал о нем и не узнал его судьбы».

Такую концовку можно считать окончанием спора между Мостовским и Иванниковым. Вопрос о правоте диспутантов решается не теоретически, а практически. Идеолог Мостовской не бездействует. Он не просто говорит, что выход есть, – он готов жертвовать собой ради страждущего. Оправдывая идею социалистического добра, он в то же время совершает поступок, который можно охарактеризовать как жест «доброты». Он готов отдать свою одежду, свою еду обезумевшему от горя философу Иванникову. Таким образом Мостовской доказывает, что сами понятия «добро» и «доброта» более не противопоставлены.

Гораздо сложнее разрешается спор между Мостовским и Иконниковым, в «Жизни и судьбе».

Во-первых, у Мостовского, как упомянуто выше, появляется новый оппонент – комендант концентрационного лагеря Лисс. Он проводит аналитическую операцию, противоположную той, что

осуществил Мостовской в «За правое дело»: Лисс указывает на использование советским руководством насилия против тех, кто ему противостоит не в силах, – и ждет реакции Мостовского. Но тот от полемике отказывается⁴⁴.

Мостовскому удается убедить себя, что Лисс – всего лишь провокатор и слова его лживы. Однако, оказавшись в карцере, он испытывает приступ тоски и одиночества. Там же он читает трактат Иконникова, включающий пассаж о 1937 г. в СССР.

Под воздействием ли ночного разговора с Лиссом, от физической ли и умственной усталости, Мостовской оказывается не в силах что-либо возразить Иконникову, даже заочно. Публицистический пафос первых неопубликованных редакций «За правое дело» иссяк.

Да, это написано потрясенным человеком. Катастрофа убогого духа!

Раскисляй объявил, что небеса пусты... Он видит жизнь, как войну всех против всех. А под конец он поиграл старыми бубенцами, добротой старушек, и собирается клистирной спринцовочкой потушить мировой огонь. Как все это ничтожно!

Глядя на серую стену одиночки, Михаил Сидорович вспомнил голубое кресло, разговор с Лиссом, и тяжелое чувство охватило его. Это была не головная тоска, – затосковало сердце, дышать стало трудно.

Это все, на что хватает Мостовского⁴⁵. Правда, еще тяжелее ему становится по возвращении в барак. Оказывается, что его товарищи, готовившие восстание против нацистов, решили избавиться от одного из лидеров восстания – майора Ершова. Умный, честный, прямолинейный, преданный своим товарищам по несчастью, но, на свою беду, беспартийный, Ершов стал вызывать подозрения у своих партийных сокамерников с обостренной классовой интуицией.

«Сразу обнаружилось раздвоение в руководстве. К Ершову существовала стихийная тяга со стороны многих, это кружило ему голову. Он ни за что не подчинился бы центру. Человек он неясный, чужой. С каждым шагом положение запутывалось. Ведь первая заповедь подполья – стальная дисциплина. А у нас получались два центра – беспартийный и партийный. Мы обсудили положение и приняли решение. Чешский товарищ, работающий в канцелярии, подложил карточку Ершова в группу отобранных для Бухенвальда, его автоматически внесли в список»⁴⁶, – так объясняет позицию

⁴⁴ См.: *Гроссман В.С. Жизнь и судьба*. С. 297–306.

⁴⁵ Там же. С. 311.

⁴⁶ Здесь и далее цит.: *Гроссман В.С. Жизнь и судьба*. С. 401–402.

коммунистов старый большевик Осипов. И добавляет: «Таково было единогласное решение коммунистов».

Мостовской хочет возмутиться – и вдруг, расправив плечи, произносит: «Я подчиняюсь этому решению, принимаю его как член партии», – и выкладывает листовки, заготовленные к планируемому восстанию.

В этот же момент в его памяти почему-то всплывает лицо Иконникова. На вопрос, не отправили ли и того в Бухенвальд, Мостовской слышит: «Старый юродивый, кисель, как вы его называли? Он казнен. Отказался выйти на работу по строительству лагеря уничтожения. Кейзе было приказано застрелить его».

Противясь «добру» нацистов, Иконников принимает смерть. И в этом последнее проявление его «доброты». В этом – его последовательность и его свидетельство, что в бесчеловечное время человек может жить по-человечески и умереть так же.

Мостовского тоже вскоре расстреляют. Заговор был раскрыт, все участники – убиты. Но смерть настигнет Мостовского уже после того, как он предал свою человеческую интуицию и предпочел ей партийную дисциплину.

Литература

- Бочаров 1990 – *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Жизнь, творчество, судьба. М.: Советский писатель, 1990. 378 с.
- Клинг 2012 – *Клинг Д.О.* Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2012. 211 с.
- Ланин 1997 – *Ланин Б.А.* Идеи открытого общества в творчестве Василия Гроссмана. М.: Магистр, 1997. 31 с.
- Bit-Yunan, Chandler 2019 – *Bit-Yunan Yu., Chandler R.* Afterword // Grossman V. Stalingrad / transl. by R. Chandler, E. Chandler; ed. by R. Chandler, Yu. Bit-Yunan. N.Y.: NYRB, 2019. P. 971–1011.
- Ellis 1994 – *Ellis F.* Vasilij Grossman: The genesis and evolution of a Russian heretic. Oxford: Berg Publishers, 1994. 239 p.
- Garrard, Garrard 1996 – *Garrard J., Garrard C.* The bones of Berdichev: The life and fate of Vasilij Grossman. N.Y.: The Free Press, 1996. 437 p.
- Guglielminetti 2011 – *Guglielminetti E.* L'orientamento del “due” in *Vita e Destino* // L'umano nell'uomo. Vasilij Grossman tra ideologie e domande eterne / A cura di P. Tosco. Torino: Rubbettino, 2011. P. 243–260.
- Maddalena 2011 – *Maddalena G.* La filosofia sintetica in Vasilij Grossman // L'umano nell'uomo. Vasilij Grossman tra ideologie e domande eterne / A cura di P. Tosco. Torino: Rubbettino, 2011. P. 279–300.

- Riconda 2007 – *Riconda G.* La “religione” di Grossman // Il romanzo della liberta. Vasilij Grossman tra I classici del XX secolo / A cura di G. Maddalena, P. Tosco. Torino: Rubbettino, 2007. P. 221–250.
- Sisto 2007 – *Sisto M.* Vasilij Grossman: il realismo materno contro l’ideologia // Il romanzo della liberta. Vasilij Grossman tra I classici del XX secolo / A cura di G. Maddalena, P. Tosco. Torino: Rubbettino, 2007. P. 199–206.

References

- Bit-Yunan, Yu. and Chandler, R. (2019), “Afterword”, in Grossman, V., *Stalingrad*, NYRB, New York, USA, pp. 971–1011.
- Bocharov, A.G. (1990), *Vasilii Grossman: Zhizn', tvorchestvo, sud'ba* [Vassily Grossman. Life, legacy, fate], Sovetskii pisatel', Moscow, USSR.
- Ellis, F. (1994), *Vasilij Grossman. The genesis and evolution of a Russian heretic*, Berg Publishers, Oxford, UK.
- Garrard, J. and Garrard, C. (1996), *The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman*, The Free Press, New York, USA.
- Guglielminetti, E. (2011), “L’orientamento del ‘due’ in *Vita e Destino*”, in Tosco, P., ed., *L’umano nell’uomo. Vasilij Grossman tra ideologie e domande eterne*, Rubbettino, Turin, Italy, pp. 243–260.
- Kling, D.O. (2012), *Tvorchestvo Vasiliya Grossmana v kontekste literaturnoi kritiki* [Vasily Grossman’s legacy in the literary criticism context], Marina Tsvetaeva’s House-Museum, Moscow, Russia.
- Lanin, B.A. (1997), *Idei otkrytogo obshchestva v tvorchestve Vasiliya Grossmana* [The ideas of open society in V. Grossman’s works], Magistr, Moscow, Russia.
- Maddalena, G. (2011), “La filosofia sintetica in Vasilij Grossman”, in Tosco, P., ed., *L’umano nell’uomo. Vasilij Grossman tra ideologie e domande eterne*, Rubbettino, Turin, Italy, pp. 279–300.
- Riconda, G. (2007), “La ‘religione’ di Grossman”, in Maddalena, G. and Tosco, P., eds., *Il romanzo della liberta. Vasilij Grossman tra I classici del XX secolo*, Rubbettino, Turin, Italy, pp. 221–250.
- Sisto, M. (2007), “Vasilij Grossman: il realismo materno contro l’ideologia”, in Maddalena, G. and Tosco, P., eds., *Il romanzo della liberta. Vasilij Grossman tra I classici del XX secolo*, Rubbettino, Turin, Italy, pp. 199–206.

Информация об авторе

Юрий Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1; bityunan@gmail.com

Information about the author

Yurii G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; bityunan@gmail.com

УДК 821(47)-9

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-60-74

История как сфера-источник прецедентности в публицистике П.Б. Струве 1920–1930-х гг.

Татьяна С. Бондарева-Кутаренкова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kutarenkova@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается «Дневник политика» П.Б. Струве как публицистический текст. В центре внимания – эмоциональная апелляция к читателю, специфика демонстрации авторской индивидуальности, для выражения которых используются прецедентные феномены. Акцент сделан на реальных антропонимах, исторически ассоциируемых урбанонимах, прецедентных ситуациях, отсылающих к историческим явлениям.

Ключевые слова: П.Б. Струве, публицистика, прецедентный феномен, антропоним, урбаноним, «Дневник политика», русское зарубежье

Для цитирования: Бондарева-Кутаренкова Т.С. История как сфера-источник прецедентности в публицистике П.Б. Струве 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 60–74. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-60-74

History as the purview-source of precedent phenomena in P. Struve's journalism in the 1920–1930s

Tatiana S. Bondareva-Kutarenkova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kutarenkova@yandex.ru*

Abstract. In the article author analyses “Diary of a Politician” by P. Struve as an example of journalism. The article focuses on the precedent phenomena as used for the emotional appeal to the reader and the demonstration of the author's individuality. The main subjects are the real anthroponyms, the associated to history urbanonyms, the precedent situations, referring to historical facts.

Keywords: P. Struve, journalism, precedent phenomena, anthroponym, urbanonym, “Diary of a Politician”, Russians diaspora

© Бондарева-Кутаренкова Т.С., 2024

For citation: Bondareva-Kutarenkova, T.S. (2024), "History as the purview-source of precedent phenomena in P.B. Struve's journalism in 1920–1930s", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 11, pp. 60–74, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-60-74

Один из наиболее известных представителей политической мысли русского зарубежья – П.Б. Струве – был не только юристом, экономистом, журналистом и редактором периодических изданий, но и историком. В первую очередь его интересовала политическая и экономическая история России и ряда зарубежных стран.

В 1925–1927 гг., проживая во Франции, Струве занимал пост главного редактора газеты «Возрождение». В рубрике «Дневник политика» он представлял свой взгляд на международные отношения, европейскую политику, историю России и советскую современность, жизнь русской эмиграции. Название, безусловно, восходило к «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевского. Ученый называл писателя не только великим художником, но и великим религиозным мыслителем, который «сам есть огромное религиозное явление» [Симачёва 2002, с. 187–196].

В 1927 г. Струве покидает пост главного редактора «Возрождения» из-за разногласий с издателем, нефтепромышленником А.О. Гукасовым и основывает газету «Россия», затем газету «Россия и славянство», а «Дневник...» переходит за главным редактором из издания в издание.

Внук Н.А. Струве называл этот дневник деда «горячим, мудрым и бескомпромиссным»¹. Действительно, метафорика и прецедентность в статьях Струве необычайно верно передают суть явлений и сущность людей, о которых писал автор. В отечественной науке «Дневник политика» П.Б. Струве всегда больше интересовал историков – как источник. В историографии политической мысли и культуры русского зарубежья этот сборник статей действительно имеет важное значение для исследователей. При этом «Дневник политика» никогда не изучался отдельно как публицистический текст и мало изучался как часть журналистской составляющей творческого наследия Струве.

Анализируя статьи из «Дневника политика» как публицистические тексты, следует уделить особое внимание их эмоциональной апелляции к читателю, специфике демонстрации авторской

¹ *Струве Н.А.* Мой дед П.Б. Струве // Петр Бернгардович Струве / под ред. О.А. Жуковой, В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2012. С. 13–17.

индивидуальности, которая выражается в использовании Струве прецедентных феноменов.

В статье «Специфика использования прецедентного текста в «Дневнике политика» П.Б. Струве» [Бондарева-Кутаренкова 2023, с. 100–110] рассматривались прецедентные феномены литературного происхождения. В данном исследовании мы обратимся к прецедентным именам, текстам, ситуациям, источниками которых являются историческая память, исторические документы и тексты – к реальным антропонимам, исторически ассоциируемым урбанонимам, прецедентным ситуациям, отсылающим к историческим явлениям, прецедентным высказываниям и текстам, также имеющим связь с историческими фактами. Для Струве-историка исторические имена, события, даты, явления, ситуации, безусловно, были теми знаками, с помощью которых он входил в диалог со своим читателем.

Н.А. Струве писал, что в эмиграции его дед «счел своим долгом пожертвовать научным творчеством ради политической борьбы»². При этом он же пишет о П.Б. Струве следующее:

Можно даже сказать, что политиком он не был, хотя был, несомненно, выдающимся политическим мыслителем и всю жизнь болел политикой. Дело в том, что Петр Бернгардович соединял в себе два разнородных, противоречивых начала: он был одновременно и в одинаковой степени и мыслителем, и деятелем, и даже, более того, энциклопедистом-ученым, пытливым изыскателем, кропотливым собирателем фактов и в то же время страстным, страстно-принципиальным и принципиально-страстным борцом³.

Даже в те периоды жизни, когда Струве не занимался исторической наукой, он все равно продолжал жить историей: многие статьи в «Дневнике политика» посвящены осмыслению исторических событий и процессов, как российских, так и мировых, оценке роли исторических деятелей, экономической и политической истории России и зарубежных стран.

К сожалению, огромное научное наследие, накопленное ученым за годы жизни в Белграде (а это более 10 лет), погибло. После выхода из тюрьмы (Струве не скрывал своей ненависти к нацизму, что стало поводом для доноса на него в гестапо) Струве получил разрешение от оккупационных властей уехать в Париж, но без права забрать с собой рукописи. Многочисленные записи ученого были

² Там же. С. 4.

³ *Струве Н.А.* О П.Б. Струве // Струве Н.А. Православие и культура. М.: Русский путь, 2000. С. 465.

доверены друзьям, но накануне прихода на Балканы Советской армии те уничтожили бумаги, опасаясь за судьбу их автора⁴. Однако труд «Социально-экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности» хотя и не был окончен автором, но все же был опубликован в Париже в 1952 г.

Читатели, обращающиеся к научному наследию Струве, не нуждаются в подсказках, «указателях», знаках, так как чаще всего являются такими же учеными, как и сам Струве, легко следуя за мыслью автора и понимая его оценку. В то время как читатели «Дневника политика» – это очень неоднородная аудитория, с которой адресанту очень важно в первую очередь установить коммуникационный контакт – с помощью образов, воздействующих на адресата эмоционально.

Важная черта публицистического текста – это оценочность [Кайда 2008, с. 31–43]. Для русского читателя, оказавшегося за рубежом, важна была оценка событий автором статьи – в первую очередь, для понимания сути происходящего в мире и на покинутой родине. И именно знакомые читателю образы, устойчивые выражения, ситуации помогают понять оценку, сделанную автором текста. В отличие от научных текстов, именно публицистика Струве позволяет увидеть, как автор побуждает к размышлению читателя, заставляя активизировать свой багаж знаний.

Второе отличие публицистики от научного текста – это триада «оперативность, актуальность и прагматический потенциал». Об этом пишет Н.И. Клушина:

Если писатель, поэт, ученый может себе позволить «работать в стол», рассчитывая на признание потомков, то журналистика, эта, по меткому выражению, литература на бегу, ориентирована только на современное общество, выполняет сиюминутные задачи, тем самым предполагая немедленный отклик адресата современника. Именно эта ярко выраженная прагматическая направленность на современного автору читателя определяет и специфику отбора языковых средств, максимально усиливающих прагматический потенциал журналистского текста⁵.

История наравне с литературой, искусством, религией и фольклором являлась важной сферой-источником прецедентных фено-

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Клушина Н.И. *Стиль массовой коммуникации: Учеб. пособие.* М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. С. 14.

менов в публицистике русской эмиграции первой волны, выражая определенные культурно-ценностные доминанты. Непосредственным источником знания в данном случае выступают исторические документы, монографии, учебники истории, мемуары, дневники. Очевидно, что доступ к ним для читательской аудитории не был одинаковым: социальная неоднородность, разный уровень образования и т. д. Тем не менее в узусе русских эмигрантов 1920–1930-х гг. существовали такие знаковые слова и словосочетания, позволяющие понять подтекст, настроение, отношение, и смыслы которых были понятны как выпускникам университетов и привилегированным военным училищ, читавшим в юности в семейной библиотеке дневники исторических деятелей и исторические исследования, так и тем, кто знал историю исключительно по гимназическим учебникам.

Исследователи прецедентных феноменов выделяют три категории по характеру прецедентности, определяемые широтой социума, в котором этот текст узнаваем: глобально прецедентные (известные благодаря всемирной литературе и всеобщей истории людям самых разных национальностей), национально прецедентные (феномены, используемые в речи и узнаваемые в конкретной стране и носителями определенной национальной культуры) и социумно прецедентные (популярные в определенных возрастных, профессиональных и социальных группах). Эту классификацию приводит Е.А. Нахимова, ссылаясь также на труды В.В. Красных, Н.М. Орловой, Г.Г. Слышкина [Нахимова 2011, с. 82]. При этом, выделяя национально прецедентные феномены, стоит отметить, на какой национально-культурной почве они возникли. Также важно обратить внимание, к какому историческому периоду относятся используемые прецедентные феномены.

Среди прецедентных феноменов, имеющих историческое происхождение, следует выделить и другие, более конкретные типы: антропонимы, цитаты, прецедентные тексты, отсылающие к историческому источнику, прецедентные ситуации.

Использование антропонимов (собственных имен людей, существовавших в действительности), по мнению исследователя языка русской эмигрантской прессы А. Зеленина, преследует следующие цели:

- 1) апелляция к прецедентам в прошлом, инициаторами которых были известные личности;
- 2) модально-оценочная характеристика современных деятелей, выявляющая стороны их деятельности или морального облика [Зеленин 2007, с. 298].

Используя антропоним, публицист обращается не к абстрактной ситуации, а к конкретному образу, связанному с рядом определенных ситуаций.

О своем постоянном оппоненте П.Н. Милюкове Струве писал: «Ему в пору быть русским Тьером или Ярресом, а он непременно хочет быть сразу Гамбеттой или Жюлем Ферри»⁶. В данном примере имеет место профессионально-оценочная характеристика: автору видится совершенно неразумным нежелание оппонента, сторонника республики, идти на какое-либо сотрудничество с монархистами, его отрицание «органической связи между русской государственностью и русской культурой», нежелание действовать в духе либерального консерватизма, которого придерживался Струве. Струве пишет, что без такого монархиста, как Адольф Тьер, не было бы французской республики. Министр внутренних дел Германии Карл Яррес также был известен как правый либерал. В противовес им Струве ставит тех либеральных политиков, которые придерживались противоположного, более радикального (в сравнении с вышеобозначенными) курса. В этом фрагменте три антропонима относятся к категории национально прецедентных феноменов, причем – три к французской истории (Гамбетта, Тьер, Ферри), один – к немецкой истории (Яррес). Из них только Карл Яррес – современник Струве и Милюкова – то есть его можно отнести к периоду первой половины XX в. «Французы» из этой цитаты относятся к деятелям XIX в. И если имена Гамбетта и Ферри еще можно объединить, то Тьер относится к иному поколению политиков, старшему.

Если рассматривать цель использования антропонимов в данном фрагменте согласно указанной типологии А. Зеленина, то здесь, скорее, имеет место апелляция к прецедентам в прошлом, инициаторами которых были известные личности, а именно – особенности проведения указанными политиками либерального курса в конкретной стране и в конкретный исторический период.

Нередко Струве обращается к историческим антропонимам в целях создания саркастического эффекта. Для этого он также прибегает к сопоставлению биографических фактов, что нередко соединяет антропоним и прецедентную ситуацию в одном случае. Яркий пример – цитата Струве из статьи «Душно», в которой публицист рассуждает о настроениях в политических кругах эмиграции:

⁶ *Струве П.Б.* Некоторые положительные результаты полемики с П.Н. Милюковым: Лояльное предложение в духе либерального консерватизма // Возрождение. 1925. № 26. 28 июня. С. 1.

Не всякий человек, которого нервная система расшатана, может приязнать быть Достоевским. Не всякий неврастеник, как бы он ни разочаровался в «капитализме», может быть ветхозаветным пророком. Не всякий кандидат в дом умалишенных должен быть признаваем за новоявленного Ницше. И надлежит сделать простой практический вывод: таких людей нужно не приближать к печатному станку, а более или менее деликатно удалить от него, рекомендуя им вместо литературных упражнений санаторное лечение. А может быть, и более суровый режим⁷.

Струве намекает на факт из биографии любимого писателя – эпилепсию с фобиями, галлюцинациями и прочими проявлениями, а также на факт из биографии известного философа (психическое заболевание и помещение в психиатрическую больницу), чтобы доказать читателю, что в эмигрантских кругах распространяется немало абсурдных и утопических идей в газетах и журналах, которые нельзя рассматривать как авторитетное мнение. Указанные антропонимы и прецедентные ситуации связаны с периодом второй половины XIX в. Говоря о современной публицистике, в которой звучат эти же имена, мы могли бы отнести данные антропонимы к категории глобальных концептов. Однако несмотря на то, что на момент написания этой статьи Струве труды Ницше и Достоевского уже были переведены на разные языки, имена философа и писателя не были знаковыми для широких масс за пределами Германии и СССР.

Стоит отметить, что П.Б. Струве всегда был критически настроен и часто позволял себе очень острую иронию по отношению к политическим идеям современников – и данная цитата это прекрасно иллюстрирует. Дискредитация политического и идейного оппонента очень нередко встречается в эмигрантской публицистике: сообщество русского зарубежья было сильно разрозненным, пребывало в состоянии перманентной и острой политической полемики. Языковые средства, которые использовались для создания негативного образа, были самыми разнообразными и часто включали прецедентные имена. Если обратиться к типологии целей А. Зеленина, то в рассмотренном выше фрагменте оценивается и моральный облик.

В статье «Смертельная опасность и опричнина из “беспартийных”» (в номере газеты «Россия и славянство» от 14 декабря 1929 г.) говорится о борьбе с оппозицией в лице Рыкова, Бухарина и Томского, в которой Сталин сделал упор на беспартийных – «бо-

⁷ Струве П.Б. Душно // Россия и славянство. 1929. № 40. 31 авг. С. 1.

лее послушных и гибких, чем партия и комсомол» – что сам Струве называет «нелепым планом». Автор сравнивает эту ситуацию с опричниной Ивана Грозного: «люди, которых можно всюду бросить в качестве контролеров-соглядатаев, реквизиторов во главе прототрядов и т. п. и т. п.». И далее публицист пишет:

Сейчас под красным колпаком воскресает Малюта Скуратов, окруженный опричниной уже не из «боярских детей», а из «гулящих людей» и «лодырей» и осуществляющий «реформу календаря» и «американизацию» хозяйственной жизни!⁸

В данном тексте нас интересует в первую очередь упоминание Малюты Скуратова – «правой руки» Ивана Грозного и одного из руководителей опричнины. Как подтвержденные факты его биографии, так и народные легенды, которые возникали уже после его смерти, вкупе создали в исторической памяти образ беспощадного и жестокого, до безумия покорного слуги правителя, готового на все. Согласно исследованиям А. Зеленина этот образ встречается и в других эмигрантских текстах – например, в газете «Дни» журналист использует выражение «Малюта Дзержинский» [Зеленин 2007, с. 298]. Исследователь называет его одним из ключевых онимов в эмигрантской периодике. Струве сравнивает политику Сталина в конце 1920-х гг. с периодом опричнины Ивана Грозного и обращается к образам из XVI в., а оним «Малюта Скуратов» относится к национально прецедентным феноменам (русской истории). Если рассмотреть данный антропоним согласно типологии А. Зеленина, автор характеризует одновременно и моральные, и профессиональные качества беспартийных. В этих цитатах есть пример не только исторического антропонима – мы еще обратимся к тексту данной статьи далее.

Среди лидеров в числе положительных номинаций в текстах Струве – Достоевский (любимый писатель ученого), Пушкин и Ломоносов. В следующем фрагменте мы видим антропонимы, представляющие национальный концепт (русская история) и два века: XVIII и XIX.

Я очень хорошо понимаю то глубокое почтение, которое во всяком образованном и исторически мыслящем русском человеке вызывает монархия, с которой связано бытие, величие, гражданственность, образованность России, та монархия, которую восхвалял гениальный

⁸ *Струве П.Б.* Смертельная опасность и опричнина из «беспартийных» // *Россия и славянство. 1929. № 55. 14 дек. С. 1.*

ученый Ломоносов, воспевал зрелый Пушкин, осмысливал умудренный страданием и просветленный мыслью Достоевский. Но эта монархия рушилась...⁹

Выбор имен в публицистическом тексте всегда неслучаен: автор словно ориентирует своего читателя, а каждое имя служит задаче выразить определенную мысль или отношение. При этом важно отметить факт, который подчеркивают исследователи Л.А. Бутахина и А.В. Филиппова: прецедентное имя выражает оценку, не претендующую на объективность – она эмотивна и субъективна. Прецедентные имена в большей степени демонстрируют адресату субъективное отношения автора к обозначенному качеству или группе качеств [Бутахина, Филиппова 2012, с. 7–14].

Завершая разговор об исторических онимах, следует упомянуть встречающиеся в текстах Струве урбанонимы. «...ни один размышляющий француз, несмотря на Седан и Мец, не будет отрицать, что императорская Франция, именно она, создала замечательную армию...» – писал Струве¹⁰. Для современников Струве Седан и Мец – это недавняя мировая история, места разгромов и колоссальных потерь французской армии в ходе франко-прусской войны, определивших исход противостояния. В исторической памяти французов – это точка-завершение истории монархии во Франции. Для Пруссии, Саксонии, Баварии – а позже объединенной Германии – это память о победе, которая открыла дорогу на Париж и к последующему провозглашению Германской империи. Номинация относится к XIX в. и двум разным национальным концептам (история Франции и история Германии).

От имен собственных перейдем к именам нарицательным, многие из которых стали частью прецедентных высказываний. Но рассмотрим также и неоднозначные случаи.

В статье, с которой начинался «Дневник политика», Струве рассуждает, в частности, о судьбе монархии в российской истории:

Конечно, очень легко проходиться насчет голштинской династии, забывая о том, что голштинский император был низвергнут ангальт-цербстской принцессой, которая, как императрица всероссийская, могла начертать о себе достопамятные в национально-государственном смысле слова: «Отторженная возвратих»¹¹.

⁹ Струве П.Б. Единственная цель // Россия и славянство. 1929. № 48. 26 окт. С. 1.

¹⁰ Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: УМСА-Press, 2004. С. 26.

¹¹ Там же. С. 17.

Перед нами пример перифразы: автор не называет имен Петра III и Екатерины II, а употребляет узнаваемые для русскоговорящего читателя, знакомого с историей российской государственности, словосочетания «голштинский император» и «ангальт-цербстская принцесса» (которую в этом же предложении далее называет «императрица всероссийская»). Имена собственные заменяются нарицательными. В словосочетании «голштинский император» очевидно сквозит ирония: на российском троне Петр III находился чуть более полугода и так и не смог стать «своим», принять российские реалии и стать по-настоящему российским самодержцем. Указывая же на происхождение Екатерины, Струве подчеркивает иное: была ангальт-цербстской принцессой, но стала императрицей всероссийской (в отличие от покойного супруга). Но справедливо ли относить данные словосочетания к прецедентным высказываниям? Для массового читателя (даже если мы говорим о русских эмигрантах во Франции периода между двух мировых войн) они не являются легкоузнаваемыми (в отличие от простых и понятных номинаций «Петр III» и «Екатерина II»). Образованная публика, конечно же, расшифрует эти названия, зная биографии российских правителей, но уровень образования в эмигрантской среде все же был неодинаковым.

Мы уже упоминали выше статью «Смертельная опасность и опричнина из “беспартийных”» (в номере газеты «Россия и славянство» от 14 декабря 1929 г.). Помимо антропонимов, в ней есть историзмы: «опричнина» (вынесен в заголовок), «боярские дети», «гулящие люди»¹². Для читателя-эмигранта, выросшего в царской России, даже на среднем уровне знающего русскую историю, эти словосочетания были узнаваемы и вызвали определенную реакцию (в большей степени, чем уже приведенные в примере выше «голштинский император» и «ангальт-цербстская принцесса»), так как являются словами, знаковыми для определенного периода в истории. Данные феномены хронологически относятся к XVI в. и являются национальными концептами (русская история). Не менее интересна метафора «под красным колпаком» – возможно, Струве намекает на фригийские колпаки французских революционеров, которые также были красного цвета, и французские «корни» большевистской идеологии.

Рассмотрим также пример прецедентной ситуации. Согласно определению, которое дает В.В. Красных, это – «эталонная ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифферен-

¹² Струве П.Б. Смертельная опасность и опричнина из «беспартийных» // Россия и славянство. 1929. № 55. 14 дек. С. 1.

циальные признаки которой входят в когнитивную базу». То есть историческое событие, ситуация, которая имела место и отмечена документально, или же ситуация, созданная писателями в художественных произведениях¹³.

Пример прецедентной ситуации, мотивированной историческими событиями, Струве демонстрирует в статье, посвященной судьбам республиканской идеологии в эмиграции: «В самом деле, где та Российская республика, которую в свое время “сам-третей у постели” провозгласил А.Ф. Керенский...»¹⁴. Чтобы понять специфику оценки и смысл, вкладываемый Струве, следует обратиться к труду историка Н.И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Цитата: «Государь, – говорил Берсень, – запершись сам-третей, у постели все дела делает»¹⁵. Так дипломат и государственный деятель Иван Берсень-Беклемишев отзывался о царе Василии III, которого нередко осуждали за то, что принимал политические решения, ни с кем не советуясь, наедине с собой. Струве проводит историческую параллель: аналогичным образом Керенский принял решение государственного уровня. Проводится параллель между ситуацией из недавней истории (период действия полномочий Временного правительства) и ситуацией из XVI в. Данный национальный концепт связан исключительно с российской историей.

Исторические параллели и сопоставления – частый прием в текстах Струве. Статья 1929 г. «Торжество католичества и папства» начинается так:

Есть знаменитый рисунок Жерара, изображающий Наполеона, первого консула Французской республики, подписывающим 15 июня 1801 г. в Тюильрийском дворце конкордат с римским папой. Исторический день 11 февраля 1929 г., когда было подписано в папском Латеранском дворце соглашение между итальянским государством и Святейшим престолом, приводит на память конкордат 1801–1802 гг., являющийся одним из важнейших этапов в ходе укрепления наполеоновской власти. Но в то же время какая огромная разница!¹⁶

¹³ *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Лекционный курс. М.: Гнозис, 2002. С. 47.

¹⁴ *Струве П.Б.* Дневник политика (1925–1935). С. 17.

¹⁵ *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. С. 22.

¹⁶ *Струве П.Б.* Торжество католичества и папства // Россия и славянство. 1929. № 13. 23 февр. С. 1.

Встреча представителя духовной власти и представителя светской власти (и Наполеон, и Муссолини, как пишет автор, руководствовались прежде всего политическими соображениями), подписание соглашения – ситуации идентичны лишь на первый взгляд. Отталкиваясь от этой точки, Струве постепенно доказывает, в чем несходство Наполеона с Муссолини, почему нельзя сравнивать Италию конца 1920-х гг. с «вышедшей из революционного горнила победоносной Францией», почему в современном (для Струве) мире папство могущественней любой светской власти.

Следует обратить внимание и на специфику прецедентных текстов в статьях Струве. В публицистике такие феномены часто представлены фрагментами художественных произведений, песен, анекдотов и рекламы¹⁷. Источниками феноменов, которые интересуют нас в контексте данной статьи, могут быть исторические документы, хроники, мемуары. Статья Струве к столетию со дня смерти императора Александра I открывает еще один интересный пример: источником прецедентного текста могут быть также геральдические тексты – девизы фамильных гербов.

Различные прецедентные феномены, основанные на геральдических реалиях, относительно часто встречаются в статьях русской прессы за рубежом в 1920–1930-е гг. В отличие от советских журналистов, эмигранты могли свободно интерпретировать эмблемы, находясь в условиях отсутствия цензуры. Но если большинство авторов обращалось к государственной символической и эмблематике («двуглавый орел», «пятиконечная звезда», «серп и молот» и др.) [Зеленин 2007, с. 329–331], что вписывалось в определенный понятийно-смысловой блок, то Струве чаще обращался к геральдическим реалиям иного характера – например, родовой дворянской геральдике, а именно – к девизам. В статье, вышедшей к 100-летию со дня кончины императора Александра I, ученый так писал об А.А. Аракчееве: «...александровский Аракчеев страшен был не только и не столько своими реальными чертами, сколько тем, что этот образ “без лести преданного” топорного не временщика, а слуги тончайшего царя вырос в злую и зловещую легенду»¹⁸. «Без лести предан» – это девиз на гербе рода Аракчеевых. Очевидно, что в своем тексте Струве позволяет себе иронию. Перед нами снова национальный концепт, связанный с российской историей XIX в.

¹⁷ Басовская Е.Н., Каневская Я.Е., Подкина Ю.В., Яковлева Ю.В. Теория публицистики: Учебник. М.: РГГУ, 2023. С. 102.

¹⁸ Струве П.Б. Александр I Благословенный и Николай II Замученный // Возрождение. 1925. № 31. 3 дек. С. 1.

Анализ текстов из «Дневника политика» показал, как широко используются прецедентные феномены в эмигрантской публицистике Струве и насколько велика доля реальных онимов, прецедентных ситуаций, вызванных историческими событиями и явлениями, прецедентных текстов, источниками которых являются исторические документы и труды историков.

К истории как сфере-источнику автор обращается для того, чтобы, с одной стороны, актуализировать смыслы, обусловленные историческими ассоциациями, но с другой стороны, выявить с их помощью новые смыслы, связанные с текущими процессами в жизни русского зарубежья. Целью использования подобных прецедентных феноменов чаще всего становится создание иронического или даже саркастического эффекта, выражение негативного или позитивного отношения к человеку или явлению (современник сопоставляется с историческим деятелем; проводится аналогия между ситуацией из эмигрантской жизни, политическим явлением XX в. и известным историческим прецедентом).

Антропонимы используются как для оценки моральных качеств современников, так и их компетентности, профессиональной деятельности.

Большинство прецедентных феноменов относятся к концептам национального характера, в которых преобладают онимы, ситуации и тексты, связанные с российской историей: именно они являются ключевыми «текстами влияния» для русскоязычной аудитории. Но также нередко называются имена и события из истории Франции и Германии, что обусловлено тем, что большинство читателей газет «Возрождение», «Россия» и «Россия и славянство» проживало именно в этих странах.

Основная часть феноменов относится к истории XIX в. – к политической и экономической истории именно этого века Струве обращался чаще всего в своих исследованиях. Вторая по численности группа феноменов в одинаковой степени представлена историей XVI и XVIII вв. В меньшинстве – феномены, относящиеся к истории XX в.

В большинстве статей Струве, даже в рамках одного распространённого предложения, можно увидеть соединение самых разных типов прецедентных феноменов. И даже одну конкретную фразу можно отнести к различным категориям.

«Дневник политика» П.Б. Струве и его популярность среди читателей в эмиграции демонстрируют то, что связь времен не распалась (если мы позволим себе такую смелую квазицитацию Шекспира): автор и читатель говорят «на одном языке», публицист не прибегает к разъяснениям (стоит отметить, что в «Дневнике

политика», выпущенном издательством «Русский путь» совместно с парижским издательством YMCA-Press в 2004 г., статьи Струве уже сопровождаются комментариями редакторов).

Литература

- Бондарева-Кутаренкова 2023 – *Бондарева-Кутаренкова Т.С.* Специфика использования прецедентного текста в «Дневнике политика» П.Б. Струве // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 10. С. 100–110.
- Бутахина, Филиппова 2012 – *Бутахина Л.А., Филиппова А.В.* Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 3. С. 7–14.
- Зеленин 2007 – *Зеленин А.* Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). СПб.: Златоуст, 2007. 378 с.
- Кайда 2008 – *Кайда Л.Г.* Позиция автора в публицистике: Стилистическая концепция // Язык современной публицистики: Сб. статей / сост. Г.Я. Солганик. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 31–43.
- Нахимова 2011 – *Нахимова Е.А.* Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. 276 с.
- Симачёва 2002 – *Симачёва И.Ю.* Достоевский на страницах парижской газеты «Россия и славянство» // Литературоведческий журнал. 2002. № 16. С. 187–196.

References

- Bondareva-Kutarenkova, T.S. (2023), “The specificity of precedent texts’ using in the P. Struve’s ‘Diary of a Politician’”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 100–110.
- Butakhina, L.A. and Filippova, A.V. (2012), “The precedent phenomena in political discourse texts”, *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, no. 3, pp. 7–14.
- Kaida, L. (2008), “The author’s position in journalism. A stylistics’ concept”, in Solganik, G.Ya., comp., *Yazyk sovremennoi publitsistiki* [The language of modern journalism], Flinta, Nauka, Moscow, Russia, pp. 31–43.
- Nakhimova, E.A. (2011), *Precedentnye onimy v sovremennoi rossiiskoi massovoi kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya* [Precedent onyms in modern Russian mass communication. Theory and methods of cognitive-discursive research], Ural’skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Ekaterinburg, Russia.

Simachyova, I.Yu. (2002), “Dostoevsky on the pages of Parisian newspaper ‘Russia and Slavdom’”, *Literaturovedcheskii journal*, no. 16, pp. 187–196.

Zelenin, A. (2007), *Yazyk russkoi emigrantskoi pressy (1919–1939)* [The language of Russian emigrants’ press (1919–1939)], Zlatoust, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Татьяна С. Бондарева-Кутаренкова, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kutarenkova@yandex.ru

Information about the author

Tatiana S. Bondareva-Kutarekova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kutarenkova@yandex.ru

Декабристы
в общественно-политическом дискурсе СССР
середины XX в.

Дарья И. Булдакова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, darinbouldakova@yandex.ru*

Аннотация. В статье идет речь о восприятии декабристов в СССР в 1975 г., т. е. в год 150-летнего юбилея восстания. Отмечается, что за пятьдесят лет до этого о декабристах предпочиталось умалчивать, и рассматривается постепенное возвращение декабристов в историческую науку и общественное сознание. Также автор обращает внимание на раздвоение традиционного «мифа» о трех этапах освободительного движения в России, первым из которых, согласно В.И. Ленину, было восстание декабристов: с одной стороны, с декабристами ассоциировали себя диссиденты, с другой – чиновники брежневской эпохи также старались обосновать свое родство с декабристами. Делается вывод, что 150-летие восстания декабристов сопровождалось резким всплеском активности, – причем, в отличие от столетия восстания, юбилей 1975 г. курировало Министерство культуры СССР. Вполне вероятно, что интерес к 150-летию восстания со стороны не только общества, но и государства связан с его идеологическим противостоянием диссидентам.

Ключевые слова: публицистика, декабристы, СССР, середина XX в., 1975 г., диссиденты

Для цитирования: Булдакова Д.И. Декабристы в общественно-политическом дискурсе СССР середины XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 75–87. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-75-87

The Decembrists in the socio-political discourse of the USSR in the mid-20th century

Daria I. Buldakova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, darinbouldakova@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the perception of the Decembrists in the USSR in 1975, the year of the 150th anniversary of the Decembrists' revolt. It notes that fifty years before that the Decembrists were hardly mentioned, and considers the gradual return of the Decembrists to historical science and into public consciousness. The author also focuses on the bifurcation of the traditional "myth" about the three stages of the revolutionary movement in Russia, the first of which, according to V.I. Lenin, was the Decembrists' revolt: on the one hand, dissidents associated themselves with the Decembrists; on the other hand, officials of the Brezhnev's era also tried to claim their kinship with the Decembrists. It is concluded that the 150th anniversary of the Decembrist revolt was accompanied by a sudden upsurge in activity – and, unlike the centenary of the uprising, the anniversary in 1975 was supervised by the USSR Ministry of Culture. It is quite likely that the interest in the 150th anniversary of the revolt on the part of not only society but also the state is connected with its ideological opposition to dissidents.

Keywords: publicism, the Decembrists, USSR, mid-twentieth century, 1975, dissidents

For citation: Buldakova, D.I. (2024), "The Decembrists in the socio-political discourse of the USSR in the mid-20th century", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, no. 11, pp. 75–87, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-75-87

Возрождение общественного интереса к теме декабристов

Декабристы как феномен отечественной истории уже почти двести лет вызывают неподдельный интерес у читающей публики – соответственно, интерпретация событий, связанных с ними и – шире – с пушкинской эпохой, – неизменно становится фактом публицистики.

Так, в преддверии столетнего юбилея восстания декабристов (1925 г.) велись дискуссии, следует ли отмечать это событие. Кем же были декабристы: помещиками, обманувшими солдат

(М.С. Ольминский)¹, представителями крупной и мелкой буржуазии (М.Н. Покровский)², родоначальниками революционного движения в России (В.И. Ленин)³ или революционными посланниками Запада (Л.Д. Троцкий)⁴? В середине 1920-х гг. историки и публицисты к единому мнению так и не пришли (см., например: [Булдакова, Киянская 2018; Бахтурин 2021]).

Вскоре после 1925 г. декабристы стали «ненужным прошлым». О них и их роли в истории России, тем более в роли российского революционного движения, надолго замолчали – по причинам политическим. 110-летие восстания, равно как и 120-летие, прошли незамеченными (см., например: [Булдакова, Киянская 2019]), а «декабристская» концепция Покровского, главного «адвоката» декабристов, была развенчана (см., например: [Артизов 1994]). Вплоть до самой своей смерти в 1932 г. Покровский старался держаться вдалеке от партийных дискуссий, однако, по мнению ряда исследователей, именно его отстраненность от актуальной внутрипартийной борьбы впоследствии сыграла с ним злую шутку: это противоречило «утверждающейся идеологии сталинизма»⁵.

Отношение к восстанию декабристов стало меняться по окончании Великой Отечественной войны. О декабристах вновь начали писать. Постепенно увеличивалось число научных публикаций – для возрождения общественного интереса к данной теме появилась почва.

Традиционные ссылки на высказывания Ленина о декабристах дополнялись цитатой Сталина; данная цитата – единственное упоминание декабристов, которое удалось обнаружить в публицистических выступлениях Сталина. Обсуждая в 1931 г. с немецким писателем Э. Людвигом текущую политическую ситуацию и историю

¹ *Ольминский М.Н.* Нужно ли праздновать юбилей декабристов? // Рабочая газета. 1923. 18 дек.

² *Покровский М.Н., Мицкевич С.И.* Нужно ли праздновать юбилей декабристов? // Декабристы: 1825–1925: Сб. статей и материалов. М.: Молодая гвардия, 1925. С. 20.

³ *Ленин В.И.* Памяти Герцена // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1967–1975. Т. 21: декабрь 1911 – июль 1912. С. 255–262; *Он же.* Из прошлого рабочей печати в России // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 25: март – июль 1914. С. 93–101.

⁴ *Троцкий Л.Д.* Через двадцать лет // Троцкий Л.Д. Сочинения. Сер. 1: Историческое подготовление Октября. Т. 2: Наша первая революция. Ч. 2. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 223–236.

⁵ *Чернобаев А.А.* Историки России: Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С. 453.

России, Сталин заметил, что на протяжении трехсот лет правления Романовых в России было немало «восстаний и возмущений»: «восстание Стеньки Разина, восстание Емельяна Пугачева, восстание декабристов, революция 1905 г., революция в феврале 1917 г., Октябрьская революция».

Позже в той же беседе с Людвигом Сталин дополнил, что большевики «всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др.»⁶. Сложно сказать, подразумевались ли под упомянутыми «другими» декабристы; тем не менее эта фраза позволяла утверждать, что он видел в декабристах некий этап революционной борьбы в России⁷. Введение сталинской цитаты в исследовательский дискурс открывало возможности для дальнейшего изучения темы и ее публицистического осмысления.

Полноценное возрождение общественного интереса к теме произошло уже после смерти Сталина. Двухтомную монографию «Движение декабристов»⁸ авторства М.В. Нечкиной – ученицы Покровского, участвовавшей в 1930-х гг. в развенчании его «вульгарной» концепции, – многие считают сегодня порождением государственного официоза; между тем это можно назвать новаторским исследованием, вернувшим тему декабристов в сферу общественного интереса. Именно после монографии Нечкиной декабристы окончательно обрели в советской историографии статус «предшественников» большевиков.

В советскую публицистику и журналистику декабристы возвращались столь же постепенно. Согласно библиографическому справочнику «Движение декабристов», выпущенному в 1983 г. совместно Академией наук СССР, Институтом истории СССР и Государственной публичной исторической библиотекой к 135-летию восстания в 1960 г., в советских газетах появились 4 статьи о декабристах, к 140-летию (1965) – 30 статей, к 145-летию (1970) –

⁶ *Сталин И.В.* Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951. С. 110.

⁷ См., например: *Нечкина М.В.* Предисловие // Восстание декабристов: Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 9. С. 7; *Щипанов И.Я.* Социально-политические и философские воззрения декабристов // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1951. Т. 1. С. 8.

⁸ *Нечкина М.В.* Движение декабристов: В 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955.

3 статьи. И наконец, в 1975 г., когда событиям на Сенатской площади исполнилось 150 лет, – около 70 статей⁹.

В преддверии 150-летнего юбилея

В 1975 г. состоялись знаковые для декабристской темы события: вышел культовый фильм режиссера В.Я. Мотыля «Звезда пленительного счастья»¹⁰ о подвиге жен декабристов, в библиотеках организовывались тематические выставки и лекции, выходили и научные, и научно-популярные, и художественные книги о декабристах, организовывались многочисленные конференции.

Сведения об одной из таких конференций сохранились в РГАЛИ (Российском государственном архиве литературы и искусства) – она была организована совместно Союзом писателей СССР и Литературным институтом им. А.М. Горького, состоялась в ноябре 1975 г. Большинство докладов участников застенографировано не было, однако наибольшее значение для понимания роли памяти о восстании декабристов в культурной жизни Советского Союза 1975 г. имеет вступительное слово С.И. Машинского – литературоведа, заведующего кафедрой русской истории Литературного института им. А.М. Горького. Также примечательно, что одним из докладчиков был прапраправнук члена Северного тайного общества К.П. Чернова, похороны которого в сентябре 1825 г. считаются декабристской демонстрацией.

Декабристы, по словам Машинского, понимали, что восстание обречено, однако «верили в силу примера». В своем вступительном слове он отметил, что «великая трагическая эпопея на Сенатской площади завершилась пятью виселицами» (при том, что трое из пяти казненных не имели к восстанию в Санкт-Петербурге никакого отношения; также был заочно приговорен к казни Н.И. Тургенев, который виселицы избежал). В речи Машинского также были упомянуты иностранные корни вольнодумия будущих декабристов (о которых после речи Л.Д. Троцкого на II Всесоюзном съезде ОБПКиС (Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев) не заговаривали) – на примере К.Ф. Рылеева, который

⁹ Движение декабристов: указатель литературы, 1960–1976 гг. / ред.-сост. Р.Г. Эймонтова; сост.: В.С. Барашкова, А.Ф. Лисман, Ю.И. Стуков [и др.]; отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1983. С. 28.

¹⁰ Звезда пленительного счастья (1975) // Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/45413/> (дата обращения 28 июня 2022).

на допросе сообщил, что именно в период Заграничных походов «заразился свободомыслием».

Поскольку организаторами конференции были литераторы и литературоведы, сосредоточились они именно на литературном дискурсе. Во все той же вступительной речи С.И. Машинский отметил, что, пусть даже «писателей среди декабристов было немного», «есть основание говорить о декабризме как об эстетическом феномене». Так, например, декабристам – «людям действия» – «был свойственен максимализм», а еще они были неразрывно связаны с русским романтизмом, который, хотя и был тогда распространенным явлением, отличался в случае декабристов ярко выраженной гражданственностью. И, безусловно, Машинский проводил параллель между «гражданским» романтизмом начала XIX в. и современной ему литературой: по его словам, советская литература продолжает и развивает это направление¹¹.

В середине 1970-х гг. социалистический реализм как в литературе, так и в других видах советского искусства еще прочно держал позиции (см., например: [Сухих 2013]). Соответственно, выступления декабристов (и их «гражданские» произведения, разумеется, однако, в первую очередь благодаря именно выступлениям) более чем вписывались в прагматику соцреализма.

Официально 150-летие восстания декабристов курировало Министерство культуры СССР. Согласно сохранившейся в РГАЛИ переписке с соответствующими министерствами союзных республик, каждое из них обещало подготовить к юбилею свои мероприятия. Так, Минкульт Литовской ССР обещал «организовать циклы лекций, беседы, тематические вечера и др. массовые мероприятия», «подготовить экспозиции наглядной агитации, по тематике восстания декабристов» (пунктуация сохранена. – Д. Б.), «в концертные программы включить произведения поэтов-декабристов», «на семинарах работников культпросветучреждений городов и районов читать доклады о восстании декабристов», «организовать выставки литературы о восстании декабристов и его участниках», «подготовить и опубликовать библиографию литературы о восстании декабристов», «организовать выставки, посвященные восстанию декабристов», «организовать лекции, беседы, торжественные вечера и др. массовые мероприятия, посвященные восстанию декабристов».

Сходные обязательства – организовывать экспозиции, выставки, лекции, творческие вечера, прочесть доклады, подготовить библиографию – взяли на себя Минкульты Белорусской, Латвий-

¹¹ РГАЛИ. Ф. 632. Оп. 3. Ед. хр. 104. Л. 13.

ской, Украинской, Армянской ССР. При этом стоит отметить, что в документе Украинской ССР содержатся оценочные суждения о значении восстания декабристов для революционного движения (более того – было указано, что именно восстание декабристов положило начало революционному движению в России), в то время как Минкульта других перечисленных союзных республик от оценок воздержались¹².

Проверить, были ли в действительности проведены выставки и творческие вечера, посвященные декабристам, сейчас практически невозможно. Однако можно утверждать, что обещанная работа над библиографическими указателями по истории декабристов практически не велась, – этот пункт обязательств остался лишь на бумаге. И все же в 1975–1976 гг. в России вышло не менее пяти изданий, специально содержащих библиографию по истории декабристов¹³, на Украине – одно издание¹⁴, а в других союзных республиках такого рода изданий не было¹⁵.

Практически в каждой советской газете в 1975 г. помещались статьи о декабристах; анализ этих статей – тема отдельного исследования.

Декабристы и диссиденты

Президент Российской Федерации В.В. Путин, беседуя в конце 1990-х гг. с корреспондентами Н.П. Геворкян, Н.А. Тимаковой и А.И. Колесниковым, поделился историей из своего прошлого, то есть прошлого офицера Комитета государственной безопасности:

¹² Там же. Ф. 2329. Оп. 37. Ед. хр. 30. Л. 1–10.

¹³ Движение декабристов: Библиогр. список книг и статей на рус. яз. за 1960–1975 гг. М.: ГБЛ, 1975. 38 с.; *Инглези Р.М.* Методические рекомендации массовым библиотекам по пропаганде литературы к 150-летию вооруженного выступления декабристов. М.: ГПИБ, 1975. 40 с.; *Рыцарев К.В.* «Первенцы свободы»: (Библиогр. и метод. материалы для проведения тематического вечера, посв. 150-летию восстания декабристов). М.: ГПИБ, 1975. 44 с.; *Карлина Н.Н.* Предвестники вольности: рекомендательный указатель литературы. М.: Гос. респ. юношеская б-ка РСФСР, 1976. 31 с.; *Урубкова Л.* Декабристы и Москва: Указ. лит., 1825–1977. М., 1978. 42 с.

¹⁴ Декабристы: (К 150-летию со дня восстания): рекомендательный указатель литературы. Харьков: Харьковский ун-т, 1975. 13 с.

¹⁵ Движение декабристов: Указатель литературы: 1960–1976. М.: Наука, 1983. С. 32.

Допустим, группа диссидентов собирается в Ленинграде проводить какое-то мероприятие. Допустим, приуроченное к дню рождения Петра Первого. <...> Диссиденты в Питере в основном к таким датам свои мероприятия приурочивали. Еще они любили юбилеи декабристов.

– Диссиденты же.

– Действительно. Задумали, значит, мероприятие с приглашением на место события дипкорпуса, журналистов, чтобы привлечь внимание мировой общественности. Что делать? Разгонять нельзя, не велено. Тогда взяли и сами организовали возложение венков, причем как раз на том месте, куда должны были прийти журналисты. Созвали обком, профсоюзы, милицией все оцепили, сами под музыку пришли. Возложили. Журналисты и представители дипкорпуса постояли, посмотрели, пару раз зевнули и разошлись. А когда разошлись, оцепление сняли. Пожалуйста, идите кто хочет. Но уже неинтересно никому¹⁶.

Это воспоминание – свидетельство раздвоения традиционного герценовско-ленинского мифа о декабристах: с одной стороны, родство с декабристами подчеркивали диссиденты, с другой же – это самое родство, работая на опережение, старались обосновать советские чиновники брежневской эпохи.

Еще в 1944 г. поэт Н.М. Коржавин, ставший впоследствии диссидентом и правозащитником, написал стихотворение «Зависть»:

Можем строчки нанизывать
Посложнее, попроще,
Но никто нас не вызовет
На Сенатскую площадь.

И какие бы взгляды вы
Ни старались выплескивать,
Генерал Милорадович
Не узнает Каховского.

Пусть по мелочи биты вы
Чаще самого частого,
Но не будут выпытывать
Имена соучастников.

¹⁶ От первого лица: Разговоры с Владимиром Путиным. М.: Вагриус, 2000. С. 43–44.

Мы не будем увенчаны...
И в кибитках,
снегами,
Настоящие женщины
Не поедут за нами¹⁷.

Другой пример – знаменитый «Петербургский романс» драматурга, поэта и тоже диссидента А.А. Галича, написанный под впечатлением от событий августа 1968 г.:

...Мальчишки были безусы,
Прапоры и корнеты,
Мальчишки были безумны –
К чему им мои советы!

Лечиться бы им, лечиться,
На кислые ездить воды...
Они ж по ночам: «Отчизна!..
Тираны!.. Заря Свободы!..»

<...>

О, доколе, доколе
(И не здесь, а везде)
Будут Клодтовы кони –
Подчиняться узде?!

И все так же, не проще,
Век наш пробует нас –
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь,
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!

Где стоят по квадрату
В ожиданье полки:
От Синода к Сенату –
Как четыре строки?!¹⁸

¹⁷ *Коржавин Н.М.* Время дано: Стихи и поэмы / послесл. Б. Сарнова. М.: Худож. лит., 1992. С. 13.

¹⁸ *Галич А.А.* Сочинения: В 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы / сост. А. Петраков, худ. В. Крючков. М.: Локид, 1999. С. 58–60.

Спустя несколько дней после написания этого романа в Москве на Красной площади состоялась знаменитая диссидентская демонстрация против ввода советских войск в Чехословакию, разогнанная властями. Среди плакатов, которые принесли протестующие, был плакат «За нашу и вашу свободу» [см., например: Шиндикова, Глушаков 2013] – этот слоган был впервые использован в январе 1831 г. в восставшей Польше, вспоминая казненных декабристов.

В 1972 г. диссидент Коржавин, прошедший сибирскую ссылку, написал стихотворение «Памяти Герцена» («Баллада об историческом недосыпе»), в котором высмеял рассуждения Ленина о трех этапах русского освободительного движения и о том, что «декабристы разбудили Герцена»:

Любовь к Добру разбередила сердце им.
А Герцен спал, не ведая про зло...
Но декабристы разбудили Герцена.
Он недоспал. Отсюда всё пошло.

<...>

Все обойтись могло с теченьем времени.
В порядок мог втянуться русский быт...
Какая сука разбудила Ленина?
Кому мешало, что ребенок спит?

На тот вопрос ответа нету точного.
Который год мы ищем зрячего...

<...>

Мы спать хотим... И никуда не деться нам
От жажды сна и жажды всех судить...
Ах, декабристы!.. Не будите Герцена!..
Нельзя в России никого будить¹⁹.

Вполне вероятно, что широкий государственный размах празднования 150-летия восстания декабристов был во многом обусловлен – от противного – именно диссидентскими трактовками этого события, их попытками отождествить себя с декабристами и высмеять трактовку Ленина.

¹⁹ Коржавин Н.М. Памяти Герцена (Баллада об историческом недосыпе) // Коржавин Н.М. Время дано: Стихи и поэмы / послесл. Б. Сарнова. М.: Худож. лит., 1992. С. 180–182.

Заключение

Таким образом, из проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- декабристы постепенно возвращались в научный и публицистический дискурс начиная с середины 1940-х гг.;
- отправной точкой для официального декабристovedческого дискурса была фраза Сталина, произнесенная в беседе с немецким писателем Э. Людвигом (1931 г.), когда Сталин фактически приравнял восстание декабристов к другим революционным выступлениям в России;
- в конце 1940-х гг. начал формироваться и декабристovedческий дискурс тех, кого впоследствии назовут диссидентами: авторы публицистических, в том числе и стихотворных, произведений подчеркивали борьбу декабристов против власти, объявляли себя их последователями;
- полноценное возрождение интереса к теме произошло после публикации двухтомной монографии М.В. Нечкиной «Движение декабристов» (1955 г.): именно благодаря ей декабристы снова обрели статус «предшественников» большевиков;
- резкий всплеск публикационной активности на декабристскую тему произошел в 1975 г., в год 150-летия восстания; координация юбилейных мероприятий была поручена Министерству культуры СССР;
- соответствующие министерства союзных республик обязались подготовить к 150-летию восстания ряд мероприятий; празднование 150-летия восстания было порождением эпохи «застоя»: во многом юбилейные мероприятия оставались лишь на бумаге;
- источники середины XX в. фиксируют своеобразное раздвоение публицистического декабристovedческого дискурса: родство с декабристами подчеркивали как диссиденты, так и их идеологические противники, официальные власти СССР брежневской эпохи.

Литература

- Артизов 1994 – *Артизов А.Н.* Судьба историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х гг.) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48.
- Бахтурин 2021 – *Бахтурин В.В.* Столетний юбилей восстания декабристов в социокультурном контексте 20-х годов XX века: варианты конструи-

- рования исторической памяти // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. Кн. 6. С. 71–85.
- Булдакова, Киянская 2018 – Булдакова Д.И., Киянская О.И. Столетие восстания декабристов в советской периодике середины 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44). С. 9–16.
- Булдакова, Киянская 2019 – Булдакова Д.И., Киянская О.И. Юбилей восстания декабристов в советской исторической науке и периодике первой трети XIX в. // Россияведение: в поисках утраченного времени / отв. ред. И.И. Глебова. М.: РАН. ИНИОН; Центр россияведения, 2019. С. 47–54.
- Сухих 2013 – Сухих С.И. Эволюция доктрины соцреализма во второй половине XX в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 2-1. С. 300–305.
- Шиндикова, Глушаков 2013 – Шиндикова Р.А., Глушаков В.В. «Демонстрация семерых» 25 августа 1968 г. // Труды экономического и социально-гуманитарного факультета РГГМУ. 2013. Вып. 7. С. 233–239.

References

- Artizov, A.N. (1994), *Sud'ba istorikov shkoly M.N. Pokrovskogo (seredina 1930-h godov)* [The fate of historians of the M.N. Pokrovsky school (mid-1930s)], *Voprosy istorii*, no. 7, pp. 34–48.
- Bakhturin, V.V. (2021), *Stoletnii yubilei vosstaniya dekabristov v sotsiokul'turnom kontekste 20-kh godov XX veka: varianty konstruirovaniya istoricheskoi pamyati* [The centennial of the Decembrists' revolt in the socio-cultural context of the 20s of the 20th century. Variants for constructing historical memory], in *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, vol. 163, book 6, pp. 71–85.
- Buldakova, D.I. and Kiyanskaya, O.I. (2018), “Soviet periodicals of the mid 1920-s on the centenary of the Decembrists revolt”, *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*, vol. 44, no. 11, pp. 9–16.
- Buldakova, D.I. and Kiyanskaya, O.I. (2019), “Anniversaries of the Decembrists' revolt in the Soviet historical science and periodicals of the first third of the 19th century”, in Glebova, I.I., ed., *Rossievedenie: v poiskakh utrachennogo vremeni* [Russian studies. In search of lost time [РАН. ИНИОН. Tsentr Rossievedeniya, Moscow, Russia, pp. 47–54.
- Sukhikh, S.I. (2013), “Evolution of the socialist realism doctrine in the 2nd half of the 20th century”, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 2-1, pp. 300–305.
- Shindikova, R.A. and Glushakov, V.V. (2013), “ ‘The Demonstration of the Seven’ August 25, 1968”, in *Trudy ekonomicheskogo i sotsial'no-gumanitarnogo fakul'teta RGGMU*, iss. 7, pp. 233–239.

Информация об авторе

Дарья И. Булдакова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; darinbouldakova@yandex.ru

Information about the author

Daria I. Buldakova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; darinbouldakova@yandex.ru

УДК 378.4(470-25)

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-88-95

О деятельности научно-педагогической школы
«Медиапублицистика в историко-политическом,
культурологическом и медиаречевом контексте»
на факультете журналистики РГГУ

Оксана И. Киянская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kianoks@inbox.ru*

Аннотация. В статье речь идет о сложившейся на факультете журналистики РГГУ научно-педагогической школе «Медиапублицистика в историко-политическом, культурологическом и медиаречевом контексте». Анализируются этапы формирования школы, основные принципы, которыми ее участники руководствуются в научной и педагогической деятельности, описываются результаты деятельности участников школы. Утверждается, что в основе работы школы лежит убеждение ее участников в том, что публицистика не равна журналистике, публицистический компонент может присутствовать и в журналистских текстах, и в научных, и в художественных.

Ключевые слова: журналистика, публицистика, кафедра литературной критики, кафедра медиаречи

Для цитирования: Киянская О.И. О деятельности научно-педагогической школы «Медиапублицистика в историко-политическом, культурологическом и медиаречевом контексте» на факультете журналистики РГГУ // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 88–95. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-88-95

On the activities of the scientific and pedagogical school
“Media publicism in historical-political and cultural
and media speech context”
at the RSUH Faculty of Journalism

Oksana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kianoks@inbox.ru*

Abstract. The article is about the scientific and pedagogical school “Media publicism in historical-political and cultural and media speech context” established at the RSUH Faculty of Journalism. It analyzes the stages of the school’s formation, the main principles that guide its participants in their scientific and pedagogical practices, and describes the results of the school participants’ activities. It is argued that the school’s work is based on the conviction of its participants that publicism is not equal to journalism; the publicistic component can be present in journalistic texts, in scientific and artistic texts as well.

Keywords: journalism, publicism, Department of Literary Criticism, Department of Media Speech

For citation: Kiyanskaya, O.I. (2024), “On the activities of the scientific and pedagogical school ‘Media publicism in historical-political and cultural and media speech context’ at the RSUH Faculty of Journalism”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, no. 11, pp. 88–95, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-88-95

На факультете журналистики РГГУ существует сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением изысканий по общему научному направлению и объединенных совместной научной и педагогической деятельностью.

В своем становлении школа прошла несколько этапов. Первый этап был связан с организацией в 2001 г. на факультете журналистики кафедры литературной критики во главе с доктором филологических наук, профессором М.П. Одесским. Второй, начавшийся в 2011 г., обусловлен появлением на факультете магистерской программы «Историко-культурная публицистика в современных СМИ», которой руководила доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики О.И. Киянская. Третий этап – 2012 г., когда была организована кафедра медиаречи под руководством доктора филологических наук, профессора Е.Н. Басовской. На этом этапе наличие научной школы на факультете

было признано в РГГУ: школа под руководством О.И. Киянской была включена в Программу стратегического развития РГГУ.

Четвертый этап – 2015 г., когда магистерская программа О.И. Киянской получила новое название, «Современная медиапублицистика», и был скорректирован ее учебный план. Преподавание учебных дисциплин этой программы осуществляется прежде всего преподавателями кафедр литературной критики и медиаречи. Именно преподаватели этих двух кафедр составили костяк научно-педагогической школы, но в настоящее время она включает не только преподавателей, но и студентов и аспирантов факультета журналистики. И наконец, пятый этап, продолжающийся и сегодня, – это новое признание коллектива в качестве школы, предоставление гранта «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ».

* * *

Не вдаваясь в данном случае в историографию проблемы (историю бытования термина «публицистика» в русской культуре см., например: [Плавская 2008]), отмечу, что отражение политической, общественной и культурной жизни в публицистических текстах изучается гуманитарной наукой достаточно давно. При этом публицистику почти всегда отождествляют с журналистикой или средствами массовой коммуникации. Такой подход к феномену публицистики зафиксирован еще в конце XIX в. в словаре Брокгауза и Ефрона: публицистика есть «обсуждение в печати насущных вопросов общественно-политической жизни»¹. Однако существует и другое определение публицистики, не сводящее ее к журналистике и «печати». Наиболее развернуто это определение дает В.В. Ученова, автор работ по теории и истории публицистики. Она отмечает:

В публицистической деятельности мы видим вариант политической деятельности, в публицистическом тексте – вид текста, служащего целям политического управления обществом.

А значит,

явление, именуемое публицистикой, может быть определено как совокупность актуальных популярных политических текстов, предназначенных для массового распространения и воздействия на текущие политические процессы [Ученова 1972, с. 57, 73].

¹ Ар. Г. [Горнфельд А.Г.] Публицистика // Энциклопедический словарь: В 86 т. СПб.: Типо-лит. И.А. Ефрона, 1898. Т. 25а. С. 746.

Именно так – расширительно – понимается публицистика и участниками школы.

Публицистика не тождественна журналистике: главная задача журналистики – актуализация общественно-политической повестки. Публицистический же компонент может присутствовать и в журналистских текстах, и в научных, и в художественных. Безусловно, он присутствует в пропагандистских, агитационных текстах.

Участники школы ставят себе целью обнаружить взаимосвязи между событиями политической истории России, ее литературой и культурой, с одной стороны, и публицистическими произведениями, написанными как в журналистских жанрах, так и вне их – с другой, а также выявить особенности языка медиапублицистики.

Среди целей научной школы – изучение специфики осмысления в публицистических и медиапублицистических текстах событий политической истории, истории словесности, современной культуры и культуры прошлого. Кроме того, ставится цель описать специфику языковых средств, используемых в публицистике в разные исторические периоды. Это определяет междисциплинарный характер научных работ участников школы, исследующих публицистику с точки зрения истории, филологии, культурологии и теории журналистики. В качестве источников привлекаются публицистические тексты, написанные как современниками, так и теми авторами, которые стремятся найти в событиях прошлого созвучие своей эпохе.

Особый акцент участники школы делают на текстах, которые, выполнив свое публицистическое предназначение в конкретных исторических обстоятельствах, продолжают оказывать воздействие и на последующие поколения. Главное для участников школы – установить и проанализировать базовый компонент, отличающий публицистические тексты от других произведений словесности, с которыми они сосуществуют в общем историко-политическом и культурологическом контекстах.

Для достижения целей школы ее участники изучают историко-политический контекст основных событий российской истории, сопоставляют документальные материалы с освещением фактов в публицистике и медиапублицистике, стремясь выявить основные закономерности этого процесса; проводят диахронные и синхронные исследования медиаречи, обнаруживают отражение эпохи в тексте, в частности – в особенностях словоупотребления, выборе грамматических форм и конструкций, композиционных решениях.

Благодаря работам участников школы выявлены и продолжают выявляться основные закономерности освещения исторических и культурных событий в публицистике и медиапублицистике, оха-

рактированы и продолжают характеризоваться ключевые процессы, протекающие в медиаречи. Результаты этих исследований могут быть использованы при написании книг и статей и чтении курсов по отечественной истории и культуре, а также по истории отечественной публицистики, в преподавании медиадисциплин в высших учебных заведениях.

* * *

Руководит научной школой О.И. Киянская. В состав научной школы входят также штатные преподаватели РГГУ М.П. Одесский, Д.М. Фельдман, Ю.Г. Бит-Юнан – доктор филологических наук, ученик Д.М. Фельдмана, защитивший под его руководством кандидатскую и докторскую диссертации, доцент, профессор кафедры литературной критики. Сфера их деятельности – изучение исторических событий в медиапублицистическом аспекте.

Медиалингвистическое направление в рамках школы возглавляет Е.Н. Басовская. В состав научной школы входят также кандидат филологических наук, доцент О.М. Афанасьева и ученики Е.Н. Басовской, защитившие кандидатские диссертации под ее руководством: кандидаты филологических наук, доценты кафедры медиаречи Я.Е. Каневская и Ю.В. Яковлева. Все они являются штатными преподавателями РГГУ.

О.И. Киянская, М.П. Одесский, Е.Н. Басовская, Д.М. Фельдман и Ю.Г. Бит-Юнан постоянно публикуются в ведущих рецензируемых научных журналах, они имеют высокий индекс цитирования в российских и международных базах научного цитирования. Руководитель и главные участники школы регулярно выступают с докладами на российских и зарубежных научных конференциях, проходящих в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Перми, Томске, Ереване и других городах. Они – соорганизаторы проводимой на факультете журналистики РГГУ ежегодной конференции «Медиаконтент. Взгляд молодого исследователя».

Участники школы активно занимаются экспертной деятельностью: Е.Н. Басовская является членом Экспертного совета ВАК РФ по филологии и искусствоведению, Д.М. Фельдман входит в Федеральный реестр экспертов научно-технической сферы Минобрнауки РФ. Ученые включены в редакционные коллегии ведущих научных журналов, входящих в российские и зарубежные базы цитирования: «Вестник РГГУ», «Россия и современный мир», «Россия XXI», «Историческая экспертиза», «Филология и человек» и ряд других.

Все они являются членами диссертационных советов, созданных на базе РГГУ:

24.2.366.03 по историческим наукам, научные специальности 5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение, 5.6.1. Отечественная история, 5.6.6. История науки и техники (О.И. Киянская – член совета);

24.2.366.06 по филологическим наукам, научные специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, 5.9.3. Теория литературы (Ю.Г. Бит-Юнан – ученый секретарь, М.П. Одесский – член совета);

24.2.366.09 по историческим наукам, культурологии, научные специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства; 5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (О.И. Киянская – заместитель председателя совета, М.П. Одесский, Д.М. Фельдман, Ю.Г. Бит-Юнан – члены совета);

24.2.366.05 по филологическим наукам, научная специальность 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (М.П. Одесский – председатель совета, О.И. Киянская – заместитель председателя совета, Ю.Г. Бит-Юнан – ученый секретарь, Е.Н. Басовская, Д.М. Фельдман – члены совета).

Научно-педагогическая деятельность школы отражена не только в научных статьях и монографиях. Результаты научной деятельности активно внедряются в учебный процесс: в 2016 г. издан учебник для бакалавров О.И. Киянской и М.П. Одесского «Русская литература XI–XVIII вв.»², в 2023 г. – учебник Е.Н. Басовской, Я.Е. Каневской и др. «Теория публицистики»³; в настоящее время готовится к печати коллективная монография «Публицистика и публицистичность в истории русской литературы и культуры». Оба учебника вышли в издательстве РГГУ, монография также будет издана в этом издательстве.

Сотрудники кафедр литературной критики и медиаречи регулярно издают программы учебных курсов. Участники школы формируют новые и постоянно обновляют имеющиеся образовательные программы и учебные курсы как в рамках магистерской программы «Современная медиапублицистика», так и в рамках программы бакалавриата по специальности «Журналистика».

Студенты – ученики О.И. Киянской, Е.Н. Басовской, М.П. Одесского и Д.М. Фельдмана – неоднократно побеждали на конкурсах «Третьекурсник-исследователь» и «Выпускная квалификационная работа студентов РГГУ».

² Киянская О.И., Одесский М.П. Русская литература XI–XVIII вв.: Учебник. М.: РГГУ, 2016. 238 с.

³ Басовская Е.Н., Каневская Е.Н., Подкина Ю.В. Теория публицистики. М.: РГГУ, 2023. 286 с.

В состав научной школы входит также младшее поколение исследователей – молодые ученые до 39 лет. Среди них – Ю.Г. Бит-Юнан, доцент кафедры литературной критики, кандидат филологических наук Е.В. Бродская (ученица О.И. Киянской), доцент кафедры медиаречи, кандидат филологических наук Я.Е. Каневская (ученица О.М. Афанасьевой и Е.Н. Басовской), старший преподаватель кафедры литературной критики Д.И. Булдакова (ученица О.И. Киянской), аспирантки К.Д. Корнадут и Е.С. Кадар (ученицы О.И. Киянской).

Активное участие в разработке проблем публицистики и медиапублицистики принимают и студенты, обучающиеся в магистратуре на специализированной программе «Современная медиапублицистика»: М.А. Амбарцумян, М.Ю. Бобков, А.А. Донская, А.И. Коваль, Д.С. Кузякин, В.И. Леонов, Е.С. Томенко и др. Многие из них уже стали авторами статей, опубликованных в том числе в журналах из Перечня ВАК РФ.

Членами коллектива защищено около 100 бакалаврских и магистерских выпускных квалификационных работ, более 25 кандидатских диссертаций, 1 докторская диссертация. Доклады, связанные с тематикой научно-педагогической школы, регулярно звучат на конференциях «Медиаконтент. Взгляд молодого исследователя» и других научных форумах внутри и вне РГГУ.

Платформами, на которых публикуются статьи преподавателей, аспирантов и студентов кафедр литературной критики и медиаречи, являются журналы «Вестник РГГУ», «Россия и современный мир», «Вопросы литературы», ЭНОЖ «История», «Россия XXI», «Медиалингвистика», «Знак. Проблемное поле медиаобразования» и др.

* * *

Таким образом, можно говорить о том, что научное направление научно-педагогической школы «Медиапублицистика в историко-политическом, культурологическом и медиаречевом контексте» существует на факультете журналистики РГГУ более 10 лет, показало себя устойчивым в течение этого периода, охватывает научные интересы всех участников, в коллективе поддерживается атмосфера корпоративного творчества, концептуального единства в исследованиях и подходах к изучаемым проблемам.

Литература

- Плавская 2008 – *Плавская Е.В.* Публицистика как вид исторических источников: проблема определения // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2008. № 4. С. 81–93.
- Ученова 1972 – *Ученова В.В.* Исторические истоки современной публицистики. М.: Изд-во МГУ, 1972. 73 с.

References

- Plavskaya, E.V. (2008), "Publicistics as a genre of historical sources. Searching for the definition", *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, no. 4, pp. 81–93.
- Uchenova, V.V. (1972), *Istoricheskie istoki sovremennoi publitsistiki* [Historical origins of modern journalism], Izdatel'stvo MGU, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kianoks@inbox.ru

Information about the author

Oksana I. Kiyanskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kianoks@inbox.ru

Проблемы теории журналистики

УДК 378.147

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-96-108

Образовательный дизайн программ современного профессионального медиаобразования: опыт РГГУ

Вероника И. Ярных

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vyarnykh2023@vk.com*

Аннотация. Статья посвящена использованию в современном профессиональном медиаобразовании подходов педагогического (образовательного) дизайна. В статье рассматриваются современные требования к процессу обучения в рамках профессионального медиаобразования, роль медиаобразовательных технологий, а также влияние запроса на обучение со стороны поколения Z. В рамках статьи предлагаются решения, нацеленные на повышение эффективности обучения в рамках дистанционного и офлайн-обучения. В статье использован опыт факультета журналистики РГГУ.

Ключевые слова: образовательный дизайн, профессиональное медиаобразование, медиаобразовательные технологии, интерактивность обучения, E-менторинг

Для цитирования: Ярных В.И. Образовательный дизайн программ современного профессионального медиаобразования: опыт РГГУ // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 96–108. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-96-108

Learning design of the programs of modern professional media education. RSUH experience

Veronika I. Yarnykh

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
vyarnykh2023@vk.com*

Abstract. The article deals with the use of pedagogical (educational) design approaches in modern professional media education. It considers the modern requirements for the learning process within the framework of professional

© Ярных В.И., 2024

media education, as well as the role of media educational technologies and the impact of Generation Z's demand for learning process. The article offers solutions aimed at improving the effectiveness of learning through distance and offline learning, using the experience of the Faculty of Journalism at the Russian State University for the Humanities as an example.

Keywords: learning design, professional media education, media education technologies, interactive learning, E-mentoring

For citation: Yarnykh, V.I. (2024), "Learning design of the programs of modern professional media education. RSUH experience", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, no. 11, pp. 96–108, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-96-108

Современный процесс обучения претерпевает существенные изменения. Сейчас это стало особенно заметно и в профессиональном медиаобразовании. Меняется буквально все. Изменились студенты (пришло новое поколение, так называемое Generation Z, с совершенно новым запросом на обучение). Изменились образовательные технологии, они практически полностью стали медиаобразовательными (это означает и использование медиа как технологию обучения, так и работу в медиасреде). В рамках этих изменений безусловно существенно изменились и подходы к тому, как именно необходимо проектировать образовательные программы и сам процесс обучения. Иными словами говоря, изменился педагогический (или образовательный) дизайн программ и процесса обучения.

Развитие коммуникаций в целом также претерпело изменения. Сегодня коммуникации – это возможности взаимодействовать как в цифровой среде, так и в офлайн-среде, так и сочетая цифровую и офлайн-среду. Принципиально важным становится включение в процесс обучения возможностей развития коммуникативных компетенций.

Педагогический дизайн в современном профессиональном медиаобразовании. Прежде всего важно обратить внимание на процесс трансформации подходов к образовательному дизайну самого процесса обучения и программ профессионального высшего образования.

Представляется необходимым начать с понимания и определения того, что такое образовательный дизайн в современном образовании. Единого устоявшегося определения пока нет несмотря на то, что сама идея педагогического или образовательного дизайна не нова. Тем не менее в рамках сегодняшнего дня и учитывая важ-

ность обучения или образовательного проектирования для системы образования и для процесса обучения в целом, представляется необходимым остановиться на нескольких определениях.

Прежде всего, образовательный (педагогический) дизайн – это системный подход к созданию образовательных решений, который использует принципы и теории обучения для обеспечения высокого качества образования [Вайндорф-Сысоева, Воробчикова 2023]. Более современным и объемным определением является понимание того, что учебный дизайн – это система процедур разработки способов доставки образовательного контента (образовательных продуктов) учащимся, созданная для того, чтобы помочь им развить необходимые компетенции [Вайндорф-Сысоева, Воробчикова 2023]. Важен также подход, определяющий две основные задачи в области современного проектирования учебного процесса: объединение и «синхронизация» разных преподавателей на одной программе; организация содержания программы с соблюдением всех известных правил обучения таким образом, чтобы оно было оптимальным для студента и по глубине представления информации, и по сохранению мотивации к обучению [Вайндорф-Сысоева, Воробчикова 2023]. Таким образом, педагогический или образовательный дизайн сегодня – это подход, который «собирает» процесс обучения в частности или образовательный процесс в целом таким образом, чтобы сделать его максимально эффективным с использованием современных медиаобразовательных технологий, направленных на развитие необходимых компетенций. При таком понимании педагогического (образовательного) проектирования становится чрезвычайно важным понять, какие факторы окажут максимальное влияние на этот процесс.

Важно обратить внимание на изменение требований поколения Z к процессу обучения в целом. Ключевыми принципами обучения сегодня являются принципы коммуникации. Современные студенты (а речь идет о высшем образовании) придерживаются принципов коммуникации в процессе обучения: простой, понятной, удобной, привычной [Ярных 2023].

Не менее важным компонентом современной парадигмы проектирования обучения (*learning design*) сегодня является сам запрос поколения Z к процессу обучения. Прежде всего важно отметить, что подход к обучению и деятельности кардинально изменился. Представители поколения Z в первую очередь не ориентированы на будущее, для них гораздо важнее настоящее [Барсукова 2021]. Это означает, что длительные программы или задачи с длительным дедлайном для них не подойдут, они просто пропускают дедлайны. Вторым важным моментом в учебном процессе Gen Z

является практический подход к обучению. Для них практика гораздо важнее теории. Для них знания становятся важными для выполнения практических задач [Дутко 2020]. И здесь главным мотиватором в обучении становится интерес. Но и это не всегда срабатывает, и в процессе обучения не всегда все будет интересно. Не менее важным моментом было влияние геймификации в целом на запрос на обучение. Именно геймификация и определенный тип игр, популярных у этого поколения, частично предопределили спрос на проектную работу и проектно-ориентированный подход к обучению. Это означает, что работа в группах более чем привычна и удобна для представителей этого поколения [Барсукова 2021]. Если говорить о привычках к обучению, то в данном контексте необходимо говорить об использовании гаджетов или в целом о медиатеchnологиях в образовании. Использование медиаобразовательных технологий или медиатеchnологий в учебном процессе известно давно. Но, говоря об изменении подходов в современном проектировании обучения, необходимо говорить о возможности более широкого включения в учебный процесс образовательных платформ для выполнения тестов, заданий в цифровой среде и т. д.

Также выяснилось, что современные студенты из поколения Z не могут работать без похвалы и поощрения. Мотивация к успеху в обучении, как показывает практика, также заключается в признании и похвале, даже за какие-то правильные или ненастоящие ответы во время семинара [Воробьева 2019]. Как упоминалось ранее, длинные идеи не работают. Длительная мотивация в этом случае (хотя бы до конца семестра, например) недостаточно востребована. Разделяя весь процесс на большие части, задания становятся обязательными условиями игры.

Вторым важным фактором, влияющим на современные подходы к проектированию обучения, являются инструменты искусственного интеллекта. Говоря о развитии технологий искусственного интеллекта в образовании в целом, важно обратить внимание на тот факт, что в целом эти технологии используются уже довольно давно. Например, соответствующие технологии используются для анализа поведения учащихся, персонализации процесса обучения, прокторинга (процедура контроля за онлайн-экзаменом или тестированием), проверки уровня знаний и работы учащихся и других задач. Тем не менее технологии искусственного интеллекта в целом позволяют не только решать часть задач, но и формировать целые направления и области, которые могут быть включены в учебный процесс с помощью технологий учебного проектирования, включающих их в процесс, например проверка учебных заданий. Задача образовательного дизайна состоит в том, чтобы сформировать

учебные задания таким образом, чтобы можно было организовать быструю автоматическую проверку. При использовании МООС (массовых открытых онлайн-курсов) искусственный интеллект может автоматически оценивать задания и отвечать на вопросы студентов, что сэкономит массу времени и ресурсов. Или в Google проктор Инга есть функция автоматической проверки уровня авторского текста эссе или письменной работы студента. В Монгольском международном университете используют этот инструмент для предварительной проверки уровня авторского текста в письменных заданиях студентов. Это помогает сразу же дать обратную связь студенту, если есть признаки сгенерированного текста или копирования других работ.

Технологии искусственного интеллекта также уже широко используются для визуализации данных (например, для создания инфографики или ботов для интерактивного обучения). Например, боты широко используются в Университете Анны (Тамилнад, Индия) как для проверки знаний, так и для учебного процесса. Также в Университете Амрита Вишва Видьяпитам (Индия) профессорско-преподавательский состав использует технологии искусственного интеллекта для работы с мобильным приложением для студентов и сотрудников университета. Это реализация как информационных, так и образовательных задач. Большая часть образовательного и обучающего контента находится в мобильном приложении.

Наконец, геймификация процесса обучения в целом – довольно популярное применение технологий искусственного интеллекта в образовании. Обучающие игры позволяют учащимся применять свои знания на практике и получать обратную связь, что способствует более глубокому пониманию материала и развитию навыков. Так, на факультете журналистики РГГУ стартовали стартапы в игровой форме для развития грамотности и русского языка у школьников. Более того, создателями стартапов являются сами студенты.

Короче говоря, важно отметить, что технологии искусственного интеллекта сегодня могут не только точно использоваться в процессе обучения, но и занимать все более важное место как в процессе обучения, так и в процессе оценки знаний. Это важно отметить, поскольку с точки зрения обучения или образовательного дизайна необходимо включать технологии искусственного интеллекта на постоянной основе.

Таким образом, для развития парадигмы проектирования обучения в сочетании с технологиями искусственного интеллекта важно обратить внимание на необходимость понимания изменения запроса на обучение со стороны поколения Z, изменения запроса

на образовательную деятельность, использования медиаобразовательных технологий в процессе обучения и, наконец, учитывая широкое распространение технологий искусственного интеллекта в нашей жизни, мы также включаем их в процесс обучения.

Поколение Z в процессе современного профессионального образования. Какие характеристики поколения Z определяют специфику их мотивации к обучению и что следует учитывать при проектировании современного процесса обучения? Разница между поколением Z и предыдущими поколениями заключается в следующем.

Во-первых, они – дети мультимедийных технологий. Они не могут представить свою жизнь без мобильных телефонов и больше полагаются на цифровые технологии, потому что выросли в цифровой среде, получая почти всю информацию из Интернета. Для них виртуальная реальность почти так же реальна, как и физическая. Поэтому мы можем говорить о «onlife реальности», в которой мы все сейчас живем [Ярных 2023].

Поколение Z наряду с представителями поколения Y значительно адаптировалось к онлайн-миру. Они проводят больше времени в виртуальных мирах, общаясь больше с компьютерами, чем с родителями или друг с другом. Онлайн-общение становится все более важным. Именно поэтому при проектировании и архитектуре процесса обучения стоит обращать внимание на горизонтальные связи и возможность взаимодействия с другими участниками [Воробьева 2019].

Это поколение развлекательных медиа, именно поэтому студенты очень восприимчивы к элементам геймификации в курсе или учебном процессе. Что касается когнитивной сферы, то представители поколения Z легко ориентируются в информационных потоках, быстро анализируют большие объемы информации. В то же время они обладают низкой концентрацией внимания (8 секунд) и высокой способностью переключать задачи, низкой устойчивостью внимания [Дутко 2020]. Поколение Z чрезвычайно восприимчиво к восприятию визуализированной информации [Дутко 2020].

Представители поколения Z ориентированы на практичность, поэтому у них есть привычка к многозадачности, что удобно для выполнения нескольких действий одновременно. Они делают акцент на практической ценности знаний.

Как уже отмечалось, представители поколения Z демонстрируют повышенную способность к многозадачности (одновременному открытию нескольких закладок, файлов, выполнению нескольких задач), но при этом они не склонны быть настойчивыми и целеустремленными в своей работе. Эта особенность мешает многим,

например, закончить дистанционный курс МООК, с этим связана необходимость делить информацию о курсе не только на модули (что привычно и для традиционных подходов), но и на более мелкие части. Здесь также важно отметить, что поколение Z в принципе воспринимает информацию более мелкими порциями, с одной стороны. С другой стороны, за каждый правильно сделанный шаг (правильный ответ и т. д.) они ожидают похвалы. В связи с этим с точки зрения образовательного дизайна важно в процессе обучения предусматривать не элемент соревновательности (как было логично для представителей поколения Y), а именно похвалу за каждый правильный ответ, догадку и т. д. В то же время представители поколения Z характеризуются худшим запоминанием (по сравнению с предыдущими поколениями) и снижением долговременной памяти [Воробьева 2019]. В рамках процесса проектирования процесса обучения, чтобы привлечь внимание, важно ярко оформить и подчеркнуть все важные моменты в тексте, создать словарь и так далее, т. е. использовать элементы структурирования и визуализации материала. Учащиеся не запоминают саму информацию, но они помнят, где она находится. Они вспоминают только то, что актуально и имеет практическое значение. В условиях изменения подхода к образовательному дизайну необходимо постоянно фокусироваться на практическом применении материала либо искать или создавать практические примеры и кейсы.

Принимая во внимание все вышесказанное, в рамках образовательного дизайна необходимо создать следующие условия для процесса обучения:

1. Необходимо отказаться от репродуктивных методов воспитания.

2. Важно использовать медиаобразовательные технологии и интерактивные методы обучения, такие как игры, интерактивные задания, мозговой штурм, лекции по решению проблем с обсуждением. Это может проводиться и в онлайн-формате, с использованием синхронного и асинхронного форматов обучения.

3. Можно фиксировать изменение роли преподавателей, которые теперь играют менее привычные роли наставника, эмоционального лидера, коммуникатора и навигатора процесса обучения. Они организуют взаимодействие со студентами и помогают им учиться.

4. С точки зрения педагогического дизайна обучения это предполагает включение в учебный процесс таких мероприятий, как форумы и чаты для реализации горизонтального и вертикального E-наставничества, формирование проектных групп и использование интерактивности для обмена знаниями. Чтобы обеспечить самостоятельность учащихся и сохранить интерес и мотивацию,

важно создать единую образовательную среду и использовать элементы геймификации для поощрения учащихся за их достижения (избегая при этом оценок). Такая система поощрения позволяет учащимся поддерживать интерес и продолжать двигаться вперед. Представители поколения Z абсолютно не любят негатива и движутся вперед только с постоянной позитивной мотивацией [Воробьева 2019]. Как отмечалось ранее, информация должна предоставляться в небольших объемах, а видеоматериалы должны быть короткими.

С точки зрения основных требований к архитектуре процесса обучения то, как отметила Джули Коатс, необходимо хорошо структурировать учебный процесс [Коатс 2011]. Современные студенты хотят точно знать, что от них требуется и в какие сроки. Важно постоянно получать обратную связь и похвалу, даже за небольшие достижения. На практике хорошо работает своего рода надбавка за отличные и просто хорошие результаты (перенос сроков в зависимости от результата и т. д.). Это включает элемент конкуренции, поскольку позволяет избежать ранжирования. Максимальное время для монотонных занятий должно составлять не более 25–30 минут, после чего следует сменить вид деятельности. В формате синхронного гибридного обучения идеально подходит быстрый опрос на медиаплатформе, позволяющий закрепить материал и внести игровые элементы в процесс обучения. Информация не должна повторяться. Новое поколение хочет «концентрированных» знаний [Коатс 2011].

Использование медиаобразовательных технологий в процессе образовательного дизайна программ профессионального медиаобразования. В рамках медиаобразовательных технологий медиа используются в качестве средства обучения или сам процесс обучения происходит в медиасреде. В этом контексте важно отметить, что само по себе использование любых медиаинструментов (например, Google, Moos инструментов) является формой технологии медиаобразования.

Как отмечалось ранее, существует необходимость создать единое образовательное пространство. Это помогает и реализовывать такой принцип коммуникации, как привычка (все собрано в едином месте), так и позволяет реализовать необходимость асинхронности обучения (давая возможность каждому студенту повторять материал, например, в собственном темпе). Принципы формирования единого образовательного пространства полностью вписываются в современную парадигму образовательного дизайна. Учитывая практичность представителей поколения Z и их ориентацию на сжатую и структурированную информацию (бриф), необходимо очень четко структурировать информацию по разде-

лам и темам. На факультете журналистики РГГУ в рамках изучения дисциплины «Межкультурные коммуникации в медиасреде» используется Google Classroom. Архитектура образовательного медиaprостранства в данном случае строится следующим образом: первый уровень делит материал на изучаемые темы. Далее в рамках каждой темы можно разделить материалы на презентационные материалы (включая обязательные тексты из учебников и обязательные статьи для изучения), видеоматериалы (обязательные и факультативные), проектные задания, ссылку на итоговый тест или другой формат оценки усвоения знаний. Отдельно следует выделить дополнительные материалы, такие как дополнительные видеоролики, статьи, записи в блогах и т. д. Учитывая трудности с мотивацией представителей поколения Z, хорошо показало себя использование привычных для студентов гайдов с использованием четких и последовательных рекомендаций по выполнению задач. Сразу же размещается ссылка на чат или форум для получения разъяснений. Здесь при возникновении вопросов подключаются технологии горизонтального (между студентами) или вертикального (взаимодействие преподаватель – студент) E-менторинга. Например, в Монгольском международном университете студенты имеют доступ к общему чату со своим преподавателем, что позволяет им реализовать идею горизонтального электронного наставничества. Студенты сами отвечают на вопросы своих однокурсников. Конечно, со стороны преподавателя необходимо контролировать качество контента, которым делятся в чате.

Что касается цифрового наставничества, или E-менторинга, то следует отметить, что эта образовательная и поддерживающая технология не нова, но во время пандемии она, безусловно, обрела второе дыхание. Развитие системы наставничества, особенно в цифровой среде, было обусловлено в первую очередь необходимостью реализации поддерживающей функции обучения в дистанционном формате. Цифровое наставничество (или E-mentoring), как образовательная технология, основанная на медиа, позволяет решать проблемы как с помощью комментариев к выполненным заданиям, так и для поддержки проектной работы учащихся (со стороны преподавателя). Однако в рамках единого информационного и образовательного пространства также есть возможность разрабатывать и внедрять идеи наставничества для групп студентов. Таким образом реализуется как горизонтальный, так и вертикальный уровни цифрового наставничества [Попова 2021]. Именно цифровой формат позволяет оказывать поддержку максимально быстро, комфортно и полно, например, в рамках переписки через Google Classroom.

Еще одной важной технологией медиаобразования в рамках смены парадигмы обучения дизайну является проектная работа в медиапространстве. В рамках дисциплины «Межкультурные коммуникации в медиасреде» студенты факультета журналистики РГГУ создали видеоролики об авто- и гетеростереотипах. Это была групповая проектная работа. Вся работа, обсуждения, написание сценариев и т. д. велись в рамках единой информационной и обучающей среды. Результаты были опубликованы там же. Такой подход позволяет перевести групповую работу в цифровой формат, который удобен и комфортен для поколения Z и микса поколений Z и Y. Это значительно упрощает общение студентов, с одной стороны, и в то же время дает им возможность сотрудничать в цифровом пространстве, получать поддержку преподавателя и обсуждать варианты написания сценария или съемок в привычном для себя формате. Другим примером проектной групповой работы стала подготовка презентаций по результатам мини-исследования в рамках дисциплины «Межкультурные коммуникации в медиасреде». Задание включало темы по использованию стереотипов в современной медиасреде, а также рекомендации по практическому их применению в сфере бизнеса. Подготовка этого задания включала в себя групповую работу в течение определенного периода времени. Групповая проектная работа предполагает развитие нескольких важных видов компетенций. Это коммуникативные компетенции, навыки проектной работы и управления проектами в цифровой среде. Для поколения Z становится важным придерживаться следующих принципов в коммуникации и обучения: удобство, комфорт, привычка, простота [Ярных 2023]. Для обучения добавляется практичность приобретаемых знаний, умений и навыков.

Важной составляющей подхода к образовательному дизайну в данном случае является интерактивность взаимодействия со студентами как в традиционном формате обучения, так и в рамках дистанционного обучения. Интерактивность также становится чрезвычайно важным аспектом в условиях смешанного и гибридного обучения, когда некоторые учащиеся физически присутствуют в классе, а другие по разным причинам находятся онлайн. При таком типе смешанного обучения важно создать интерактивное пространство для совместной работы.

В рамках образовательного дизайна можно использовать несколько технологий, облегчающих взаимодействие, но не мешающих процессу обучения. Одним из инструментов для формирования и развития сотрудничества в интерактивной среде является использование интерактивной медиадоски (Jamboard). Прежде всего, такая интерактивная доска на любой медиаплатформе позво-

ляет отдельным лицам или группам работать удаленно или в классе как в индивидуальном, так и в групповом формате. Участники процесса могут сразу видеть работу всей группы и генерировать идеи в процессе. Обратная связь и анализ результатов возможны не только от преподавателей, но и от самой группы, что является плюсом и с точки зрения признания результатов работы. Учащиеся могут видеть весь спектр мнений, идей и практик одновременно. Еще одним преимуществом является то, что результаты групповой работы могут быть сохранены в образовательной экосистеме и при необходимости повторно использованы студентами. В этом случае может быть использована любая образовательная экосистема MOOC (Moodle, Google и т. д.).

Второй важный момент – это возможность развития коммуникативных навыков, навыков групповой работы, анализа и презентации результатов и т. д. В этом случае важным инструментом для внедрения интерактивности в процесс контроля знаний являются экспресс-опросы (quiz) на специализированных медиаресурсах, таких как Mentimeter и Ahaslides. Быстрый опрос в начале или в конце занятия позволяет быстро оценить уровень знаний группы. Это традиционный подход. Такие опросы являются ненавязчивым элементом образовательного процесса, позволяющим нам вовлечь участников в процесс обучения и создать ощущение командного духа и единого образовательного пространства. Наконец, не стоит недооценивать элементы геймификации, которые могут выступать как смена деятельности, позволяя лучше усваивать материал.

В заключение необходимо отметить следующее. Современное медиаобразование претерпевает серьезные изменения под влиянием новых технологий и изменений на рынке образовательных услуг, вызванных появлением поколения Z. Поколение Z не только предъявило новые требования к структуре, динамике и инструментам образовательного процесса, но и внесло фундаментальные изменения в педагогические подходы к образовательным программам. Во-первых, важно понимать, что изменения в образовательном пространстве в целом довольно значительны и значимы. Есть две основные причины: доминирующая роль поколения Z на рынке образования сегодня, смена парадигмы обучения и возросшая роль медиа и технологий в процессах обучения. Специфика поколения Z требует упрощения материалов, широкого использования визуализации и сокращения продолжительности курсов, не полагаясь на долгосрочную мотивацию. Ответ на потребность в новом запросе на обучение кроется в использовании образовательных медиатехнологий. Как уже отмечалось, медиаобразовательные технологии

включают в себя использование медиа в процессе обучения (видео и т. д.), а также работу в медиасреде. Поколению Z действительно комфортнее, понятнее и привычнее медиасреда, а значит, этому поколению удобнее учиться и общаться в ней.

Литература

- Барсукова 2021 – *Барсукова Н.В.* Обучение студентов поколения Z в условиях новой реальности // Современный ученый. 2021. № 1. С. 48–52.
- Вайндорф-Сысоева, Воробчикова 2023 – *Вайндорф-Сысоева М.Е., Воробчикова Е.О.* Педагогический дизайн как системообразующая категория: подходы и определения // Вестник Минского университета. 2023. № 1 (42). С. 3.
- Воробьева 2019 – *Воробьева М.В.* Особенности и обучение i-поколения (поколения Z) // Педагогическое образование и наука. 2019. № 5. С. 108–112.
- Дутко 2020 – *Дутко Ю.А.* Поколение Z: основные понятия, характеристики и современные исследования // Проблемы современного образования. 2020. № 4. С. 28–37.
- Коатс 2011 – *Коатс Дж.* Поколения и стили обучения / пер. с англ. Л.Е. Колбачева. М.: Межгосударственная ассоциация последиplomного образования, 2011. 121 с.
- Попова 2021 – *Попова А.В.* Менторинг как форма преподавательской деятельности в новой цифровой образовательной среде // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 3 (102). С. 199–210.
- Ярных 2023 – *Ярных В.И.* Инструменты педагогического дизайна при формировании интерактивности взаимодействия смешанных групп в образовательном процессе: опыт РГГУ // Журналистика XXI века: в пространстве культуры: Материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17–18 ноября 2023 г. СПб.: ООО «Медиапапир», 2023. С. 279–285.

References

- Barsukova, N. (2021), “Teaching students of generation Z in a new reality”, *Modern scientist*, no. 1, pp. 48–52.
- Coates, J. (2011), *Pokoleniya i stili obucheniya* [Generations and learning styles], Mezhhgosudarstvennaya assotsiatsiya poslediplomnogo obrazovaniya, Moscow, Russia.
- Dutko, Yu. (2020), “Generation Z. Basic concepts, characteristics and modern research”, *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, no. 4, pp. 28–37.
- Popova, A. (2021), “Mentoring as a form of teaching in the new digital educational environment”, *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 102, no. 3, pp. 199–210.

- Vorobyova, M. (2019), "Features and training of the I-generation (generation Z)", *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*, no. 5, pp. 108–112.
- Waindorf-Sysoeva, M. and Vorobchikova, E. (2023), "Pedagogical design as a system-forming category. Approaches and definitions", *Vestnik Minskogo universiteta*, vol. 42, no. 1, p. 3.
- Yarnykh, V. (2023), "Tools of pedagogical design in the formation of interactivity of interaction for mixed groups in the educational process: the experience of the Russian State University for the Humanities", *Zhurnalistika XXI veka: v prostranstve kul'tury: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 17–18 noyabrya 2023 g.* [Journalism of the 21st century. In the space of culture. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 17–18, 2023], Mediapapir, Saint Petersburg, pp. 279–285.

Информация об авторе

Вероника И. Ярных, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vyarnykh2023@vk.com

Information about the author

Veronika I. Yarnykh, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia; vyarnykh2023@vk.com

Фактчекинг в научных работах
с использованием ИИ и интернет-источников:
угрозы и решения на примере понятий
«блог» и «блогер»

Максим С. Корнев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;*

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
mxt.kornev@gmail.com*

Аннотация. В данной статье представлен метаанализ исследования определений понятий «блог» и «блогер» в российских интерпретациях. Цель – на небольших примерах базовых для исследователя задач (дать определения понятиям, определить персон и хронологию и т. п.) показать угрозы и решения на пути работы с цифровыми сетевыми источниками. Обозначены проблемы для современного исследователя, в том числе на фоне бурного развития технологий ИИ и генеративных нейросетей. В частности, приведены примеры расхождений в дефинициях и трактовках, репликации недостоверной информации в публичных и научных текстах. Обозначены принципы преодоления трудностей и сформулированы некоторые положения по работе с источниками, которые можно отнести к развитию концепции «Источниковедение 2.0».

Ключевые слова: блог, блогер, источниковедение 2.0, фактчекинг, фейки, журналистика, ИИ, чат-боты, ChatGPT, цифровая гуманитаристика

Для цитирования: Корнев М.С. Фактчекинг в научных работах с использованием ИИ и интернет-источников: угрозы и решения на примере понятий «блог» и «блогер» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 109–121. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-109-121

Fact-checking
in scientific works using AI and Internet sources.
Threats and solutions based on the concepts
of “blog” and “blogger”

Maksim S. Kornev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

HSE University, Moscow, Russia,

mxm.kornev@gmail.com

Abstract. This article presents a meta-analysis of the study in the definitions of the concepts “blog” and “blogger” in Russian interpretations. The goal is to use small examples of basic tasks for a researcher (to define concepts, identify persons and chronology, etc.) to show threats and solutions in working with digital network sources. Challenges for a modern researcher are identified, including against the backdrop of the rapid development of AI technologies and generative neural networks. In particular, it gives examples of discrepancies in definitions and interpretations, replication of unreliable information in public and scientific texts. The principles for overcoming difficulties are outlined and some provisions for working with sources are formulated, which can be attributed to the development of the concept of “Source Studies 2.0”.

Keywords: blog, blogger, source studies 2.0, fact-checking, fakes, journalism, AI, chat bots, ChatGPT, digital humanities

For citation: Kornev, M.S. (2024), “Fact-checking in scientific works using AI and Internet sources. Threats and solutions based on the concepts of ‘blog’ and ‘blogger’”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, no. 11, pp. 109–121, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-109-121

На частных примерах в определении родственных понятий «блог» и «блогер», а также выстраивания иерархий, приоритетов и хронологий вокруг явлений можно проследить актуальную проблему верификации источников и поиска первоисточников, что является необходимым условием для качественной исследовательской работы.

В условиях бурного развития цифровых сетевых коммуникаций и генеративных нейросетей выявление несуществующих фактов, фейков превращается в серьезную проблему. В этих условиях сложно обеспечивать доверие к научным статьям, требующим серьезного фильтра фактчекинга и верификации источников через качественную работу с источниками.

*«Блоги» и «блогеры»:
проблемы дефиниций и источников*

Определения терминов и понятий не только дают возможность выстраивать классификации и упорядочивать явления, но также, являясь базовыми, определяют дальнейшее направление исследовательского проекта. Поэтому для исследователя важно определять достоверность, ценность, авторитетность источников, в том числе для выстраивания собственной системы определений.

Отчетливо прослеживается проблема фантомности тех или иных, даже авторитетных источников, публикующих информацию в Интернете на своих ресурсах. Проблема усугубляется тем, что, в отличие от печатного издания, цифровые данные в любой момент могут быть скорректированы, полностью изменены, удалены, перемещены на другие гиперссылки или формат ресурса может быть полностью видоизменен.

Исследователь находит на «Киберленинке» вполне основательную статью «Основные подходы к определению понятий “Блог” и “Блогосфера” в лингвистике». По утверждению авторов Т.В. Евсюковой и Т.М. Гермашевой, в 2003 г. слово «блог» было впервые занесено в Оксфордский словарь и определено как сетевой дневник одного или нескольких авторов, состоящий из записей в обратном хронологическом порядке [Евсюкова, Гермашева 2015]. Однако на момент написания данной статьи (сентябрь 2024 г.) определение на сайте Oxford English Dictionary выглядит несколько иначе, и его можно перевести как: «Часто обновляемый веб-сайт, обычно управляемый одним человеком и состоящий из личных наблюдений, расположенных в хронологическом порядке, выдержек из других источников, гиперссылок на другие сайты и т. д.; онлайн-журнал или дневник»¹. Кроме того, невозможно подтвердить или опровергнуть факт, что именно в 2003 г. искомое понятие попало в Оксфордский словарь (опять же неизвестно – в печатную или веб-версию), поскольку в статье вышеупомянутых авторов нет подтверждений и гиперссылок относительно этого факта.

Более того, автор данной статьи еще в 2019 г. сохранял для собственных целей определение «блог» из электронного оксфордского словаря “Oxford living dictionary” (ныне недоступного – адрес сайта и сам формат веб-проекта радикально

¹ Blog // OED. URL: https://www.oed.com/dictionary/blog_n?tab=meaning_and_use#11172278 (дата обращения 15 августа 2024).

изменились²), и оно звучало как: «блог – регулярно обновляемый веб-сайт или веб-страница, обычно управляемая отдельным лицом или небольшой группой и написанная в неформальном или разговорном стиле» (“blog – A regularly updated website or web page, typically one run by an individual or small group, that is written in an informal or conversational style”)³.

Причем, на субъективный авторский взгляд, определение “Oxford living dictionary” от 2019 г. кажется более уместным, чем версия 2024 г. При этом доказать существование более раннего определение при отсутствии работающих ссылок и подтвержденных скриншотов (что делать каждый раз также крайне трудозатратно, и это не самоочевидное решение) представляет серьезную сложность.

Существует и другое измерение той же проблемы: даже обновленное определение уважаемого словаря не раскрывает сложности современного явления. Поскольку очевидное наблюдение за актуальными практиками сетевой коммуникации показывает, что блоги в технологическом смысле не обязательно базируются на веб-платформах, а могут существовать в форме аккаунтов в социальных сетях и мессенджерах, в формате мобильных приложений.

Как мы видим, определения и их трактовки могут серьезно различаться на относительно коротких дистанциях. При этом, не имея доступа к бумажным версиям и переизданиям словарей за разные годы, в веб-версиях дефиниции могут меняться без предупреждений, а сохранения предыдущих версий определений не предусмотрено этими ресурсами, что может затруднять коммуникацию между исследователями и верификацию определений даже на коротких временных периодах.

Из этого также можно вывести и следующую проблему: даже ссылаясь на одни и те же авторитетные ресурсы и словарные статьи, исследователи могут иметь в виду совершенно разные определения, что нарушает представление о некотором общем коммуникативно-смысловом пространстве. Хуже того, при определенных злоупотреблениях этой особенностью можно столкнуться с «научным газлайтингом», когда исследователю можно предъявить некоторое определение некоторого явления и убеждать его, что такое определение было всегда (а доказать обратное становится все

² Why have we changed from Oxford Dictionaries to Oxford Languages? // OED. URL: <https://languages.oup.com/why-has-oxford-dictionaries-changed/> (дата обращения 15 августа 2024).

³ Blog // Oxford Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/blog> (ныне недоступно – срабатывает переадресация на новую платформу Oxford Languages).

сложнее без скрупулезной фиксации скриншотами всех посещенных и используемых интернет-ресурсов). В угоду конъюнктуре и текущей повестке в условиях цифросетевых коммуникаций можно редактировать ряд представлений даже на самых авторитетных ресурсах.

Эту специфику современного Интернета вынуждены учитывать исследователи и тщательно фиксировать те или иные версии определений, если учитывать, что в будущем другим исследователям будет все сложнее находить ссылки на исходные материалы.

Таким образом, в современных цифровых и сетевых реалиях исследователям все сложнее поддерживать стандарты прозрачности источниковой базы своих работ. Решением видится довольно скрупулезная фиксация гиперссылок (если нет печатных версий), часть из которых неизбежно станут нерабочими или будут отражать качественно иной контент. Следовательно, дополнительно возникает вынужденная необходимость фиксировать в виде скриншотов ключевые страницы ресурсов для сохранения актуальных на тот момент версий представленного контента. Это послужит поддержкой будущих исследователей в поисках следов первоисточников и восстановления логики и методологии предыдущих исследований.

Ошибки и их репликация: от «широко известных» фактов к значимым деталям

Следующий ряд проблем – в подтверждении и интерпретациях некоторых «широко известных» фактов, которые неизбежно искажаются как в популярных текстах, так и перекочевывают в научные публикации. А следующие за этими публикациями исследователи воспроизводят искажения через ссылки на предыдущие, не имея возможности обратиться к первоисточникам. Кроме того, генеративные модели нейросетей (как ниже, на примере ChatGPT) воспроизводят неточности и множат их в неограниченных количествах.

Так, с истоком понятий «блог» и «блогер», как и с тем, что считать первыми блогами и кого определять первыми блогерами, неопределенность существует до сих пор. Кроме того, определить действительно первого блогера невозможно, поскольку это зависит от определений блога и лежащих в основании этих определений критериев. А пионерами блогинга в популярных текстах принято считать тех, кого раньше заметили и описали авторитетные

институции и медиаперсоны. Поэтому корректнее говорить об эволюционном процессе на стыке технологических возможностей и публичных коммуникационных практик, где историю блогинга (или даже мифологию) пишут и нередко переписывают сами же медиа и другие блогеры. Здесь же можно говорить и о конкуренции различных версий и трактовок. Но проблема именно в том, что некоторые популярные тексты фиксируют одну из версий (в том числе и некорректную), а дальше она воспроизводится как верная или доминирующая.

Также существует проблема, когда статьи в индустриальных изданиях написаны без должного фактчекинга (попросту говоря, в спешке, небрежно без нужного уровня понимания и экспертизы), но они также попадают в цитирование, в научные публикации. Далее эти недостоверные сведения ложатся уже в основание последующих научных работ. Так, обрастая цитируемостью, недостоверные данные со временем сами себя легитимизируют (в том числе и с помощью ИИ, чат-ботов и механизмов поисковых систем, выдающих самые популярные ресурсы на вершине поисковой выдачи). Этот эффект автор данной статьи обнаружил еще в 2018 г., исследуя историю понятия «большие данные». Тогда обнаружились постоянно воспроизводимые в русскоязычной среде ошибки в истории понятия из-за неверных сведений в одной из давних популярных отраслевых публикаций [Корнев 2018].

Так, некоторые русскоязычные авторы, пишущие об истории блогинга, воспроизводят одну и ту же информацию, найденную в сети Интернет на наиболее популярных и общедоступных ресурсах (в том числе из Википедии и других популярных ресурсов). При этом проверить ее достоверность и авторитетность источников не всегда представляется возможным. Также некоторые словарные определения, как рассматривалось выше, могут динамически меняться, а дальнейшим исследователям стоит уже не просто ссылаться на дефиниции из предшествующих статей, а логичнее перепроверять по первоисточникам и другим авторитетным ресурсам.

Одна из расхожих версий, реплицируемая в разных текстах (включая статьи на разнообразных сайтах, студенческие работы и даже научные статьи [Панкратова, Тенчова 2023]) гласит, что автором слова «блог» значится некто Тревис Петлер (Travis Petler). Эта версия идет без обозначения даты, чаще всего используется оборот «считается, что» и утверждается, что слово «блог» произошло от *weB* и *LOG* (именно в таком написании). При этом найти первоисточник текста через открытые поисковики невозможно, а самый ранний русскоязычный текст с упоминанием Тревиса Петлера

приведен в аккаунте denis_balin на платформе Livejournal.com⁴, где имеются все признаки скопированного откуда-то текста (на это указывает наличие концевых сносок в квадратных скобках, но ни авторы, ни ссылки-первоисточники не указаны).

Базовый обзор англоязычного поисковика Google не дает никаких упоминаний “Travis Petler”, что крайне странно, если персона претендует на столь громкое первенство. И даже ресурс Internet Archive не содержит ни одного материала об этой персоне (а ресурс индексирует и сохраняет в том числе уже не существующие в вебе сайты).

Таким образом, никаким образом не подтвержденный факт самовоспроизводится в текстах благодаря некоторому устойчивому набору ссылок в поисковых системах и последующих текстах (в том числе на сайте «Киберленинка»), которые легализуют эту ничем не подкрепленную и непроверяемую версию. В данной ситуации, при возможностях связаться с автором блога, исследователь может попытаться выяснить, откуда тот брал данные сведения и на что ссылался при написании текста. Однако в условиях бурного развития генеративных нейросетей в ближайшем будущем определить авторство и связываться с инициатором текста, созданного нейросетью, станет все сложнее.

Также авторы журналистских материалов, зачастую из лучших побуждений, ведут просветительскую работу, рассказывая о разных явлениях, ведут рубрики или специализируются на темах, но также попадают в ловушки непроверенных фактов, не имея достаточной квалификации в выбранных темах и исследовательского опыта. А некоторые статьи, написанные относительно давно, также за счет давних сроков написания приобретают мнимый статус достоверных только на основании своего «возраста». Например, давняя статья «Как появилось слово “блог”» в ныне не обновляемом издании Look at Me⁵, не претендуя на научность, подкупает своим сжатым и доступным раскрытием темы. Однако вводит в заблуждение даже больше, чем некоторые плохо проверенные статьи из Википедии.

На уровне общеизвестной подается, например, информация: «Одно известно точно: в 1998 г. Джорн Баргер впервые употребил

⁴ История развития блогосферы как пространства для рекламы // LiveJournal. 21.06.2011. URL: <https://denis-balin.livejournal.com/1441773.html> (дата обращения 15 августа 2024).

⁵ Мухоматов А. Как появилось слово «блог» // Look at Media. 4.08.2015. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/things/216141-history-of-blogging&> (дата обращения 15 августа 2024).

в отношении своего сайта слово “weblog” (web log)». Первое – даже статьи как в русскоязычной, так и в англоязычной Википедии однозначно называют другую дату – 17 декабря 1997 г.⁶ А факт подкрепляется ссылкой на качественную публикацию издания *Wired* (доступна только в веб-архиве)⁷. Второе – в российской транслитерации (основанной на произношении) персону зовут Джорн Барджер (Jorn Barger). При этом во многих российских источниках (и в Википедии тоже) он именован как «Йорн Баргер»⁸, и эта базовая неточность реплицируется от источника к источнику. К слову, в другой популярной статье – «Первые блогеры: как дневники поселились в интернете» на платформе «Хабр» имя и фамилия написаны корректно, но эта правильная версия с точки зрения неискушенного читателя будет выбиваться из устоявшейся ошибочной «традиции»⁹.

Далее вышеупомянутая статья в *Look at Media* утверждает: «Вскоре Питер Мергольц, владелец страницы *peterme.com*, додумался в шутку разделить это слово на словосочетание “we blog”». Эту версию разделяет и англоязычная Википедия, опираясь на ссылку со статей в авторитетном *The Economist*¹⁰. Однако если копнуть чуть глубже, то можно найти свидетельства в виде прямой речи самого Питера Мерхольца (более корректно – с буквой «х» вместо «г» в фамилии), где он отмечает, что смысл этого разделения был именно в не менее шутливом произношении, как “wee-blog” (что также можно перевести как «маленький блог»)¹¹. Такая деталь могла бы обогатить историю блогосферы в массовом представле-

⁶ Blog // Wikipedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Blog> (дата обращения 15 августа 2024).

⁷ *Wortham J.* After 10 years of blogs, the future’s brighter than ever // *Wired*. 17.12.2007. URL: https://web.archive.org/web/20080327043352/http://www.wired.com/entertainment/theweb/news/2007/12/blog_anniversary (дата обращения 15 августа 2024).

⁸ Blog // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BB%D0%BE%D0%B3#cite_ref-4 (дата обращения 15 августа 2024).

⁹ Первые блогеры: как дневники поселились в Интернете // Хабр. 12.02.2022. URL: <https://habr.com/ru/companies/ruvds/articles/651115/> (дата обращения 15 августа 2024).

¹⁰ It’s the links, stupid // *The Economist*. 22.04.2006. URL: <https://www.economist.com/special-report/2006/04/22/its-the-links-stupid> (дата обращения 15 августа 2024).

¹¹ Play with your words // *Thoughts, links, and essays from Peter Merholz*. 17.05.2002. URL: <http://www.peterme.com/archives/00000205.html> (дата обращения 15 августа 2024).

нии и исследовательских работах, попади она хоть одной фразой и ссылкой на первоисточник в ту же Википедию (в англоязычной версии эта деталь также не представлена). Меж тем среди немногих русскоязычных исследователей [Стратийчук, Эль-Таба 2016] и публичных авторов¹² эта более полная версия также представлена в сети, но она менее популяризована.

Понимая, что многие нейросети учатся на общедоступном контенте, такого рода «возрастные» статьи могут стать также и основанием для неверной выдачи в режиме генерации ответов на запросы пользователей. Если, конечно, в обучении алгоритмов не задействуются более сложные механизмы с последовательной и перекрестной перепроверкой всех источников с учетом их авторитетности и достоверности (что в пользовательской версии, например, ChatGPT не делает). Но и здесь могут быть ошибки, так как даже на авторитетных ресурсах встречаются ошибки и разночтения. Что снова приводит к практически неограниченной репликации ошибок уже чат-ботом. И скорректировать эту ошибку может только человек, изначально критически оценивающий все выданные сведения (что может привести к буквальной перепроверке всех значимых слов в ответе чат-бота).

Ради эксперимента автор задал вопрос ChatGPT (модель 4o) про первого блогера, и в процессе ответа нейросеть также написала «Йорн Баргер». Автор обратил на это внимание и задал уточняющий вопрос, не ошибка ли это. Чат-бот сослался на трудности с транскрипцией, но признал ошибку: «Ты прав, моя изначальная версия “Йорн Баргер” была ошибочной. Правильнее будет писать Джон Барджер или Джорн Барджер, исходя из транскрипции с английского языка»¹³. На уточняющий вопрос, почему чат-бот вводит в заблуждение и не проводит фактчекинг и корректировку, он выдал, что чаще всего опирается на общедоступные и широко распространенные версии. Также важным для понимания может послужить такой пассаж: «Я не использую источники из интернета в режиме реального времени по умолчанию. Это значит, что данные могут иногда повторять ошибки, если они широко распространены в старых текстах»¹⁴. При этом нужно понимать, что ответ можно регенерировать, и в следующей версии мы

¹² Giacalone D. The word “blog” (our language legacy) // f/k/a. 30.10.2004. URL: <https://archive.blogs.harvard.edu/ethicalesq/the-word-blog-our-language-legacy/> (дата обращения 15 августа 2024).

¹³ ChatGPT. URL: <https://chatgpt.com/c/66e8565b-bd24-800e-9e07-a94e84646c04> (дата обращения 15 августа 2024).

¹⁴ Там же.

получаем уже и такую сентенцию: «Систематическое использование ошибочных источников – это проблема, с которой может столкнуться исследователь, особенно при использовании непроверенных интернет-источников»¹⁵. Таким образом, ИИ частично снимает с себя ответственность за недостоверные сведения и оставляет необходимость фактчекинга и верификации данных на стороне самого исследователя.

Влияние определений на иерархии и хронологии

Еще более дискуссионным и вариативным следует признать историю с определением «первого блогера» в сети Интернет. Здесь для исследователей важна, с одной стороны, гибкость в анализе и принятии разных версий, а с другой – точность в определении критериев, по которым отдается приоритет такого рода первенству исходя из исследовательской оптики, логики и направленности повествования автора научного изыскания, т. е. состав определения также и будет определять, кого считать первым блогером и с какого времени.

Первым блогером в массовом представлении считается американский студент Джастин Холл (Justin Hall), который в январе 1994 г. завел страницу “Justin’s Links from the Underground” по адресу links.net¹⁶. Но оборот «в массовом представлении» или даже частое «принято считать» во многом опирается на медийный вес статьи The New York Times от 2004 г. Там Холла называют «отцом-основателем личных блогов», зачастую упуская уточнение «может быть», которое автор Джеффри Розен (Jeffrey Rosen) употребляет (“The founding father of personal bloggers may be Justin Hall”)¹⁷. Это довольно важное уточнение, но в текстах с описанием истории блогинга Джастина Холла чаще именуют просто основоположником блогинга без “may be”. Что при последующих цитированиях делает его чуть ли не единственным первым блогером. Хотя Британская энциклопедия (*Encyclopedia Britannica*) в статье “Blog”, в зависимости от трактовок самого термина, называет еще

¹⁵ Там же.

¹⁶ Justin’s Home Page. URL: <https://www.links.net/vita/web/original.html> (дата обращения 15 августа 2024).

¹⁷ Rosen J. Your blog or mine? // The NYT. 19.12.2004. URL: <https://www.nytimes.com/2004/12/19/magazine/your-blog-or-mine.html> (дата обращения 15 августа 2024).

несколько претендентов на первенство с более поздними датами начала публикационной активности¹⁸ (как это делает и англоязычная Википедия, опираясь на публикации в массмедиа).

По другой версии, можно считать первым блогером первый же веб-сайт в истории глобального веба вообще: страницу Тима Бернерса-Ли (Tim Berners-Lee)¹⁹, где он начиная с 1992 г. публиковал новости (сам сайт был запущен в публичный доступ 23 августа 1991 г.)²⁰. Этот человек признан изобретателем проекта «всемирной паутины» (World Wide Web), он один из создателей базовых протоколов, сделавших Интернет общедоступным²¹. Его вклад и авторитет в развитии современных цифровых сетевых коммуникаций неоспорим. Кроме того, эту версию поддерживает, в частности, Encyclopedia Britannica в уже упомянутой выше статье, оговариваясь, что в зависимости от определения блога Бернерс-Ли может и не считаться первым блогером²².

Здесь наблюдается вполне релятивистский подход, когда трактовки тех или иных событий зависят от интерпретаций явления блогинга как такового и последующих (или предыдущих) определений. В таких условиях инструментальная задача исследователя – выбрать подходящие и непротиворечивые определения для формулирования своей терминосистемы в рамках того или иного исследования. А также подкрепить их надежными первоисточниками со ссылками.

Таким образом, неточности в переводах и интерпретациях, необоснованные или неверные критерии в определениях, а также банальная небрежность, некомпетентность, спешка могут приводить к каскаду повторения ошибок, заблуждений, безальтернативных суждений. Что усиливается, в свою очередь, механизмами поисковой выдачи в Интернете, а также алгоритмами с применением искусственного интеллекта (ИИ).

¹⁸ Blog // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/blog> (дата обращения 15 августа 2024).

¹⁹ info.cern.ch – home of the first website. URL: <https://info.cern.ch/> (дата обращения 15 августа 2024).

²⁰ Spring releases // info.cern.ch – home of the first website. URL: <https://info.cern.ch/hypertext/WWW/News/9204.html> (дата обращения 15 августа 2024).

²¹ Tim Berners-Lee // W3C. URL: <https://www.w3.org/People/Berners-Lee/> (дата обращения 15 августа 2024).

²² Blog // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/blog> (дата обращения 15 августа 2024).

Литература

- Евсюкова, Гермашева 2015 – *Евсюкова Т.В., Гермашева Т.М.* Основные подходы к определению понятий «Блог» и «Блогосфера» в лингвистике // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiy-blog-i-blogosfera-v-lingvistike> (дата обращения 15 августа 2024).
- Корнев 2018 – *Корнев М.С.* История понятия «большие данные» (Big Data): словарь, научная и деловая периодика // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2018. № 1 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-ponyatiya-bolshie-dannye-big-data-slovari-nauchnaya-i-delovaya-periodika> (дата обращения 13 августа 2024).
- Панкратова 2023 – *Панкратова Е.В., Тенчова Е.В.* Социологический анализ блогерства как нового канала социальной мобильности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 3 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskij-analiz-blogerstva-kak-novogo-kanala-sotsialnoy-mobilnosti> (дата обращения 12 августа 2024).
- Стратийчук, Эль-Таба 2016 – *Стратийчук Е.Ю., Эль-Таба А.М.* Блогосфера как источник неологизмов в английском языке // Система ценностей современного общества. 2016. № 46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blogosfera-kak-istochnik-neologizmov-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения 14 августа 2024).

References

- Evsyukova, T.V. and Germasheva, T.M. (2015), “Basic approaches to defining the concepts of “blog” and “blogosphere” in linguistics”, *Humanities, social-economic and social sciences*, no. 11-2, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiy-blog-i-blogosfera-v-lingvistike> (Accessed 15 Aug. 2024).
- Kornev, M.S. (2018), “History of the concept of ‘big data’ (Big Data). Dictionaries, scientific and business periodicals”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, vol. 34, no. 1, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-ponyatiya-bolshie-dannye-big-data-slovari-nauchnaya-i-delovaya-periodika> (Accessed 13 Aug. 2024).
- Pankratova, E.V. and Tenchova, E.V. (2023), “Sociological analysis of blogging as a new channel of social mobility”, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial’nye nauki*, vol. 71, no. 3, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskij-analiz-blogerstva-kak-novogo-kanala-sotsialnoy-mobilnosti> (Accessed 12 Aug. 2024).
- Stratiychuk, E.Yu. and El-Taba, A.M. (2016), “Blogosphere as a source of neologisms in the English language”, *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva*, no. 46, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/blogosfera-kak-istochnik-neologizmov-v-angliyskom-yazyke> (Accessed 14 Aug. 2024).

Информация об авторе

Максим С. Корнев, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 109028, Россия, Москва, Хитровский пер., д. 2/8, корп. 5; mxm.kornev@gmail.com

Information about the author

Maksim S. Kornev, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miuskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

HSE University, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 2/8, Khitrovsky Line, Moscow, Russia, 109028; mxm.kornev@gmail.com

УДК 070:004.8

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-122-137

Юридические и этические проблемы регулирования применения искусственного интеллекта в современных массмедиа

Дарья В. Неренц

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ya.newlevel@yandex.ru*

Аннотация. Применение искусственного интеллекта (ИИ) в массмедиа становится все более привычным явлением, требующим глубокого осмысления. В силу отсутствия четкого законодательного регулирования и этических стандартов аудитория не защищена от рисков обмана, введения в заблуждение, манипуляций. Статья посвящена изучению ныне уже применяемых правовых и этических норм использования нейросетей в массмедиа, а также анализу тех аспектов, которые по-прежнему нуждаются в регулировании. В качестве научных методов использован метод индукции, описания, обобщения, анализа контента. В рамках осмысления необходимых этических стандартов был проведен опрос студентов факультета журналистики РГГУ.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), нейросеть, массмедиа, правовой аспект, этические проблемы, журналистика, информационное пространство, медиаконтент, виртуальные телеведущие, авторское право

Для цитирования: Неренц Д.В. Юридические и этические проблемы регулирования применения искусственного интеллекта в современных массмедиа // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 122–137. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-122-137

Legal and ethical issues of regulating the use of artificial intelligence in modern mass media

Daria V. Nerents

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ya.newlevel@yandex.ru*

Abstract. The use of artificial intelligence (AI) in mass media is becoming more and more commonplace and requires deep thinking. Due to the lack of clear legal regulation and ethical standards, the audience is not protected from the

© Неренц Д.В., 2024

risks of deception, misleading and manipulation. The article deals with the study of the currently applied legal and ethical standards of the neural networks use in mass media, as well as to the analysis of those aspects that still need to be regulated. The scientific methods used are induction, description, generalization, and content analysis. As part of comprehending the necessary ethical standards, a survey of journalism students at the RSUH faculty of journalism was conducted.

Keywords: artificial intelligence (AI), neural network, mass media, legal aspect, ethical issues, journalism, information space, media content, virtual TV presenters, copyright law

For citation: Nerents, D.V. (2024), "Legal and ethical issues of regulating the use of artificial intelligence in modern mass media", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, no. 11, pp. 122–137, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-122-137

Введение

Искусственный интеллект в 2023–2024 гг. – одна из самых обсуждаемых тем во всех сферах деятельности. Причина этого – огромный скачок в развитии нейросетей, их возможность быстро адаптироваться под любые заданные условия и выполнять крайне сложные поручения в максимально сжатые сроки, что значительно упрощает некоторые рабочие задачи, поставленные перед специалистами. И это явление уже сейчас трансформирует мышление общества, изменяет методологию и методику работы во многих отраслях, заставляет совсем иначе смотреть на моменты действительности, которые до этого казались привычными и знакомыми.

Сам ИИ – явление не новое и в профессиональной IT-среде используется уже не один десяток лет. Тест Тьюнинга, который считается прообразом современных нейросетей, появился еще в 1950 г. (об этом в журнале *Mind* была написана статья «Вычислительные машины и разум» [Малыгина 2018]). А в середине 1950-х гг. на Дармутской конференции американский информатик Джон Маккарти ввел понятие искусственного интеллекта, который он определил как «науку и технику для создания интеллектуальных машин» [McCarthy 2007]. Спустя чуть более 10 лет был создан первый виртуальный голосовой ассистент IBM, который назвали *Shoebox*. Интересно отметить, что в России широко известным виртуальный помощник стал с появлением Алисы от Яндекса лишь в 2017 г. (хотя обладатели айфонов стали пользоваться помощником *Siri* на три года раньше), потом эту практику активно стали применять банки (первым стал Сбер), в 2023 г. помощник появился уже на портале Госуслуг и, можно сказать, стал распространенной практикой.

Определение понятия «искусственный интеллект» в рамках федерального проекта по развитию ИИ и Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. представляет собой следующее описание:

Комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений¹.

Очевидно, что данное понятие дает весьма исчерпывающее представление об этой технологии, однако представляет собой излишне обширное описание, что затрудняет восприятие сути широкой аудиторией.

На портале Министерства экономического развития РФ представлено следующее определение:

Искусственный интеллект в Российской Федерации (ИИ) – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма), получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека².

Описание является дискуссионным, поскольку на данном этапе развития ИИ не способен находить самостоятельные решения и получать результаты, равные человеческим.

¹ Разработка Федерального проекта по устойчивому развитию искусственного интеллекта // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/razrabotka-federalnogo-proekta-po-razvitiyu-iskusstvennogo-intellekta.pdf> (дата обращения 28 августа 2024).

² Развитие искусственного интеллекта // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/razvitie_iskusstvennogo_intellekta/ (дата обращения 30 августа 2024).

Отходя от официальной терминологии, интересно отметить, что эксперт в области ИИ С.В. Карелов указывает на существование более 200 официальных определений понятия «искусственный интеллект»³. Исследователи в каждой области дают свое определение этой технологии в зависимости от целей и задач, которые ИИ решает в этой сфере деятельности. Поскольку данное исследование посвящено применению ИИ в массмедиа, мы будем понимать ИИ как комплекс технологий, способных выполнять творческие и технические задачи в контексте сбора, обработки, систематизации, оформления и тиражирования информации, которые ранее выполнялись исключительно человеком.

Открывшиеся возможности породили новые, весьма серьезные проблемы, которые уже не один год решаются как в этическом, так и в правовом поле. Связаны они, в первую очередь, с тем, что при успешных экспериментах касательно внедрения в ИИ логического мышления (иными словами, создание генеративного или общего ИИ) возникают риски не только в экономическом плане, но и риск потери контроля над подобными системами.

Цель данного исследования – проанализировать законодательные инициативы и этические регуляторы, существующие в информационном поле, и изучить степень их эффективности на современном этапе.

Правовой аспект применения ИИ: оценка возможностей и рисков

Информационные угрозы со стороны искусственного интеллекта являются весьма заметным последствием использования этой технологии. Возможность применения нейросетей всем пользователям с любыми целями открыли небывалые возможности не только перед специалистами, но и перед мошенниками. С позиции СМИ, уже возникли прецеденты с официальными жалобами на работу ИИ. Газета The New York Times подала в суд на OpenAI (создателей ChatGPT) и Microsoft из-за нарушения авторских прав⁴. Согласно поданному в федеральный окружной суд Манхэттена иску, издание обвиняет эти корпорации в использовании без

³ Гурова Т. Хакнуть человечество // Эксперт. 2019. № 3. С. 40–48.

⁴ Grynbaum M., Mac R. The Times sues OpenAI and Microsoft over A.I. use of copyrighted work // The New York Times. 2023. 27 Dec. URL: <https://www.nytimes.com/2023/12/27/business/media/new-york-times-open-ai-microsoft-lawsuit.html> (дата обращения 30 Aug. 2024).

разрешения публикаций газеты для обучения моделей ИИ. В России часть медиаактивов Shkulev Media Holding оформила запрет для поисковых роботов, чтобы они больше не могли использовать контент медиахолдинга для нейросетевых продуктов. Среди них – E1.ru, NGS.ru, «Фонтанка» и др.⁵

В противовес запретам ряд крупнейших СМИ подписали с OpenAI (создателями ChatGPT) соглашение об использовании их контента для обучения нейросетей. В проекте принимают участие The Atlantic, Vox Media, News Corp, Financial Times, Associated Press, Axel Springer, Le Monde, Prisa Media⁶. Договор построен на товарно-денежных отношениях, согласно которым издания получают финансовое вознаграждение за предоставление ИИ своих материалов. Однако здесь возникает большое количество этических вопросов.

Таким образом, на основе проанализированных ранее кейсов применения ИИ в массмедиа можно выделить самые релевантные проблемы, требующие нормативно-правового регулирования:

- 1) рост объема некачественного контента (генерация не создает ничего нового, ИИ способен учиться только на уже существующих данных, а эти данные, в свою очередь, могут быть устаревшими или нерелевантными);
- 2) вредоносные и опасные последствия использования ложных ответов ИИ (фейки);
- 3) негативное влияние на рынок труда (замещение человеческих ресурсов);
- 4) цифровое мошенничество (дипфейки, которые позволяют создать реалистичный образ любого человека).

В результате применения ИИ в массмедиа у аудитории возник ряд вопросов. В частности, как получить гарантии от журналистов, что при использовании ИИ они лично перепроверяли факты? Как увидеть грань между фактами и вымыслом и установить явное намерение причинить вред? Как определить непреднамеренные ошибки, пародийные или сатирические высказывания в рамках бинарного анализа фактов и вымыслов? В качестве ответа

⁵ Батиров Т. Российские СМИ начали запрещать «Яндексу» использовать свой контент для нейросетей // Forbes. 2024. 17 апр. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/510579-rossijskie-smi-nacali-zapresat-andeksu-ispol-zovat-svoj-kontent-dla-nejrosetej> (дата обращения 28 августа 2024).

⁶ Гуреева Ю. Западные издания начали массово продавать свои материалы создателям ChatGPT // Российская газета. 2024. 30 мая. URL: <https://rg.ru/2024/05/30/zapadnye-izdaniia-nachali-massovo-prodavat-svoi-materialy-sozdateliam-chatgpt.html> (дата обращения 2 сентября 2024).

на возникающие вопросы стали появляться законодательные инициативы.

В 2017 г. Государственный совет КНР утвердил «План развития ИИ нового поколения». В основе документа – призыв к синхронизации усилий национальных и местных органов власти, частных компаний и академических сообществ для достижения лидерства в этой сфере к 2030 г.⁷ План является дополнением к главным стратегическим документам Китая.

В 2020 г. в США появился Закон о национальной инициативе в области ИИ 2020 г.⁸ Согласно тексту документа, стратегический приоритет США заключался в обеспечении национальной безопасности (защита от внешних угроз, возникающих в контексте развития технологий ИИ) и сохранении конкурентного лидерства на мировом рынке ИИ. В целом нужно отметить, что американские компании во многом лидируют в разработке и применении технологий ИИ, а также являются центром политики и экономики ИИ, в том числе и для стран Евросоюза.

В 2023 г. некоторые страны уже внедрили новые законы касательно возможностей применения ИИ. Так, президент США Д. Байден подписал указ о мерах безопасности, связанных с развитием ИИ⁹. Документ обязывает разработчиков предоставлять правительству результаты тестирования моделей ИИ перед их публикацией. В свою очередь, Европарламент принял первый закон об ИИ (Artificial intelligence act)¹⁰. Его цель – регулирование развития ИИ и защита людей от него. В силу он должен вступить не ранее 2025 г.

Ключевыми позициями документа является разделение систем ИИ на группы по степени риска, которые они несут гражданам. Так, к группе минимального риска относятся рекомендательные

⁷ Развитие искусственного интеллекта в странах мира: США, Китай, Великобритания // D-Russia.ru. 2019. 10 апр. URL: <https://d-russia.ru/razvitie-iskusstvennogo-intellekta-v-stranah-mira-ssha-kitaj-velikobritaniya.html?ysclid=lxszxzz5bn696480136> (дата обращения 2 сентября 2024).

⁸ H.R. 6216 (116th): national artificial intelligence initiative act of 2020 // GovTrack.us. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/116/hr6216/text> (дата обращения 30 августа 2024).

⁹ В США обязали ИИ-разработчиков делиться результатами тестов по безопасности // ТАСС. 2023. 30 окт. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19153279> (дата обращения 7 июля 2024).

¹⁰ Commission welcomes political agreement on Artificial Intelligence Act // European Commission. 2023. 9 Dec. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_6473 (дата обращения 5 сентября 2024).

системы с поддержкой ИИ или спам-фильтры (не представляют опасности для граждан). Вторая группа – системы высокого риска должны будут выполнять строгие требования, контролироваться людьми, соблюдать правила кибербезопасности, вести строгую отчетность (необходимо создание так называемых регулятивных песочниц). К такой группе создатели закона относят системы ИИ, применяемые в жизненно важных сферах (медицина, водоснабжение, образование, правоохранительная деятельность и таможенный контроль, система правосудия и т. п.). Группа неприемлемого риска – системы ИИ, которые должны быть под запретом.

В Западной Европе разработчиков генеративных моделей обяжут маркировать контент, чтобы аудитория могла четко разграничивать творчество человека и «машины» (изображения, созданные с помощью технологии Stable Diffusion, или дипфейки необходимо сразу заметно обозначать). Кроме того, в качестве требований к создателям также значится запрет на создание нелегального контента с помощью подобных технологий. Важно, чтобы ИИ отвечал принципам прозрачности и пользовался доверием европейцев. Еврокомиссия планирует сделать данный закон основным и собирается призвать все страны добровольно принять и внедрить у себя данный юридический документ.

В России также существует несколько отдельных норм и рекомендаций. В частности, в 2019 г. была принята Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента РФ № 490 от 10 октября 2019 г. «О развитии искусственного интеллекта в РФ»¹¹. В рамках документа были представлены определения понятий «искусственный интеллект», «технологии искусственного интеллекта», «перспективные методы использования искусственного интеллекта», «смежные области использования искусственного интеллекта», «набор данных», «разметка данных» и др. В этом же году появилась национальная программа «Цифровая экономика РФ», подлежащая реализации в период с 2019 по 2024 г. Так началась реализация федерального проекта «Искусственный интеллект» с участием Минкомсвязи РФ, направленного на поддержку научных разработок в сфере ИИ, разработок программного обеспечения и российского оборудования, повышение доступности качества данных, а также разработки правовых стандартов контроля сферы ИИ.

В 2020 г. появилось Распоряжение Правительства № 2129-р об утверждении «Концепции регулирования ИИ и робототехники до 2024 года». Указанная концепция была призвана стать основой для первичного правового регулирования применения систем ИИ. Так, в тексте документа отмечено, что

концепция исходит из того, что для развития технологий искусственного интеллекта и робототехники необходимо создание регуляторной среды, комфортной для безопасного развития и внедрения указанных технологий, основанной на балансе интересов человека, общества, государства, компаний...¹²

Важными являются и аспекты, на которые, по мнению авторов Концепции, должно быть направлено регулирование. Это: контролирование новых общественных отношений, которые начинают формироваться благодаря применению ИИ и робототехники; определение правовых барьеров, затрудняющих разработку и внедрение систем искусственного интеллекта и робототехники в социальной сфере и экономике; формирование национальной системы стандартизации и оценки соответствия в области технологий ИИ и робототехники.

В октябре 2023 г. вступил в силу Федеральный закон № 408-ФЗ от 31 июля 2023 г. «О внесении изменения в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”»¹³. Он обязывает владельцев сайтов и приложений раскрывать данные, которые используются для работы рекомендательных систем, а также их происхождение. Однако, несмотря на уже значительный пласт проработанных законодательных аспектов, в 2023–2024 гг. остается неопределенным ряд важнейших вопросов. В частности, по-прежнему необходимо создание регуляторных условий для безопасного оборота данных и защиты персональной информации. ИИ не должен использовать данные, позволяющие идентифицировать личность гражданина, а значит, необходимо создавать базы с обезличенными сведениями для последующего обучения генеративных моделей.

¹¹ Указ Президента РФ № 490 от 10 октября 2019 г. «О развитии искусственного интеллекта в РФ» // Кодексы и законы. URL: <https://www.zakonrf.info/ukaz-prezident-rf-490-10102019/> (дата обращения 17 августа 2024).

¹² Распоряжение Правительства РФ № 2129-р от 19.08.2020 об утверждении «Концепции регулирования ИИ и робототехники до 2024 года» // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628/> (дата обращения 16 июля 2024).

¹³ Федеральный закон № 408-ФЗ от 31 июля 2023 г. «О внесении изменения в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // Российская газета. 2023. 2 авг. URL: <https://rg.ru/documents/2023/08/02/fz408-site-dok.html> (дата обращения 11 мая 2024).

Одной из самых острых проблем касательно работы нейросетей в медиаотрасли остается проблема авторского права и интеллектуальной собственности. Как охранять сам ИИ? Как охранять объекты, созданные с помощью ИИ? Может ли ИИ охраняться в качестве объекта смежных прав, когда правовая охрана продукта, созданного ИИ, будет приравниваться к правовой охране самого ИИ?

Генеративные модели уже неоднократно обвиняли в нарушении авторских прав, это довольно чувствительная область, например, для журналистов или дикторов, озвучивающих книги. «Цифровой образ» человека никак не защищен, а значит, обладатель голоса никак не может обвинить ИИ в его использовании для озвучивания какой-то книги или другого проекта. Более того, на данный момент охрана объектов интеллектуальной собственности имеет территориальный характер и ограничена законами той страны, где выдан патент. Таким образом, если каждая страна примет свои нормативы и они не будут носить международный характер, объект интеллектуальной собственности не сможет охраняться в мире, т. е. созданный ИИ продукт будет защищен в РФ, но сможет без последствий тиражироваться, например, в США, если там не будет запретительных нормативов. В этом контексте становится очевидной необходимость международного сотрудничества и коллективных дискуссий в принятии правовых документов касательно деятельности ИИ.

На правовом уровне необходимо обеспечить прозрачность деятельности ИИ. Хорошим примером тут является YouTube, который в марте 2024 г. добавил на сайт инструмент для маркировки сгенерированных ИИ видеороликов¹⁴. Помимо этого, также необходимо четко описывать механизм функционирования ИИ, а также ключевые принципы его работы, системы, на которых учился ИИ, предупреждать о возможных рисках и угрозах при его использовании.

И одно из самых важных условий – определение системы юридической ответственности за последствия, которые возникают в сфере использования ИИ. Кто будет виноват, если произойдет серьезный инцидент с тяжелыми последствиями? Создатель ИИ? Разработчик? Тот, кто занимался обучением модели? Все эти вопросы требуют четкого и подробно прописанного алгоритма, который определит степень ответственности каждого участника

¹⁴ YouTube начал маркировать сгенерированный нейросетью контент // AdIndex. 2024. 19 марта. URL: <https://adindex.ru/news/digital/2024/03/19/321148.phtml> (дата обращения 7 июля 2024).

процесса, а значит, сделает саму процедуру применения ИИ более осмысленной.

Помимо запроса на четкое правовое регулирование ИИ, появляется необходимость внедрения этических ограничений.

Этический аспект применения ИИ в массмедиа

Этические ограничения могут относиться к разным сферам работы с ИИ – робоэтике (вопросы создания и эксплуатации систем ИИ) и машинной этике (регулирование моральных критериев работы человека с ИИ и осмысление возможностей ИИ по отношению к социуму).

В рамках темы медиа ключевое значение имеет машинная этика, регламентирующая создание некоего медиапродукта. В мире этому посвящены уже несколько десятков документов. В США, например, уже разработано более 20 различных этических кодексов, чуть меньше – в Евросоюзе [Лукина 2022, с. 682]. В России первый документ такого рода появился в 2021 г. под названием «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта»¹⁵. Эта инициатива объединила большое количество российских компаний, инвестирующих в технологии ИИ. В качестве задач Кодекса отмечено: создание рекомендаций для принятия решений относительно создания и использования искусственного интеллекта, снижение рисков неэтичного использования ИИ, нарушающего права человека, внедрение инструментов взаимодействия государства, разработчиков, научных организаций и общества по вопросам этики ИИ.

В 2023 г. российские компании подписали Декларацию об ответственной разработке и использовании генеративного ИИ¹⁶. Документ устанавливает этические принципы и стандарты поведения отечественных разработчиков. Его подписали 247 компаний, среди которых ключевые игроки на российском рынке технологий – Сбер, Яндекс, «ВКонтакте», «Ростелеком», МТС,

¹⁵ Кодекс этики в сфере ИИ // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения 30 июля 2024).

¹⁶ Участники Альянса в сфере ИИ подписали декларацию об ответственной разработке и использовании генеративного ИИ в рамках Дня ИИ на Международной выставке «Россия» // Искусственный интеллект Российской Федерации. URL: <https://ai.gov.ru/mediacenter/uchastniki-alyansa-v-sfere-ii-podpisali-deklaratsiyu-ob-otvetstvennoy-razrabotke-i-ispolzovanii-gene/> (дата обращения 2 сентября 2024).

«Росатом» и др. Как и в любом этическом кодексе, положения в этом документе носят рекомендательный характер. В нем содержатся призывы к ответственности при создании и использовании искусственного интеллекта. Главным приоритетом названа защита прав и свобод человека.

В 2024 г. появилась Декларация об ответственном генеративном ИИ (подписана Сбером, Яндексом и MTS AI)¹⁷. Своей подписью согласие с основными положениями подтвердили также вузы и научные организации (Сколтех, НИУ ВШЭ, МФТИ, Институт современного программирования РАН, Нижегородский государственный университет и др.). Документ уточняет и развивает идеи, изложенные в Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта. В частности, прописаны принципы безопасности и прозрачности, этичного отношения к определенным темам, принятия мер по упреждению и предотвращению создания фейковой информации, а также нюансы просвещения пользователей о возможностях новых технологий.

Помимо общедоступных и универсальных рекомендаций, сами средства массовой информации также стремятся урегулировать сферу взаимоотношений с ИИ. Американский ресурс Associated Press (AP) опубликовал руководство для журналистов по использованию искусственного интеллекта¹⁸. В нем указаны следующие правила: экспериментировать с чат-ботом ChatGPT можно, но с осторожностью; нельзя использовать ChatGPT для создания контента (любой контент, созданный ИИ, должен быть тщательно проверен и оценен в соответствии со стандартами AP); нельзя применять ИИ для внесения изменений в фото-, аудио- и/или видеоконтент; нельзя публиковать сгенерированные ИИ фотоизображения, если они не отражают реальность (т. е. являются фейком); журналистам запрещено загружать в программу ИИ секретную или конфиденциальную информацию; журналисты должны обязательно проверять все материалы, полученные из других источников, на предмет применения сгенерированного контента. Подобные стандарты стремятся ввести и другие новостные СМИ, поскольку случаи использования нейросетей все чаще становятся причиной публикации фейков и последующих опровержений. В россий-

¹⁷ Декларация об ответственном генеративном ИИ // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ethics.a-ai.ru/genai-declaration> (дата обращения 17 августа 2024).

¹⁸ *Barret A.* Standards around generative AI // Associated Press. 2023. URL: <https://blog.ap.org/standards-around-generative-ai> (дата обращения 30 июля 2024).

ских медиа пока таких этических регуляторов и редакционных стандартов официально не представлено, но вполне ожидаемо их появление в ближайшем будущем, например, у деловых изданий, которые всегда дорожат своей репутацией.

В рамках разговора о восприятии ИИ в современном информационном пространстве и этических проблемах его использования проведено исследование среди будущих журналистов. В опросе приняли участие 154 студента (3-й и 4-й курсы бакалавриата очной формы обучения, 4-й и 5-й курсы бакалавриата заочной формы обучения). Время проведения исследования – май–сентябрь 2023 г. Метод – дать ответы на 14 вопросов в письменной форме. Вопросы носили открытый характер и требовали развернутого описания. Результаты позволили определить отношение юных журналистов к виртуальным коллегам.

На вопрос, случалось ли вам читать или смотреть материалы в СМИ, написанные ИИ, 45,6% ответили, что нет. 17,5% не знают этого, 7% указали, что «случалось, текст был оформлен грамотно, аккуратно, но в нем будто не было эмоций», еще 5,2% отметили, что

читали, и эти тексты были хорошо структурированы, легки для чтения, но вывод в конце материала мог быть нелогичным и отличаться от тезиса, выдвинутого в начале. Материалы были лишены авторского стиля.

Рассуждая о причинах использования ИИ в работе журналиста, 22,8% отметили, что можно применять для свободы от рутинных задач, 14% указали, что причиной может стать нехватка временных или человеческих ресурсов, когда требуется высокая оперативность, и столько же отметили – что для более точного написания текстов или поиска информации. 8,7% считают, что могут применять нейросети для быстрой проверки фактов, создания визуала. Студенты среди прочего называли также поиск идей для статей, работу со статистикой, большим количеством данных, возможность придать материалу объективный характер, монтаж, обработку фото и звука, создание заголовков. 66,7% опрошенных никогда не видели виртуального телеведущего. Еще 7% видели, но он их не впечатлил, поскольку пока очень заметно, что это не человек. Остальные варианты носили единичный характер. Но примечательно, что есть диаметрально противоположные точки зрения: «Телеведущего нет, в ТикТоке – да. Выглядит неестественно, мимика 5/10, но если доработать, то будет выглядеть здорово» и «В ТикТоке – не отличить от живого человека. Считаю, что это спасет людей от выгорания».

Или вот такой пример:

Да, сложно отличить от настоящего. Разница видна была только в том, что живой человек может ошибиться или оговориться, а робот нет» и «Видела на китайском ТВ. “Эффект зловещей долины”».

В качестве важнейших этических аспектов при работе с ИИ не удалось выделить какие-то одинаковые по сути мысли. Большинство респондентов (64%) не смогли ответить на этот вопрос. Остальные ответы носили единичный характер. Среди них:

«Проработать аспекты понимания ценности человека, его прав и эмоций»; «Стоит сначала разрешить проблему рабочих мест, что делать людям, которых заменят роботы? Баланс между трудом человека и работой ИИ»; «Важно понимание культуры речи, чтобы не было никаких оскорблений, грубых выражений»; «Авторские права, уважение к чужому труду. Рисунки художников, тексты, фотографии, взятые ИИ, могут считаться кражей собственности»; «Обязательно указывать, если материал полностью написан ИИ или с помощью ИИ»; «Четко указывать, о чем может говорить ИИ, а что не надо обсуждать»; «Запрет на использования ИИ для нанесения вреда другим людям»; «ИИ должен иметь нейтральную внешность и голос, чтобы не было никаких провокационных ситуаций»; «Необходимы четкие подходы к подаче информации, чтобы не пугать и не шокировать людей»; «ИИ должен показывать все точки зрения, давать объективную информацию».

Резюмируя ответы касательно этических аспектов применения ИИ в массмедиа, стоит отметить, что опрашиваемые хотели бы видеть четкую, непредвзятую и объективную информацию от нейросетей, а также четкие маркеры материалов, созданных не человеком. Не менее важным респонденты считают и уважительные и деликатные ответы на любые вопросы от пользователей, полное отсутствие грубости или дискриминации по любым признакам. Однако тревожным представляется тот факт, что более половины опрошенных вовсе не отметили никаких этических требований, что говорит об отсутствии осознания важности этого аспекта работы ИИ.

В целом можно заключить, что отношение к работе ИИ в качестве телеведущего – критическое, порой даже открыто негативное. Заметен крайне низкий уровень доверия: в ответах на 8 из 14 вопросов респонденты упоминали отсутствие доверия к «машине», а также отсутствие эмоций. В 10 вопросах из 14 выражение «эффект зловещей долины» также упоминалось в том или ином контексте.

Таким образом, одной из важных этических проблем становится обеспечение прозрачности работы ИИ, поскольку люди не могут доверять «черному ящику», ведь все непонятное отталкивает и пугает. Касательно виртуальных моделей ИИ, как показало исследование, возникает «эффект зловещей долины» и отторжение. Решить эту проблему мог бы так называемый объяснимый ИИ (Explainable AI, XAI).

Закономерным называют направление исследования в области ИИ, цель которого – создание систем и моделей, способных объяснять свои действия и принимать решения понятным для людей образом для повышения уровня доверия аудитории к ИИ¹⁹. Для этого используются методы визуализации, интерактивные проекты с подсказками, упрощенные алгоритмы. Бесспорными преимуществами внедрения такой технологии станет решение важных этических проблем за счет повышения производительности (более оперативное выявление ошибок в модели), укрепления доверия со стороны пользователей, а также снижения регуляторных и прочих рисков.

Заключение

Подводя итог, получаем, что законодательных актов, регулирующих деятельность ИИ, очень мало, этические аспекты находятся в стадии активного обсуждения, а уровень недоверия пользователей становится уже ощутимым. На современном этапе возможности технологий искусственного интеллекта обширны, но не универсальны. Работу ИИ однозначно необходимо перепроверять и контролировать. Более того, ИИ всегда требует постановки задачи со стороны человека, поскольку существует множество разных систем ИИ, а для эффективного результата (анализа статистики или составления прогнозов, рейтингов) необходимы четкость и корректная постановка вопроса.

Кроме того, использование материалов ИИ чревато обвинениями в плагиате, поскольку ничего нового нейросеть создать не может, а может только сложить из уже существующего что-то общее (собрать картину из кусочков – что и является ключевым аспектом генерации). И тут особенно остро встает этический аспект. Можно ли выдавать за свое произведение то, что придумано до этого разными людьми?

¹⁹ Решетникова М. Интеллект, понятный каждому // РБК. 2024. № 01–02. С. 64.

Отдельная угроза – дипфейки, которые могут принимать совершенно разные формы. Фотодипфейки уже никого не удивляют. Это распространенное явление, которое не считается чем-то неординарным. Аудиодипфейки способны подделать голос любого человека, причем чем более известен этот человек, тем выше вероятность модуляции его голоса. Этим активно пользуются мошенники для обмана граждан. Видеодипфейки становятся все более качественными, злоумышленники способны подделать видео любого человека. И их действительно невозможно отличить от оригинала. В СМИ неоднократно освещались истории, когда мошенники подделывали голос родственника или друга и даже присылали короткое видео (так называемые кружочки) в Telegram, на котором был знакомый «жертвы». Поскольку главной целью мошенников является кража личной информации или просьба перевести деньги, то эти случаи можно распознать и пресечь, просто перезвонив другу или родственнику самостоятельно. Об этом обязательно необходимо говорить молодым людям, которые в порыве эмоциональной реакции могут быть обмануты. Однако в перспективе можно предположить, что такие дипфейки могут применять для манипуляции и уговоров совершать противозаконные действия, вербовки людей в различные организации или даже секты, искажения морально-нравственных ориентиров и жизненных ценностей, и тогда может получиться, что ИИ будет управлять человеческим разумом, а не наоборот.

Проанализированные выше этические и правовые проблемы использования ИИ в массмедиа позволяют сделать вывод о необходимости, в первую очередь, более настойчивого привития осознанного потребления медиаконтента аудиторией. Зрителю или читателю необходимо критически относиться к любой информации. Теперь применение ИИ становится все более привычным для журналистов в любых СМИ, и уже нельзя быть уверенным, что текст был написан профессионалом своего дела, а не сгенерирован нейросетью. Только осознанное и внимательное отношение к поступающим сведениям позволит сохранять ясность и четкое понимание происходящего в стране и в мире.

Литература

Лукина 2022 – Лукина М.М., Замков А.В., Крашенинникова М.А., Кульчицкая Д.Ю.

Искусственный интеллект в российских медиа и журналистике: к дискуссии об этической кодификации // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. № 4. С. 680–694.

- Малыгина 2018 – *Малыгина Л.Е.* «Виртуальные собеседники»: перспективы развития телевизионного промодискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnye-sobesedniki-perspektivy-razvitiya-televizionnogo-promodiskursa> (дата обращения 30 июля 2024).
- McCarthy 2007 – *McCarthy J.* What is artificial intelligence? URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai/whatisai.pdf> (дата обращения 24 августа 2024).

References

- Lukina, M., Zamkov, A., Krasheninnikova, M. and Kul'chitskaya, D. (2022), "Artificial intelligence in Russian media and journalism. On a discussion over ethical codification", *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, no. 4, pp. 680–694.
- Malygina, L. (2018), " 'Virtual conversations': Perspectives for the development of television promotion discourse", *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, vol. 15, no. 4, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnye-sobesedniki-perspektivy-razvitiya-televizionnogo-promodiskursa> (Accessed 30 July 2024).
- McCarthy, J. (2007), *What is artificial intelligence?* available at: <http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai/whatisai.pdf> (Accessed 24 Aug. 2024).

Информация об авторе

Дарья В. Неренц, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125047, Миусская пл., д. 6; ya.newlevel@yandex.ru

Information about the author

Daria V. Nerents, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; ya.newlevel@yandex.ru

УДК 654.197(510)

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-138-147

Визуальная коммуникация в видеоконтенте на примере программ телевидения Китая (CCTV)

Кирилл А. Зорин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Kirill_zorin@mail.ru*

Аннотация. Визуальная коммуникация становится не только актуальным предметом исследований представителей гуманитарных наук, но и перспективным способом донесения информации до массовой аудитории благодаря таким свойствам, как быстрота восприятия, универсальность (возможность преодолевать языковые барьеры), эффективность воздействия. В таких технологически развитых странах, как Китай, визуальная коммуникация на телевидении уже не дополняет вербальную информацию, а является полноценным способом информирования и идеологического воздействия. В статье обосновывается необходимость более пристального изучения данного направления в рамках теоретических исследований журналистики, дается описание специфических особенностей визуальной коммуникации на китайском телевидении.

Ключевые слова: визуальные коммуникации, китайское телевидение, язык экрана, визуализация контента

Для цитирования: Зорин К.А. Визуальная коммуникация в видеоконтенте на примере программ телевидения Китая (CCTV) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 138–147. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-138-147

Visual communication in video content using Chinese television (CCTV) programmes as an example

Kirill A. Zorin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Kirill_zorin@mail.ru*

Abstract. Visual communication is becoming not only a relevant subject of research by representatives of the humanities, but also a promising way to convey information to the mass audience due to such properties as speed of

© Зорин К.А., 2024

perception, universality (the ability to overcome language barriers), and effectiveness of impact. In such technologically developed countries as China, visual communication on television no longer supplements verbal information, but is a full-fledged way of informing and ideological influence. The article substantiates the need for a closer study of that area within the framework of theoretical studies of journalism, and describes the specific features of visual communication on Chinese television.

Keywords: visual communications, Chinese television, screen language, content visualization

For citation: Zorin, K.A. (2024), "Visual communication in video content using Chinese television (CCTV) programmes as an example", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, no. 11, pp. 138–147, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-138-147

Визуальная коммуникация как актуальное явление

Возрастание роли визуальной коммуникации во всех сферах человеческой деятельности благодаря развитию цифровой среды привлекает внимание многих исследователей. Различные аспекты социального функционирования визуального образа даже порождают новые научные направления: визуальная антропология, социальная визуалистика, визуальная социология, визуальная культура. По мнению Я.В. Леонович, в этом интересе проявляется своеобразное «открытие мира»: в условиях информатизации всех сфер деятельности и медиатизации информационно-коммуникационного пространства место естественного и целостного зрительного контакта с миром занимает технически опосредованный комплекс символических проводников [Леонович 2019]. С точки зрения Н.И. Юстиной, новым видом социальной практики стала визуализация социальных представлений, связанная с воспроизведением и имитацией определенных личностных смыслов через наглядно-зрелищную форму [Юстина 2011]. Впрочем, визуальная коммуникация приобретает особое значение еще и в контексте развития искусственного интеллекта, а также появления роботов в повседневной жизни. Конечно, искусственный интеллект с каждым годом все лучше приспосабливается и к речевой коммуникации, однако визуальная сама по себе быстрее. Неудивительно, что 80% людей воспринимают мир и организуют полученный опыт с помощью зрительных образов [Муромцева 2023].

Речь и образ по-разному не только передают информацию, но и организуют ее в отношении таких координат, как пространство и время. Так, с точки зрения Г.Г. Почепцова, в устной речи возможна передача только одного знака за другим, и потому информация приобретает временное измерение. А вот в рамках визуальной коммуникации начинают работать сразу несколько потоков информации, и потому визуальная коммуникация тяготеет к пространственному измерению [Почепцов 2005]. Кроме того, освоение визуального образа требует меньшей концентрации внимания, чем чтение письменного текста [Леонович 2019]. И если раньше создание визуальных образов действительно было долгим и достаточно сложным процессом и речь (в том числе письменная) являлась более оперативным способом передачи информации, то развитие техники (появление фотографии, кинематографа, телевидения) начало менять эту ситуацию, а появление цифровых технологий в корне изменило ее. Исследователь интернет-среды Л. Манович в свое время хорошо объяснил, что в основе всей цифровой среды лежит использование цифрового кода, а потому все содержание (любого вида, в том числе визуального) легко подлжет формальному описанию с использованием математических формул, а значит, может быть подвергнуто манипуляции с помощью алгоритмов. Это не только создало модульность цифровой среды, ее изменчивость, но и позволило автоматизировать процессы создания обработки, поиска и хранения любого контента [Manovich 2001, с. 27–46].

Казалось бы, что все эти тенденции должны стимулировать исследователей в сфере журналистики и массовой коммуникации изучать то, как визуальные коммуникации влияют на массмедиа и журналистские практики. Ведь очевидно, что визуальная коммуникация становится все более важным инструментом передачи информации даже в традиционных медиа вроде телевидения. Но, согласно поиску по научным публикациям в системе elibrary.ru, понятие «визуальные коммуникации» в лучшем случае ассоциируется с новыми медиа и печатными интернет-СМИ. Причем речь идет в основном об инфографике, дизайне или креолизации текста. В основном же исследователи рассматривают явление визуальных коммуникаций через призму философии, культурологии, антропологии.

Данную ситуацию можно объяснить как сложившимися исследовательскими традициями (которые формировались на базе филологических подходов, особенно в России), так и преобладанием на отечественном телевидении программ, так сказать, разговорного жанра, где визуальные образы часто вторичны по отношению к вербальному общению. Некоторые информационно-политические

программы последних лет и вовсе больше напоминают «видеорадио», чем собственно телевидение. Такая практика объясняется экономичностью именно такого рода программ в сравнении с игровыми шоу и документальными фильмами, где уделяется гораздо больше внимания режиссуре, монтажному языку и иным способам визуализации. Исключением также является видеореклама: ограниченный хронометраж роликов заставляет создателей максимально эффективно использовать все каналы донесения информации, и визуальная коммуникация порою позволяет быстрее и эффективнее объяснить пользу от покупки товара или услуги, чем диалоги актеров в кадре.

Визуальная коммуникация сегодня напрямую касается также производства журналистского контента. Т. Цзинь, рассматривая визуальные коммуникации в современной журналистике, отмечает их неоспоримые преимущества [Цзинь 2024]. Во-первых, они эффективны, поскольку человек большую часть информации получает с помощью зрения и на нее обработку уходит меньше времени, чем на текст, то есть зрительные образы легче считываются и запоминаются. Во-вторых, визуальные коммуникации универсальны: они создают общий язык общения, понятный людям разных национальностей. В-третьих, визуальная коммуникация позволяет легче воздействовать на эмоции людей и вызывать ассоциации.

Визуальная коммуникация на телевидении Китая

Отличным примером активного использования визуальных коммуникаций при создании контента сегодня является телевидение Китая. Исследователи дискурса китайского телевидения, отмечающие сохранение важности содержания медиатекстов в телевизионных программах, констатируют важный факт.

Усиленный технологическими приемами «язык экрана» во всех его проявлениях представляет семиотическую систему, альтернативную вербальной, <которая> играет не подчиненную роль, иллюстрируя закадровый текст, а становится полноценным актором коммуникационного процесса и даже предполагает медиавоздействие, которое влияет на подсознание потребителя [Кононова, Цзя 2022].

В определенном смысле это результат той целенаправленной политики в сфере телевидения, которую власти КНР проводят в последние десятилетия.

Во-первых, уже более 30 лет продолжается активное технологическое развитие телевидения Китая. С 1990-х гг. здесь начался переход отрасли на технологии цифрового вещания, благодаря чему была создана современная телерадиовещательная сеть, охватывающая 94,62% населения уже в 2003 г. Причем сеть объединяет телерадиостанции четырех уровней – Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, провинции, города и уезда [Хун 2010]. Сегодня в мире наиболее известно именно центральное телевидение – CCTV, в состав которого входят 18 «внутренних» каналов и один международный, а также 6 каналов сети иновещания CGTN.

Ведущей технологической стратегией развития китайского телевидения стала коэволюция с интернетом и новыми медиа, которая проявилась в тесной интеграции телевидения с интернетом (модель «Интернет +»). Ее философия в том, что традиционное телевидение должно адаптироваться к потребностям новых медиа и их пользователей, регулярно обновлять платформы и интегрировать свои ресурсы с платформами новых медиа [Кононова, Цзя 2020]. Например, важным решением стало внедрение облачных технологий и вычислений для всей телевизионной индустрии, благодаря чему стали возможными облачное производство, создание облачных медиаресурсов, облачные агрегация, транскодирование и адаптация контента. Базовая часть этого проекта была завершена уже в 2016 г. Эти технологические изменения трансформировали и бизнес-модели, поскольку позволили телеканалам оперативно обмениваться программами и материалами благодаря наличию «служебных облаков» и создавать совместные продукты [Цзя 2019]. Такая инновационная среда значительно усилила эффективность визуальной коммуникации. Например, это привело

...к более активному использованию в телевизионном производстве таких средств выразительности, как крупный, дальний и панорамный планы... Китайские телевизионщики преуспели в креативности изображения визуального ряда, удивляя композицией кадра, спецэффектами, используемыми в съемках телепрограмм, которые поражают воображение [Кононова, Цзя 2020].

Во-вторых, на программную политику китайского телевидения с 1994 г. влияет не только коммунистическая идеология, но и механизмы рыночной экономики. Телевидение стало «помощником предприятий» и «мостом к рынку», во многих редакциях были введены принципы подрядной и целевой ответственности, а появившиеся еще в 1980-е гг. организации изучения общественного

мнения позволили проводить измерения предпочтений аудитории. В результате если раньше телевидение Китая стремилось к идейной эффективности, то сегодня оно также уделяет внимание и экономической [Хун 2010]. Очевидно, что рыночные подходы заставляют телевидение активнее бороться за внимание зрителя и стимулируют производство доходчивых, выразительных и понятных материалов, особенно рекламного характера.

В-третьих, необходимость совершенствования всех имеющихся способов информирования населения и определенного идеологического воздействия на него, в том числе и с помощью визуальных коммуникаций, следует из имеющейся в стране социальной разобщенности и большого числа диалектов, что часто затрудняет устное общение представителям разных регионов. Знания письменного китайского тоже очень неоднородные: если для работы школьным учителем достаточно знать 7 тысяч иероглифов, то врач изучает 20 тысяч, ученый – 40 тысяч и более. Причем специфика китайского языка такова, что незнание нескольких иероглифов может препятствовать восприятию смысла целого текста. Активное использование на телевидении медиатекста двух видов (устная речь плюс дублирующие ее письменные субтитры) сегодня дополняется очень яркими и понятными изобразительно-выразительными средствами. И благодаря визуальной коммуникации при просмотре каналов китайского телевидения смысл телесюжетов и программ и даже их определенный идейный посыл становятся доступны не только жителям КНР, но и иностранцам,

Эмпирическое исследование контента каналов CCTV

Эмпирическое исследование визуальной коммуникации на китайском телевидении было проведено в августе 2024 г. Во время пребывания на Хайнане в вечерний прайм-тайм случайным образом просматривались программы CCTV, а также провинциальных и городских каналов. Внимание уделялось актуальному новостному контенту, общественно-политическим программам, а также развлекательным программам (т. е. фильмы, сериалы и исторические программы не рассматривались). Основными методами было наблюдение и описание контента. Вербальное содержание не изучалось в связи с отсутствием знания китайского языка.

Несмотря на то что при взаимодействии с телевизионным контентом использовалась исключительно визуальная коммуникация, телевидение Китая произвело заметное воздействие и создало очень привлекательный образ современной страны.

Можно отметить следующие черты общего характера. Во-первых, видеоряд китайского телевидения во многом похож на видеоряд североамериканского, особенно это заметно по тому, как расположены в кадре ведущие, как они взаимодействуют друг с другом и гостями. Наиболее близким российским аналогом является телеканал «Москва 24». Во-вторых, несмотря на определенные идеологические установки, телевидение акцентирует внимание не на политиках и чиновниках, а на простых людях. Даже в новостных сюжетах мало или вовсе отсутствуют синхроны с чиновниками, все комментарии дают обычные люди. Так, в новостном сюжете телевидения Хайнаня об отельном бизнесе чиновники появились в кадре лишь на несколько секунд в момент награждения трудящихся грамотами. В сюжете о новой биометрической системе в аэропортах комментарии давали пассажир, таможенник, рядовой сотрудник. Синхроны с политиками встречались лишь в новостных программах центрального телевидения, но были краткими. Схожим образом акцент на жизни людей делает и телеканал CCTV-13 (его специализация – новости на китайском): основные герои сюжетов – приехавшие с Олимпиады спортсмены; помогающие людям дружинники; солдаты, получающие награды; спасший жизни попавших в аварию хирург и так далее. Сюжетов о чиновниках крайне мало, причем международных политиков среди них больше, чем китайских. В-третьих, китайское телевидение как минимум на уровне визуальной коммуникации создает ощущение социального оптимизма. Показателен обстоятельный сюжет о незрячем парне на CCTV-13. Было показано не только, как он получает знания с помощью специальных книг и гаджетов, но также помогает в лавке своей маме, а еще участвует в соревнованиях по вольной борьбе и получает награды, ходит в походы, то есть ведет полноценную жизнь.

При просмотре программ китайского телевидения были выявлены и часто повторяющиеся приемы визуальной коммуникации.

1. *Динамичная смена кадров и ракурсов, лаконичные монтажные фразы.* Даже в новостных и информационных сюжетах присутствует монтаж, больше характерный для видеоклипов: планы быстро сменяют друг друга, применяются разные точки съемки, используются короткие синхроны. Из-за этого видеоряд становится информативным и побуждает к дальнейшему просмотру даже в отсутствие знания китайского языка.

2. *Активное использование «говорящих деталей».* Эмоциональное отношение зрителя к происходящему на экране формируется в том числе и благодаря использованию умело снятых «говорящих деталей» – жестов и действий, несущих дополнительный смысл.

Например, в программе о проблеме мужского облысения на одном из местных каналов ведущий в какой-то момент надел парик, объясняя об одном способе решения проблемы, а потом был разговор с героем, который сделал пересадку волос (вид головы до операции был также показан на экране). В сюжете о рабочих, обслуживающих современный скоростной поезд, на канале ССТV-13 показаны действия бригадира: во время «проходки» по рации он дает указания, на рельсах показывает направления руками, далее рабочие подключают к поезду шланг и утирают рукой пот со лба.

3. *Применение специальных приемов съемки и технических средств.* Не только в постановочных, но и в информационных сюжетах (а также в программах производственного плана) активно используются квадрокоптеры и иное оборудование, специальные приемы съемки. Например, в программе о женщине-сварщице при съемках ее работы в цехе использовался прием замедленной съемки, благодаря чему будничное явление летящих в сторону искр приобрело сказочный оттенок. А в сюжете о работе коммунальщиков уборка набережной от песка с помощью метелок и шланга превратилась в мини-блокбастер за счет активного монтажа и использования коптера.

4. *Яркие цвета в кадре и их сложные сочетания.* При построении композиции кадра на китайском телевидении активно используют яркие цветовые решения и достаточно сложные контрастные сочетания оттенков, что особенно характерно для студийных программ. Это создает некоторое ощущение праздника и вовлекает в просмотр контента. В меньшей степени подобные колористические решения характерны для информационных сюжетов, но это частично компенсируется за счет ведущих и дизайна плашек.

5. *Графика, эмодзи и компьютерные маски.* Китайское телевидение активно использует элементы инфографики. Помимо плашек с иероглифами, обязательно дублирующими устную речь, на экране могут присутствовать плашки с дополнительной информацией и даже всплывающие рекламные изображения (например, с изображениями напитков). Но в игровых и постановочных программах графические изображения могут становиться и неотъемлемым элементом происходящего. Так, в музыкальном шоу на одном из нецентральных телеканалов во время зрительского голосования в центре студии появлялся и расцветал 3D-цветок. Кроме этого, используются эмодзи и графические маски: над головами игроков, как в комиксах, появляются облака, содержащие короткие тексты; эмоция печали может быть подчеркнута дорисованными поверх изображения героя слезами, стрелкой, восклицательным знаком или маской. Таким образом, изображе-

ние очень похоже на стилистику некоторых любительских видео в Тик-Токе или у видеоблогеров. Возникновение таких эмодзи на экране сопровождается характерными звуками, что тоже больше характерно для видеоблогинга.

Выводы

Технологические новации, интеграция телевидения с новыми медиа и платформами стимулируют ведущие китайские телекомпании использовать при взаимодействии со зрителем не только вербальную коммуникацию, но и визуальную. Это обусловлено ее неоспоримыми преимуществами: быстротой восприятия, универсальностью и доступностью для носителей разных языков, а также глубоким воздействием на эмоции. Поэтому активное использование визуальных коммуникаций на телевидении является актуальной тенденцией и требует дальнейшего изучения.

Литература

- Кононова, Цзя 2022 – *Кононова Е.И., Цзя Ф.* Дискурсная трансформация китайского телевидения // Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования: Сб. трудов международной научно-практической конференции. Белгород, 2022. С. 188–194.
- Леонович 2019 – *Леонович Я.В.* Феномен визуальной коммуникации в современной интернет-среде // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 1. С. 72–78.
- Муромцева 2023 – *Муромцева М.Ю.* Визуальные коммуникации в современном информационном обществе // Культура и образование. 2023. № 3 (50). С. 46–52.
- Почепцов 2005 – *Почепцов Г.Г.* Паблик рилейнзиз для профессионалов. М.: Рефлбук: Ваклер, 2005. 640 с.
- Хун 2010 – *Хун Л.* История китайского центрального телевидения // Вопросы гуманитарных наук. 2010. № 6. С. 74–79.
- Цзинь 2024 – *Цзинь Т.* Визуальные коммуникации в современной журналистике: проблемы и перспективы // Научный аспект. 2024. № 2 (25). С. 3108–3112.
- Цзя 2019 – *Цзя Ф.* Технологическая трансформация в вещательной индустрии Китая // 76-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: Материалы конференции: В 3 ч. Мн., 2019. С. 858–861.
- Юстина 2011 – *Юстина Н.И.* Визуальная коммуникация и конструирование социальных представлений // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2011. № 1 (16). С. 76–82.
- Manovich 2001 – *Manovich L.* The language of new media. Cambridge: MIT Press, 2001. 354 p.

References

- Hong L. (2010), "The history of Chinese central television", *Voprosy gumanitarnykh nauk*, no. 6, pp. 74–79.
- Jia, F. (2019), "Technological transformation in the Chinese broadcasting industry", in *76-ya nauchnaya konferentsiya studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta: Materialy konferentsii* [76th Scientific Conference of students and postgraduates of the Belarusian State University. Proceedings of the Conference], Minsk, Belarus, pp. 858–861.
- Jin, T. (2024), "Visual communications in modern journalism. Issues and prospects", *Nauchnyi aspekt*, vol. 25, no. 2, pp. 3108–3112.
- Kononova, E.I. and Jia, F. (2022), "Discourse transformation of Chinese television", in *Diskurs sovremennykh massmedia v perspektive teorii, sotsial'noi praktiki i obrazovaniya: Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Discourse of modern mass-media in the perspective of theory, social practice and education. Proceedings of the international scientific-practical conference], Belgorod, Russia, pp. 188–194.
- Leonovich, Ya.V. (2019), "Phenomenon of visual communication in the modern Internet environment", *Intellect. Innovations. Investments*, no. 1, pp. 72–78.
- Manovich, L. (2001), *The language of new media*, MIT Press, Cambridge, UK.
- Muromtseva, M.Yu. (2023) "Visual communications in the modern information society", *Kul'tura i obrazovanie*, vol. 50, no. 3, pp. 46–52.
- Pocheptsov, G.G. (2005), *Pablik rleishnz dlya professionalov* [Public relations for professionals], Refl-book, Wakler, Moscow, Russia.
- Yustina, N.I. (2011), "Visual communication and the construction of social perceptions", *Obrazovanie. Nauka. Innovatsii: Yuzhnoe izmerenie*, vol. 16, no. 1, pp. 76–82.

Информация об авторе

Кирилл А. Зорин, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Kirill_zorin@mail.ru

Information about the author

Kirill A. Zorin, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; Kirill_zorin@mail.ru

УДК 070

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-148-163

Особенности подкастов криминальной тематики в российском и зарубежном медиапространстве

Дарья В. Неренц

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ya.newlevel@yandex.ru*

Алиса А. Осминина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sabiruz@mail.ru*

Аннотация. Цифровая революция, информационная эра, диджитализация и последующее активное развитие технологий внесли значительные изменения в деятельность журналиста и открыли новые возможности, новые форматы. Трансформировались традиционные медиа и способ их взаимодействия с аудиторией. Подкасты стали новым форматом публичной коммуникации со слушателями и новым каналом распространения информации относительно значимых общественных проблем в условиях развития новых медиа. Более того, СМИ используют подкасты не только в качестве площадки для продвижения и коммуникации с аудиторией, но и в качестве полноценного инструмента, который стал частью технологической базы журналистского творчества. В связи с продолжающимся ростом популярности подкастов, в том числе криминальной тематики, их тщательное изучение как средств массовой информации является актуальной темой для исследований.

Ключевые слова: подкасты, криминальные подкасты, новые медиа, медиаконтент, многоканальность, звуковой образ, журналистское расследование, тру крайм, детектив

Для цитирования: Неренц Д.В., Осминина А.А. Особенности подкастов криминальной тематики в российском и зарубежном медиапространстве // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 148–163. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-148-163

© Неренц Д.В., Осминина А.А., 2024

Features of the criminal topic podcasts in Russian and foreign media space

Daria V. Nerents

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ya.newlevel@yandex.ru*

Alisa A. Osminina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
sabiruz@mail.ru*

Abstract. The digital revolution, the information age, digitalization and the subsequent active development of technologies made significant changes in the activities of a journalist and opened up new opportunities, new formats. Traditional media and their way of interacting with the audience were transformed. In this regard, podcasts became a new format for public communication with the audience and a new channel for spreading information about significant public issues in the context of the new media development. Moreover mass media use podcasts not only as a platform for promotion and communication with the audience, but also as a full-fledged tool that has become part of the technological base of journalistic creative work. Due to the continued growth in the popularity of podcasts, and criminal-themed podcasts, their careful study as media is an urgent topic for research.

Keywords: podcasts, criminal podcasts, new media, media content, multi-channeling, sound image, investigative journalism, true crime, detective

For citation: Nerents, D.V. and Osminina, A.A. (2024), "Features of the criminal topic podcasts in Russian and foreign media space", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, no. 11, pp. 148–163, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-148-163

История развития и специфика формата подкаста

Благодаря технологическому развитию журналистика и коммуникация в целом трансформируется. В результате интеграции технологий развивается единый информационный ресурс, телекоммуникация и цифровая многоканальность, которые становятся причиной появления и активного использования новых форматов¹,

¹ *Гуриков С.П.* Интернет-технологии: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника». М.: ФОРУМ, 2015. С. 8.

например подкастов. Как отмечает М.С. Корнев: «Выигрывают те медиа, которые используют данную (и даже вынужденную) многоканальность себе на пользу»².

Предшественником подкастов в журналистике было радио. «Радиовещание должно выйти из роли поставщика и сделать поставщиком слушателя» [Брехт 2014, с. 20] – эта идея и стала основополагающей для такого направления в аудиокультуре, как подкастинг, поскольку этот формат предполагает особое взаимодействие со слушателем и иногда даже его интеграцию в качестве автора. Подкастинг – это аудио- или видеоматериалы, которые публикуются в Сети [Круглова 2018].

Популяризатором нового формата считается американский журналист MTV Адам Карри. В 2005 г. он запустил платформу “PodShow” для продвижения и рекламы подкастов. Каждый новый выпуск пользователи скачивали на плеер при подключении к компьютеру [Макеенко 2007, с. 32]. Появлению и развитию подкастинга в России способствовал Василий Стрельников, бывший радиоведущий и «голос MTV». В 2005 г. он открыл первый подкаст-хостинг “RPod.ru”. На портале Василия Стрельникова контент выкладывали блогеры, радиоведущие, звезды шоу-бизнеса, и постепенно появлялся даже корпоративный подкастинг. В 2006 г. газета «Ведомости» опубликовала статью, в которой назвала В. Стрельникова «отцом русского подкастинга»³.

Таким образом, подкаст – формат, который появился не так давно в сравнении с другими традиционными форматами журналистики и который продолжает развиваться, особенно в России, где возможности подкастинга еще не до конца осмыслены современными СМИ. И если изначально журналистские подкасты только дублировали информацию в аудиоформате, то со временем медиаресурсы стали адаптировать материалы, ориентироваться на возможности формата, создавать уникальные проекты специально для этой платформы и использовать их в качестве нового инструмента журналистского творчества.

В качестве важного преимущества подкаста как формата необходимо отметить возможность создать музыкальное оформление, позволяющее выделить главное или вызвать нужные ассоциации.

² Корнев М. Дистрибуция контента: кто, что, куда и как? // Журналист. 2016. № 11. С. 46–49. URL: <https://jrnlst.ru/2016/11/02/9499/?ysclid=m2n3txzgz5m604678510> (дата обращения 5 сентября 2024).

³ Голицына А. Персональное радио в Интернете // Ведомости. 2006. 30 окт. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2006/10/30/personalnoe-radio-v-internete> (дата обращения 20 августа 2024).

В зависимости от материала могут быть использованы музыкальные фрагменты или отрывки из интервью с разными людьми (экспертами, знаменитостями, очевидцами какого-то события).

Особенности подкастов можно расширить и дополнить на основании не только общих характеристик, но и специфики подкастов криминальной тематики. Так, жанр «тру-крайм» или «истории о реальных преступлениях» активно набирают популярность. За последние десять лет сериалы, книги и подкасты по данной теме набирали многомиллионные просмотры и прослушивания⁴.

По определению Е.А. Воиновой и Е.В. Сивяковой, нарративные или документальные подкасты в основном делают профессиональные радиожурналисты, для такого формата обязательна предварительная большая работа, поиск информации и изучение материалов. Основным методом, который используется в нарративных подкастах, – сторителлинг [Воинова, Сивякова 2018]. В качестве примера нарративного подкаста можно привести проект «Норд-Ост». Это документальный материал о захвате заложников в театральном комплексе на Дубровке: история создания мюзикла, подготовка теракта, спецоперация по освобождению людей и ее подробности, значение этого события и воспоминания очевидцев трагедии.

Журналистский нарратив обладает драматической структурой, которая развивается по принципу возникновения, развития и кульминации конфликта, с четко очерченной сюжетной линией. Автор представляет события намеренно субъективно. В криминальных подкастах дается оценка происходящему, есть эмоциональные переживания, что также помогает создать эффект более интимного, откровенного и живого диалога со слушателями. Однако для подкастов на криминальную тему крайне важно вызывать чувство доверия у слушателя. Ведущий криминального подкаста, в отличие от ведущих других подкастов, не может опираться только на свое мнение и общедоступную информацию из Интернета. Поэтому, как правило, в криминальных подкастах используется и мнение ведущего, и информация из СМИ, и интервью с участниками событий, и информация из архивов.

Важным критерием являются методы сбора информации. На этапе подготовки материала журналисту приходится использо-

⁴ Настоящее преступление: как жанр тру-крайм покори́л мир и привел маньяков на экраны // Forbes. 2023. 3 апр. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/487047-nastoasee-prestuplenie-kak-zanr-tru-krajm-pokoril-mir-i-privel-man-akov-na-ekranu> (дата обращения 5 сентября 2024).

вать специфические методы работы с информацией. К основным методам относят: наблюдение (прямое и косвенное, включенное и невключенное), интервью (беседу), проработку документов, эксперимент, криминологическо-следственные методы⁵.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современной медиакультуре устоявшиеся форматы могут обретать новые формы, адаптируясь к развитию технологий и возникающим потребностям аудитории. Так появился и новый аудиоформат – подкаст. В отличие от традиционного радио, он существует по другим законам, но сохраняет природу аудиального языка.

Зарубежный криминальный подкаст “Serial”: характеристика и отличительные черты

“Serial” – криминальный подкаст, организованный Сарой Кениг и Джулией Снайдер. Проект планировался как расследовательская история, которая бы сочетала в себе драматизм эпизодического повествования, мобильность подкастов и достоверность. В 2014 г. “Serial” стал первым подкастом, который выиграл «Пибоди» – международную журналистскую премию за вклад в радио и телевидение. В 2023 г. “Serial” стал лауреатом премии Джорджа Полка за журналистские расследования в подкастинге.

Проект начался с расследования истории убийства. К Саре Кениг обратилась адвокат Рабия Чаудри, которая попросила изучить дело ее друга Аднана Сайеда. Он был осужден в 1999 г. и приговорен к пожизненному заключению за убийство своей бывшей девушки Хэ Мин Ли, 18-летней ученицы средней школы «Вудлон» в Балтиморе. На момент обращения Рабии Чаудри он уже 14 лет провел в тюрьме. Однако дело выглядело запутанным, многие свидетели были убеждены в невиновности Аднана, а у следствия не было достаточно улик, кроме показаний одного из свидетелей. Сара Кениг решила провести свое расследование и записать его в формате подкаста. Всего было записано 13 эпизодов и 3 дополнительных выпуска со слушаний по делу Аднана.

Кроме первого сезона, посвященного истории Аднана Сайеда⁶, для дальнейшего анализа был выбран проект “The kids of Ruther-

⁵ Тертычный А.А. Расследовательская журналистика: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 121–125.

⁶ Serial. Season one: Episode 01. The Alibi – Episode 12. What we know. 03.10.2014 – 18.12.2024 // Serial Podcast. URL: <https://serialpodcast.org> (дата обращения 2 сентября 2024).

ford”⁷, совместное расследование “Serial” и “The New York Times”, посвященное некомпетентной работе правоохранительных органов и системы правосудия по отношению к детям в округе Резерфорд.

Разберем структуру более подробно. Каждый выпуск “Serial” начинается со вступительной музыкальной вставки, затем следует введение в историю или нарезки интервью, которые были/будут звучать в ближайшем эпизоде. После заставки ведущая сообщает о главной задаче текущего эпизода, знакомит с действующими героями–участниками интервью и предлагает обратиться к предыдущим выпускам, если «мы» их пропустили. Завершается эпизод комментарием – подведением итогов от ведущей, анонсом следующей серии, чтобы подогреть интерес слушателей, и блоком о команде, которая работала над проектом. Если говорить о структуре всего сезона, то историю рассказывают в соответствии с хронологией, представляют сначала точку зрения Аднана и его окружения, затем мнение стороны обвинения – его друга Джея, а также истории следователей и полицейских. Завершают сезон выпуски, скорее похожие на репортажи, фиксирующие события во время слушаний по делу Аднана и в день его освобождения. Структуру можно охарактеризовать как драматичную. В “Serial”, как в нарративном материале, можно выделить экспозицию и завязку – введение в суть в начале. Кульминацией можно назвать слушание по делу Аднана, а развязкой – его освобождение.

Структура “The kids of Rutherford” выстроена по схожей схеме. Однако сначала звучит нарративная вставка-экспозиция:

It was a March afternoon in Rutherford County, Tennessee, a growing community about 30 miles southeast of Nashville. School was out for the day, and a dozen or so little kids were playing a game of pickup basketball in someone’s backyard (Это было мартовским днем в округе Резерфорд, штат Теннесси, растущем населенном пункте, расположенном примерно в 30 милях к юго-востоку от Нэшвилла. В школе не было занятий, и около дюжины малышей играли в баскетбол на заднем дворе чьего-то дома. – *Пер. авт.*).

В подкасте можно встретить элементы рассуждения, когда ведущая сопоставляет факты, строит предположения, выдвигает гипотезы:

⁷ Serial. The kids of Rutherford. Episode 01. The patients – Episode 05. The outcomes. 17.08.2023 // Apple Podcast. URL: <https://podcasts.apple.com/ru/podcast/serial/id917918570?i=1000617954991> (дата обращения 2 сентября 2024).

Maybe Adnan really is innocent. But what if he isn't? What if he did do it, and he's got all these good people thinking he didn't? So either it's Jay or it's Adnan. But someone is lying (Может быть, Аднан действительно невиновен. Но что, если это не так? Что, если он действительно это сделал, и все эти хорошие люди думают, что он этого не делал? Так что, либо Джей, либо Аднан. Но кто-то лжет. – *Пер. авт.*).

Касательно звуковых образов, в первую очередь, формообразующие элементы в анализируемом примере выполняют иллюстративную функцию, т. е. они нацелены на создание образов для визуализации. В материалах проекта “Serial” представлены интервью с разными героями. Нарезки с интервью помогают создать ощущение, будто герои сами рассказывают эту историю. Более того, эти вставки добавляют искренности и эмоциональности материалу. Например, когда Сара Кениг проводит менее формальные интервью с другом Аднана Саадом и его сестрой Рабией, они много смеются. Слышно, как Саад воодушевленно вспоминает об их юношеских приключениях: “She’s like, whoa whoa, whoa!” (И она такая: вау, вау, вау! – *Пер. авт.*). Когда Сара Кениг сообщает о том, что действительно удалось обнаружить зацепки, доказывающие невиновность Аднана, его голос начинает дрожать, а Рабия начинает плакать.

Авторы часто используют монтаж, голосовой грим и звуковую мизансцену.

Монтаж – один из основных приемов. В начале каждого выпуска звучит музыкальная заставка и нарезка интервью из предыдущего выпуска. Завершается заставка записью автоответчика из городской тюрьмы. Музыкальные вставки также помогают разделить разные смысловые части выпуска, они отличаются по темпу и настроению, для того чтобы вызывать разные эмоции у слушателя и дополнить атмосферу того, о чем говорит ведущая.

Голосовой грим использовала Сара Кениг, когда пыталась выяснить, мог ли Аднан преодолеть маршрут из школы к месту убийства за указанное время. Для этого она решила повторить весь маршрут школьника, начиная с класса. И на протяжении всего маршрута мы слышим взволнованный прерывистый голос ведущей, слышим, как она спешит и задыхается от быстрого темпа. Таким образом, создается динамика и настроение.

Звуковая мизансцена представлена в эпизоде, когда Сара Кениг посетила офис юридической компании, которая готовилась к новому рассмотрению дела Аднана. Микрофон разместили так, что он записывал все окружающее пространство. Вокруг постоянно перемещались люди, их комментарии то отдалялись, то, наоборот,

выходили на первый план. Это помогало передать атмосферу офиса, создать ощущение массовости, когда на заднем фоне сливаются равноудаленные голоса и звуки, сменяющие друг друга.

Авторы подкаста проводили журналистское расследование, поэтому были задействованы разные методы сбора информации и источники. Основной метод – это интервью. Также авторы использовали метод работы с документами, эксперимент, наблюдение и криминолого-следственные методы.

Так как авторы подкаста ставили своей целью именно провести расследование, а не просто рассказать о событиях, было важно узнать все детали истории и задействовать максимальное количество свидетелей. Убийство было совершено в 1999 г., поэтому по прошествии 15 лет люди – это, вероятно, основной источник, который мог помочь журналистам. В качестве источников были привлечены несколько категорий свидетелей. Во-первых, это ближайшее окружение Аднана, его друга Джея и убитой девушки, общие друзья, знакомые, одноклассники. Для того чтобы связаться со многими людьми, приходилось долгое время проводить мониторинг социальных сетей, писать на электронную почту и преодолевать другие сложности. Так, например, Сара Кениг пыталась связаться с Азией Макклейн:

I write her a long, gentle, pleading letter and send it off to an address I find online. I'm calling people who know her or who I think might know her. I'm checking the same loop of Facebook, MyLife, LinkedIn sites over and over, trawling for clues about where she might be or how she might think (Я пишу ей длинное, нежное, умоляющее письмо и отправляю его по адресу, который нахожу в Интернете. Я звоню людям, которые ее знают или которые, как мне кажется, могли бы ее знать. Я снова и снова проверяю один и тот же цикл сайтов Facebook* (Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской в Российской Федерации.), MyLife, LinkedIn, выискивая подсказки о том, где она может быть или о чем она может думать. – *Пер. авт.*).

Во-вторых, это люди из окружения главных действующих лиц, которые проходили свидетелями по делу. В-третьих, представители закона – полицейские, следователи, детективы, которые занимались делом в 1999 г. и в наши дни. В-четвертых, авторы привлекали экспертов в разных сферах, которые могли бы помочь при проведении расследования. Так, Сара Кениг общалась с двумя профессорами-инженерами из ведущих университетов, которые помогли ей с оценкой качества биллинга. Другим экспертом была Дейрдре Энрайт – адвокат, который работал над похожим делом.

Работа с документами – второй по значимости и частоте использования метод получения информации в анализируемом расследовании. Часто именно к архивным записям допросов, стенограмм судебных заседаний и показаний журналисты обращались, когда не могли напрямую поговорить с человеком. Например, позицию Джея, друга Аднана, который является ключевым свидетелем по делу и который сообщил следствию, что это Аднан убил Хэ Мин Ли, мы узнаем из записей допросов.

Из других методов, которые были использованы при проведении расследования и записи подкаста, можно выделить наблюдение и эксперимент. Сара Кениг самостоятельно посетила все связанные с местом преступления локации, также неоднократно выступала в качестве наблюдателя на судебных заседаниях и слушаниях по делу Аднана. Наблюдение в основном прямое и невключенное. Но на протяжении работы над проектом журналисты проводили несколько экспериментов. Вместе с продюсером они решили попробовать преодолеть маршрут Аднана от школы до места убийства, учитывая все известные факты и улики, чтобы понять, мог ли он совершить убийство в указанное время. Также они сопоставили этот маршрут с показаниями Джея.

Журналисты проекта “Serial” даже использовали криминологические методы, работали с отпечатками пальцев и ДНК-тестами. Расследование проводилось в 1999 г., многие улики были утеряны, а провести экспертизу оказалось невозможным, но вместе с командой Дейдре Энрайт они пытались сделать необходимые анализы.

Подводя итог, можно отметить, что “Serial” – это нарративный (документальный) подкаст криминальной тематики, обладающий характеристиками полноценного журналистского расследования, при этом содержащий в себе не только анализ, но и эмоциональные высказывания и авторские комментарии.

Специфика российского подкаста криминальной тематики «Трасса 161»

Подкаст «Трасса 161» – один из первых российских криминальных подкастов. Таисия Бекбулатова*, журналист и автор подкаста, записала «Трассу 161» в соавторстве с Алексеем Пономаревым (работал в “Lenta.ru”, “Republic”, сейчас занимается созданием подкастов в «Арзамасе»).

* Признана иностранным агентом на территории Российской Федерации.

Подкаст выходит в формате сериала: четыре сезона, каждый из которых на протяжении пяти серий раскрывает одну криминальную историю. В каждом сезоне меняется ведущая, которая изучает связанные с криминальным делом материалы, в зависимости от темы и интересов спецкора.

В рамках данного исследования более детально проанализированы особенности криминального подкаста на примере двух сезонов – «Трасса 161»⁸ и «Дорога костей»⁹. Эти истории были выбраны, поскольку затрагивают разные темы и проблемы, что позволяет наиболее детально рассмотреть возможности криминальной журналистики в формате подкаста.

«Трасса 161» – первый сезон, название которого стало названием всего проекта и в котором раскрывается история убийств в Абакане. Бекбулатова* вместе с Алексеем Пономаревым в 2019 г. отправилась в Абакан, чтобы детально изучить дело «абаканского маньяка» – Дмитрия Лебеда. Он в течение пяти лет нападал на девушек, несколько раз оказывался в полиции, но избегал ареста и обвинения.

«Дорога костей» – последний (на момент проведения исследования) сезон проекта. Он раскрывает историю Владислава Истомина и Сергея Устинова, которые втайне от родных отправились в путешествие. Подростки решили проехать две тысячи километров между Якутском и их родным поселком Ола под Магаданом. Через день после начала пути, когда температура в Якутии опустилась ниже минус сорока, друзья перестали выходить на связь. Ведущей этого сезона стала журналистка Мария Карпенко.

Каждый выпуск начинается со вставки (нарезки) ключевых и наиболее драматичных моментов, которые будут звучать в эпизоде. Первый выпуск первого сезона начинается со вставки интервью с одной из жертв (Дарьей Морозовой), где она рассказывает, как ночью села в такси. В начале выпуска также нарушена хронология. Нам рассказывают об исчезновении последней девушки и задержании Дмитрия Лебеда, а уже потом подробнее историю всех жертв с самого первого убийства. Далее мы знакомимся с

⁸ Трасса 161. Эпизод 1. Маршрут перестроен – Эпизод 5. Вызвать свидетеля Лебеда. 21.08.2019 – 08.10.2019 // Яндекс. Музыка. URL: <https://music.yandex.ru/album/8166480/track/56849368?activeTab=track-list> (дата обращения 5 сентября 2024).

⁹ Трасса 161. Дорога костей. Эпизод 1. Друзей не выбирают – Эпизод 5. Детский мир. 01.12.2021 – 29.12.2021 // Яндекс. Музыка. URL: https://music.yandex.ru/album/8166480/track/96249761?utm_medium=copy_link (дата обращения 30 августа 2024).

историями выживших после нападения маньяка и в хронологическом порядке нам рассказывают истории убитых девушек. В финале также важное место отводится истории следователей. И в последнем выпуске – история задержания и вынесения приговора по делу Дмитрия Лебеда, его психологический портрет. Иными словами, мы можем охарактеризовать структуру подкаста как драматичную, однако в ней не так ярко выражены такие структурные элементы, как завязка, кульминация и развязка. Кроме того, структура подкаста не линейная, авторы намеренно нарушают хронологический порядок истории (в начале рассказывают о последней жертве и задержании преступника), т. е. композиция материала – кольцевая.

Сезон «Дорога костей» – наиболее яркий пример «погружения» в криминальную историю. Структурно он выстроен четко и логично: на протяжении пяти серий Мария Карпенко проделывает маршрут, по которому проехали двое пропавших парней, попутно общаясь с их родными, местными жителями и обнаружившими их сотрудниками полиции, т. е. история выстроена в хронологическом порядке. В этом сезоне в большей степени прослеживаются завязка, кульминация и развязка. Завязка – знакомство с родными и друзьями пропавших, их психологический портрет и то, что предшествовало решению поехать по опасному маршруту. Далее слушатели вместе с авторами преодолевают сложную и опасную дорогу, вспоминая, как следователи искали пропавших парней. Кульминацией становится их обнаружение, а развязкой – рассказ о дальнейшей судьбе и восстановлении.

Использование звуковых эффектов для погружения слушателя – один из главных приемов, который используют журналисты в подкасте. Здесь также доминируют формообразующие средства – записи интервью, музыка и шумы. В основном они выполняют иллюстративную функцию.

В первом выпуске «Маршрут перестроен», когда авторы отправляются в Абакан, мы слышим запись из самолета на заднем фоне: «Дамы и господа, наш самолет отправляется». Далее, когда журналисты приезжают в Абакан, мы слышим, как поют птицы, как играет музыка у местного таксиста. У слушателя складывается впечатление, что он действительно преодолевает этот путь и расследует дело вместе с авторами – создается «эффект присутствия».

Звуковые вставки также играют иллюстративную роль в последнем сезоне – «Дорога костей». В начале первого выпуска «Друзей не выбирают» мы можем услышать на заднем фоне деревню, разговоры местных жителей, звуки автомобиля, тряска. Во время диалога с мамой Сергея Устинова мы понимаем, что они с Марией

Карпенко сидят и разговаривают на кухне (слышно, как женщина моет посуду, расставляет чашки, наливает чай).

Из стилиобразующих средств журналисты задействовали монтаж и голосовой грим. В данном подкасте динамичное развитие сюжета напрямую связано со структурными особенностями и монтажом выпусков. Динамика создается благодаря постоянной смене повествователя, от лица которого рассказывается история. Так, о произошедших событиях нам рассказывают разные участники событий и журналистка, которая приехала в Абакан.

Что касается голосового грима, журналисты также активно используют интонацию для придания эмоциональной окраски во время проведения экспериментов. Например, Мария Карпенко самостоятельно попробовала преодолеть маршрут пропавших подростков. Во время этого эксперимента она записывала свои эмоции, ощущения. Ее голос в том числе передавал волнение и удивление, было слышно, как он дрожит, и было слышно ее прерывистое дыхание от холода: «Первые впечатления – температурно и зрительно. Зрительно – ничего не видно вокруг. Даже пять минут находиться на улице – холодно. На мне два слоя перчаток». Есть запись, где Мария Карпенко вскрикивает от неожиданности, потому что из-под колес машины вылетела куропатка. Можно сделать вывод, что такие вставки эмоционально воздействуют на слушателя, помогают ощутить себя на месте события, представить опасную дорогу, погодные условия и географические особенности региона.

Журналисты проекта «Трасса 161» использовали в качестве методов сбора информации наблюдение (прямое, косвенное, включенное), интервью и беседу, проработку документов.

Наиболее ярко метод интервью представлен в сезоне «Трасса 161», посвященном абаканскому маньяку Дмитрию Лебедю. Работая над расследованием, журналисты привлекали разных героев, чтобы максимально объективно представить историю и выразить мнение всех сторон. Поэтому в данном примере героев можно разделить на три группы. Первая группа – выжившие девушки, после показаний которых следователи отказались возбуждать уголовные дела (у некоторых из соображений безопасности были изменены голос и имя) и их родственники. Вторая группа – Дмитрий Лебедь и его окружение. Третья группа – представители закона, следователи, которые занимались делом. И четвертая группа – эксперты, которые содействовали расследованию дела и также давали комментарии по проблемным вопросам. В данном примере важно отметить, что журналисты проекта «Трасса 161» не только провели расследование, но еще и постарались помочь выжившим девушкам, которые никак не могли выиграть дело в суде, касающееся

некомпетентной работы следователей, отказавшихся принимать у них заявление. Поэтому Таисия Бекбулатова* обратилась к Марии Давтян за помощью, и для Дарьи Морозовой (пострадавшей) был найден адвокат, который представлял ее интересы в суде.

Работа с документами в данном случае – в основном работа с архивными записями судебных заседаний, допросов. Например, в финальных эпизодах «Трассы 161» представлены записи показаний самого Дмитрия Лебеда.

Авторы проекта «Трасса 161» также использовали метод наблюдения. Наблюдение прямое и не включенное. Бекбулатова* посетила судебное заседание и наблюдала за вынесением решения по делу о превышении должностных полномочий у Алексея Попова, тогда же ей удалось поговорить с его адвокатами. В сезоне «Маршрут перестроен» тоже был использован метод наблюдения, но уже включенного. Журналистка Мария Карпенко, расследуя дело об исчезновении двух подростков, решила попробовать преодолеть их маршрут, чтобы понять, насколько было реально выжить в этой местности без гида.

Таким образом, если охарактеризовать данный подкаст, получается, что «Трасса 161» – это нарративный (документальный) подкаст криминальной тематики. Его также можно назвать подкастом-расследованием, потому что ведущие Таисия Бекбулатова* и Мария Карпенко проводили собственное расследование и на протяжении нескольких серий изучали материалы дела, самостоятельно посещали места преступлений и брали интервью у участников событий, отрывки из которых можно услышать в подкасте. «Трасса 161» характеризуется в основном линейной и кольцевой структурой, важную роль играет смена планов повествования, за счет чего появляется динамика. В меньшей степени наблюдается субъективный подход ведущих, поскольку чаще в качестве спикера и рассказчика выступают сами герои материалов. Из звуковых особенностей можно выделить обилие звуковых эффектов, в частности шумов, которые были необходимы для создания «эффекта присутствия».

Сравнительный анализ российского и зарубежного криминальных подкастов

Оба проекта относятся к нарративным детективным подкастам. В качестве темы авторы таких подкастов выбирают громкое криминальное происшествие, которое при этом связано со скрываемой информацией и затрагивает общественно значимые проблемы. Чаще всего это расследования историй убийства.

Если говорить о структуре, то можно заметить, что в основном она линейная и драматическая. Экспозиция, завязка, кульминация и развязка, свойственные для нарративного повествования, чаще можно встретить в американских подкастах. Как правило, в начале выпусков присутствует нарезка разных интервью с участниками событий, далее следуют комментарий-вступление от ведущего и рассказ о событиях в хронологическом порядке. Намеренные нарушения в хронологии можно встретить реже, однако журналисты российского проекта чаще вносят в нее изменения для создания более интересного материала. Например, в сезоне, посвященном ангарскому маньяку, была использована кольцевая композиция.

Можно также выделить еще одно структурное различие между российским и американским проектами. У “Serial” главным действующим лицом становится ведущая – Сара Кениг. Даже вставки из интервью с участниками представлены в формате диалога и дополняются ее комментариями. В подкасте «Трасса 161» выпуски выстроены так, что постоянно меняется герой-повествователь, то есть несколько лиц рассказывает одну историю.

Касательно субъективного подхода автора к повествованию, сами журналисты говорят о том, что в проектах такого формата сложно оставаться полностью объективными и избегать оценочных выражений. Однако американские журналисты иногда слишком активно используют оценочные комментарии, так что у слушателей может появиться ощущение, что автор склоняется к какой-то из сторон: Сару Кениг обвиняли в том, что она излишне симпатизировала Аднану Сайеду еще до проведения расследования и его освобождения.

Использование звуковых эффектов играет очень важную роль в подкастах криминальной тематики. Поскольку для этого формата очень важен сторителлинг, то журналисты создают «звуковые образы» для рассказывания истории, чтобы это выглядело более интересно и привлекательно для слушателей. В основном журналисты используют документальные записи, музыку и шумы. Как правило, звуковые эффекты, такие как шумы, выполняют иллюстративную функцию. Чаще к их использованию прибегают именно российские журналисты. Шумы помогают передать особенности окружающего пространства и создают «эффект погружения» у слушателя. Американские журналисты чаще, чем российские, используют голосовой грим, звуковую мизансцену и в целом уделяют много внимания монтажу выпусков, что связано в том числе с большим количеством документальных записей, которым необходима систематизация.

Ключевым методом сбора информации в криминальных подкастах является интервью с участниками событий. Этот метод позволяет журналистам рассказать историю с разных точек зрения и сделать повествование не только более достоверным, но и эмоциональным.

Резюмируя, отметим, что криминальные подкасты стали новым форматом медиаконтента и новым форматом криминальной журналистики. Они вызывают интерес и привлекают внимание аудитории. Способ подачи расследовательского материала в формате криминального подкаста трансформировался, важную роль стала играть возможность интерактива с аудиторией, вовлечение ее в ход повествования. Данная форма коммуникации позволяет медиа взаимодействовать с аудиторией на качественно ином уровне. Таким образом, можно заключить, что подкастинг в России продолжает развиваться и этот процесс становится значимым фактором развития современного медиапространства.

Литература

- Брехт 2014 – *Брехт Б.* Теория радио: 1927–1932: пер. с нем. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 50 с.
- Воинова, Сивякова 2018 – *Воинова Е.А., Сивякова Е.В.* Подкаст как новый формат публичной коммуникации в условиях цифровой медиасреды // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 12. С. 104–120.
- Круглова 2018 – *Круглова Л.А.* Российские аудиоподкасты: становление и специфика развития // МедиаАльманах. 2018. № 1. С. 89–101.
- Макеенко 2007 – *Макеенко М.И.* Радиоиндустрия США в начале XXI столетия: структурные изменения и межсекторная конкуренция // Медиаскоп. 2007. Вып. 2. С. 1–33.

References

- Brecht, B. (2014), *Teoriya radio: 1927–1932* [Radio theory. 1927–1932], Ad Marginem Press, Moscow, Russia.
- Kruglova, L.A. (2018), “Russian audio podcasts. Formation and specifics of development”, *MediaAl'manakh*, no. 1. pp. 89–101.
- Makeenko, M.I. (2007), “The US radio industry at the beginning of the 21st century. Structural changes and intersectoral competition”, *Mediaskop*, iss. 2, pp. 1–33.
- Voinova, E.A. and Sivyakova, E.V. (2018), “Podcast as a new format of public communication in the digital media space”, *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, no. 12, pp. 104–120.

Информация об авторах

Дарья В. Неренц, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125047, Миусская пл., д. 6; ya.newlevel@yandex.ru

Алиса А. Осминина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125047, Миусская пл., д. 6; sabiruza@mail.ru

Information about the authors

Daria V. Nerents, Cand. of Sci (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; ya.newlevel@yandex.ru

Alisa A. Osminina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; sabiruza@mail.ru

История журналистики и литературной критики

УДК 791(47)

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-164-175

Дискурс Гражданской войны в советской культуре начала 1970-х гг. и «наивная оптика» взгляда: фильм «Бумбараш»

Евгения В. Бродская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, eugenia.brodsкая@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена некоторым особенностям телевизионного фильма «Бумбараш» (реж. Н. Рашеев, А. Народницкий, 1972), формирующим восприятие интеллигенции поздней советской эпохи. Фильм был снят по рассказам А. Гайдара (1904–1941) и показывал механику расчеловечивания в любой войне. «Бумбараш» сочетает в себе элементы различных жанров, что было достаточно нетипично для «правильной» репрезентации революции на советском экране. Именно этот фактор определил специфику восприятия фильма российской интеллигенцией.

Ключевые слова: советское кино, социум, власть, советская пресса, фильм «Бумбараш», советская интеллигенция

Для цитирования: Бродская Е.В. Дискурс Гражданской войны в советской культуре начала 1970-х гг. и «наивная оптика» взгляда: фильм «Бумбараш» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 164–175. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-164-175

The discourse of the Civil War in the Soviet culture of the early 1970-s and “the naïve optic” of the view. The film *Bumbarash*

Evgeniya V. Brodskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
eugenia.brodsкая@gmail.com*

Abstract. The paper is focused on some key features of *Bumbarash* (1972), TV movie by N. Rasheev and A. Narodnitsky, to form it's perception by the

© Бродская Е.В., 2024

Russian intelligentsia of the late Soviet epoch. The movie was based on some short stories by A. Gaidar (1904–1941) demonstrated the mechanics of dehumanization to be inherited by any civil war. The very special narrative of “Bumbarash” which integrates elements of various genres is rather untypical for the mainstream Soviet representation of the Russian Revolution. That has formed the unique perception of the movie by Russian intellectuals.

Keywords: Soviet movie, society, power, Soviet press, society, power, the film Bumbarash, Soviet intellectuals

For citation: Brodskaya, E.V. (2024), “The discourse of the Civil War in the Soviet culture of the early 1970-s and ‘the naïve optic’ of the view. The film *Bumbarash*”, *RSUH/RGGU Bulletin*, “*Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*”, no. 11, pp. 164–175, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-164-175

Советское кино второй половины 1960 – начала 1970-х гг. в числе прочего пыталось заниматься экспериментами с формой. Эксперименты были совершенно разными – и снятый в виде новелл «Андрей Рублев» (1969, реж. А. Тарковский), и «Солярис», снятый в замкнутом пространстве (1972, реж. А. Тарковский), и кино вроде «Интервенции» (1968, реж. Г. Полока), которое сам режиссер определял как «гротеск с элементами буффонады».

Фильм «Бумбараш» (1972, реж. Н. Рашеев, А. Народницкий) сложно отнести к определенному жанру: это не комедия и не мюзикл в чистом виде, хотя в фильме достаточно и иронии, и музыкальных номеров.

Сюжет фильма «Бумбараш» следующий: Бумбараш – главный герой – возвращается с Первой мировой домой. Там его не принимают родственники, так как он считается умершим (им по ошибке пришла «похоронка» с фронта). Его дом – продали, супруга Бумбараша вынуждена сожительствовать с бывшим другом главного героя, который стал бандитом. Бумбарашу приходится бежать. И с этого момента начинаются его приключения, когда он, пытаясь выжить, становится «красным». И начинает воевать за них.

Обращает на себя внимание, насколько четко была прописана постановочная сценография всех движений во множестве сцен фильма: начиная от победного и при этом нелепого марша главного героя – Бумбараша, через поле, когда он возвращается домой, заканчивая его прощальным танцем с любимой супругой в тот момент, когда Бумбараш решается уйти и воевать на стороне «красных». Это кино, словно лоскутное одеяло, содержит в себе самые разные элементы. Степень художественной свободы этого фильма для тех лет по-своему удивительна.

Тема Гражданской войны как никакая другая была встроена в советский официальный дискурс. Правда, по разным причинам не каждая советская кинолента с подобной тематикой была сразу выпущена на экраны и дошла до зрителя. Многие фильмы легли «на полку» – стали так называемым запрещенным кино. Среди подобных кинокартин можно вспомнить фильм «Комиссар» (1967, реж. А. Аскольдов), «Интервенция» (1968, реж. Г. Положа), «Одинокий голос человека» (1978, реж. А. Сокуров). Все они увидели свет только во времена перестройки, когда их – одновременно – «сняли с полки» в 1987 г.

К тому же если говорить о теме Гражданской войны и ее интерпретации на языке кинематографа, то «Бумбараш» один из первых фильмов, который демонстрирует явный переход от больших проблем – неважно, формулируемых, как у Эйзенштейна в «Октябре» (1927) или у А. Алова и В. Наумова в «Беге» (1970), – к показу «маленького человека в исторических обстоятельствах», где-то смыкающегося со стилистикой «Похождений храброго солдата Швейка» Я. Гашека и «Процесса» Ф. Кафки.

Безусловно, тема сложности выбора присутствует в самом дискурсе Гражданской войны, но многие герои советских фильмов лишены серьезной рефлексии на эту тему и просто репрезентируют «рабочий класс» или «капитал» в их эссенциальном измерении.

Вспомним, например, «Красных дьяволят» (реж. И. Перестиани, 1923) – классическую приключенческую ленту о днях Гражданской войны. Герои поставлены в такие обстоятельства, где у них нет иного выбора, кроме как правильного, что они и демонстрируют зрителю на киноэкране. Главные герои картины Мишка и Дуняша на фоне Гражданской войны на Украине решают «биться с бледнолицыми собаками», как они называют, начитавшись Майн Рида, махновцев: Батька Махно разоряет их село и зверски убивает старшего брата ребят, матроса Федора [Бродская 2023, с. 209–210]. Выбранная стратегия героев – очевидна, они не сомневаются в своем выборе, будучи погруженными в гущу событий. Да и Батька Махно изображен в ленте чуть ли не опереточным злодеем, который стремится захватить власть и убить как можно больше «красных». Действия главных героев – совершенно схематичны. «Красные» против «белых». «Белые» – карикатурны, тогда как «красные» – подчеркнута героичны. То есть перед нами кино приключенческое, чьи персонажи почти лишены индивидуальности и имеют лишь амплуа. Есть общий вектор направления, который они вынуждены реализовывать. Такова задумка автора повести П. Бляхина, по которой и было снято кино, такова задумка режиссера И. Перестиани.

«Бумбараш» – явление иного порядка. Снятый в 1972 г., этот фильм попадает в некоторый «зазор», когда эпоха «оттепели» была уже позади и страна медленно, но верно вползала в «застой».

В критике тех лет мы не встречаем массовых упоминаний о фильме «Бумбараш». Разве что выходит статья В. Неделина «Живи, Бумбараш» в «Советском экране», в целом позитивная и даже хвалебная, где особенно отмечены музыка и песни к фильму. Нетрудно предположить, что если бы съемки «Бумбараша» проходили на несколько лет раньше, то это могло создать серьезные проблемы для выхода фильма.

Фильм «Бумбараш» парадоксальным образом сочетает в себе и гротеск, и комичность ситуаций, в которые попадает главный герой, и серьезные горькие размышления о потере и поиске собственной идентичности. По духу они сравнимы с фильмом «Два товарища» (реж. Е. Карелов, 1968), где нет места иронии и шуткам, сравнимым с «Бумбарашем», а также «полочным» «Комиссаром» (реж. А. Аскольдов, 1967 г., премьера – 1987), где на наших глазах разворачивается вся трагичность Гражданской войны. Трагизма хватает и в «Бумбараше», но «изюминка» этого кино заключается в том, что Рашеев с Народницким и сценаристом Е. Митько смогли соединить иронию с трагедией, рефлексию главного героя с общим фоном происходящей в стране катастрофе, когда брат идет на брата из-за разных убеждений. Здесь как нельзя более уместна сцена в самом «Бумбараше», когда Бумбараш, волею случая выполняя задание Красной Армии, убивает «белого», доставляющего важное донесение своему командиру. «Я не в тебя целюсь, а в донесение!» – добавляет Бумбараш и убивает солдата вражеской армии. Убивает не сомневаясь.

«Бумбараш» в этом смысле оказывается весьма странным фильмом, который позволяет себе проговаривать смыслы, неуместные еще несколько лет назад. Добавим к этому: музыкальный ряд «Бумбараша» существенно отличается от лент, посвященных Гражданской войне. Тексты поются от имени главного героя, мелодии – легко запоминаются. Они буквально становятся хитами. Например, «Журавль по небу летит» или «Ходят кони» (музыка В. Дашкевича, слова Ю. Кима, вынужденного, в силу своих «разногласий с властями», пользоваться псевдонимом Ю. Михайлов).

Вероятно, в начале 1970-х гг. такой жесткой потребности «идеологически верно» освещать события Гражданской войны нет, юбилей Октября уже прошел, все чиновники отчитались «о проделанной работе» в кинопроме и других областях советского искусства. Про «Бумбараша» советская пресса особо не распространяется. Отчасти это объяснимо тем, что «Бумбараш» – теле-

фильм, он «вышел» к зрителю на экране телевизора. Правда, незадолго до выхода фильма В. Кичин в журнале «Искусство кино» рассуждает о том, каким образом необходимо изображать революцию и Гражданскую войну¹.

При съемке «Бумбараш» не оказался втянут, как это случилось с «Интервенцией» Г. Полоки, снятой как раз накануне юбилея, в «игры» внутрипартийного аппарата тех лет так, чтобы это отразилось на выпуске картины к зрителю. Тем более за основу фильма взяты тексты Аркадия Гайдара – вполне классического советского «правильного» автора.

«Бумбараш» успешно проскочил «между Сциллой и Харибдой»: 22 августа 1972 г. на первой полосе газеты «Правда» выходит постановление ЦК КПСС «О мерах к дальнейшему развитию советской кинематографии», где в числе прочего отмечено, что:

на экран нередко выходят фильмы, не отвечающие идейно-эстетическим критериям советского искусства и возросшим запросам зрителя. Кинематографу недостает глубины в художественном отображении важнейших процессов современности. <...> Некоторым кинофильмам не хватает идейной устремленности, четкого классового подхода к раскрытию явлений общественной жизни. Вместо правдивого показа жизни <...> дается одностороннее, а порой и неверное истолкование событий и фактов².

Постановление появляется через три месяца после телепремьеры «Бумбараша». Напрямую этому кино никто претензий не предъявляет. Да и вообще освещение темы Гражданской войны воспринимается в постановлении позитивно. Но в нем же указано, что в «некоторых» фильмах допущено слишком много вольностей в изображении «событий и фактов» из жизни «рабочего класса». Далее же предлагается подобные недостатки устранить – а равно привести и изображение Гражданской войны к «общему знаменателю». «Бумбараш» становится, пожалуй, одним из последних фильмов об этом периоде, где человек вынужден становиться героем, и даже с шутками и прибаутками преодолевать весь ужас происходящего, но в итоге – все его усилия напрасны, а заканчивается все катастрофой. Пожалуй, жизнь маленького человека в эпоху грандиозных событий несколько раздражает советскую номенклатуру,

¹ Кичин В. Нельзя превращать героиню в игру // Искусство кино. 1972. № 1 (10). С. 57–67.

² «О мерах к дальнейшему развитию советской кинематографии» // Правда. 1972, 22 авг. С. 1.

так как уводит «большой героический дискурс» в сторону частных переживаний о собственной судьбе.

Сценарист «Бумбараша» Е. Митько берет за основу несколько рассказов Аркадия Гайдара – это «Левка Демченко»³, первый очерк «В дни поражений и побед»⁴ и его неоконченная повесть «Бумбараш» (другое название – «Талисман») ⁵. Гайдар – писатель в советском дискурсе безусловно присутствующий, даже заслуженный. Однако нельзя сказать, чтобы он был особенно цитируем в начале 1970-х – скорее, к его произведениям вновь возвращаются, его опять начинают упоминать.

Фильм «Бумбараш» сделан по мотивам нескольких рассказов и сказок А. Гайдара. В сущности, это совершенно новый для нас гайдаровский сюжет. А это уже само по себе подарок⁶.

Безусловно, Бумбараш – персонаж, который вобрал в себя и черты характера из одноименной повести, и черты Левки Демченко, персонажа ряда других гайдаровских рассказов – разбитного, лихого парня, который все время попадает в истории, но всегда из них выпутывается и выходит победителем, пока не гибнет совершенно нелепо, во время кражи арбузов на бахче.

Мытарства Бумбараша подчеркивают некоторую «сказочность» фильма, его логика развития наследует схеме В.Я. Проппа из известной «Морфологии волшебной сказки». Есть все необходимые типы героев для подобного прочтения: и протагонист, и антагонист, и «волшебный помощник» Левка Демченко, встреченный Бумбарашем опять-таки случайно, и недостижимый «искомый персонаж» – жена Бумбараша, которую тот вынужден был оставить, когда ушел на войну. Да так они вновь и не воссоединились. В этом есть некая уловка – по схеме Проппа обычно искомый персонаж или предмет и является наградой протагониста. Здесь же награда не обретается, а случается горькая потеря искомого, т. е. жены.

Фильм начинается со сценки из Первой мировой войны, когда во время боя Бумбарашу приказывают подняться на воздушном шаре и доложить, что там у противника. После этого шар должны

³ Гайдар А. Цикл «Рассказы старого красноармейца» // Красный воин. 1927. 30, 31 авг., 1 сент.

⁴ Голиков (Гайдар) А. В дни поражений и побед. М.; Л.: Земля и фабрика, 1926. 192 с.

⁵ Жизнь и творчество А.П. Гайдара. М.: Детгиз, 1951. 377 с.

⁶ Неделин В. Живи, Бумбараш! // Советский экран. 1972. № 11. С. 2.

притянуть обратно, но тот случайно отвязывается (точнее, веревку перестреливают) и герой улетает в небо. Перед нами вполне «читаемая» отсылка к сцене из фильма А. Тарковского «Андрей Рублев» (1968), который начинается почти так же, с полета Ефима на воздушном шаре, который кричит: «Лечу!». Причем у Рашева и Народниченко перед тем, как взлететь, Бумбараш сначала произносит: «Поехали, ваше благородие!» (это вполне очевидная ироничная отсылка к первому полету 12 апреля 1961 г. Гагарина и его знаменитому «Поехали!», что тоже объяснимо: судя по сюжету фильма, никто из солдат на этом воздушном шаре до Бумбараша летать не пробовал).

Для того чтобы взлететь, Бумбараш последовательно снимает с себя почти всю одежду и даже мочится, дабы облегчить вес – и остается в одной только белой длинной рубаше, будто готовится к иной, загробной жизни. Воздушный шар, на котором Бумбараш пытается разведать у «германцев» количество орудий, и его сбивает скучающий немецкий главнокомандующий, не отрываясь от утреннего кофе и получая револьвер, заботливо принесенный ему солдатом на подносе, покрытым белой салфеткой. Военный стреляет в воздушный шар – и Бумбараш падает в воду. После чего выходит из болота «заново рожденным», приезжает на «победном» поезде домой в безуспешных попытках доказать собственным родственникам, что он живой. В официальной бумаге, которую показывают ему жена брата и брат, четко сказано, что он «погиб при посредстве воздушного шара». Родной брат Меланий радостно добавляет: «Мы панихиду по тебе справили, а значит, нет у меня брата!». И вот, Бумбарашу уже приходится доказывать, что он живой, стоя рядом с собственным могильным крестом, а ему не верят. Здесь его самоироничная фраза, произнесенная перед полетом на воздушном шаре: «Или грудь в крестах, или голова в кустах!» обретает иной смысл. Крестом Бумбараша никто не наградил (за отвагу, например), но перед собственным крестом поставили.

Сбегая из мира, который отказывается его принимать, Бумбараш вновь оказывается на болотах и возвращается оттуда, движимый конкретной целью. Казалось бы – вот выбор Бумбараша, который стал осмысленным, но и здесь есть место случайному стечению обстоятельств.

Он все время норовит или улететь – оказаться над землей или в пространстве между мирами. Ближе к концу фильма Бумбараша запирают в церкви под самой крышей – те же «красные», за которых он только что сражался. И самое главное свое решение – с которого и начинается фильм, вернуться домой, к жене, он принимает,

стоя на верхушке церкви (что делает первоначальную аллюзию на «Андрея Рублева» еще явственнее). Бумбараш опять «парит» над землей, что дублируется с началом фильма, когда герой улетает на воздушном шаре. В итоге Бумбараш вынужден спуститься на землю, а его заклятый соперник убивает его любимую женщину. И вот они уже оба сидят на земле, в котловане, а между ними ее тело, которое их разделяет. Таким образом, мы видим, что путешествия Бумбараша по воздуху и по земле (что будто подтверждает заглавная песенка на слова Ю. Кима):

Журавль по небу летит,
Корабль по морю идет,
А кто меня куда влечёт по белу свету,
И где награда для меня,
И где засада для меня,
Гуляй, солдатик,
Ищи ответу...

неслучайны, а четко структурированы и заданы самим типом персонажа. Сходным образом Бумбараш напоминает и Иванушку-дурачка, который только кажется дурачком на первый взгляд, и Аркан Дурак (The Fool) из системы Таро, где персонаж действует, не продумывая ход действий и их последствий, поэтому результат может быть неожиданным, но тем более свободными могут казаться эти выборы.

Вернемся к пассивной и активной роли Бумбараша. В первой части он, скорее, выступает наблюдателем и беглецом. Вернувшись с войны, никем не принятый, он спасается бегством и случайно налетает на местную бандитку, атаманшу Софью, петербургскую «этуаль», которая тоскует по прошедшим дореволюционным временам, принимает ванну с пеной прямо на улице, при этом воду под ванной нагревают дровами. Она слушает граммофон и поет романсы. От ненависти и скуки убивает всех, кто ей не нравится. Как нетрудно догадаться, не нравятся ей, в основном, красноармейцы. Но и прочими она не брезгует. Так что мыкающийся по свету Бумбараш, будучи сам по себе, попадает у атаманши «под раздачу» ровно так же, как и у немецкого генерала на передовой. Не прекращая водных процедур, скучающая атаманша, прямо как немецкий главнокомандующий в начале фильма, пытается пристрелить Бумбараша, а он, как заяц, петляет по полям. Правда, бегство особого результата не дает, так как Бумбараш попеременно натывается то на отряд «красных», то на анархистов, то еще раз на компанию бандитов, разъезжающих в коляске с кружевным зонтом под водитель-

ством Софьи. Измученный вконец герой решает «схорониться» в ветвях раскидистого дерева, где и наблюдает жестокую расправу атаманши над своим другом-красноармейцем Яшкой. Здесь заканчивается его бездействие.

Вот он, Бумбараш, становится изгнанником, беглецом из этой, казавшейся из окопов такой милой «мирной» жизни. Потому что нет мира ни на дорогах его сердцу тихих деревенских улицах, ни в необозримой шири родных полей: кончилась одна «ерманская», идет другая, гражданская... пожалуйста-ка на нее и вы, разлюбезный Бумбараш⁷.

На могиле убитого друга он клянется, что отомстит за него. До этого момента Бумбараш совершенно не хочет участвовать в происходящем, т. е. в Гражданской войне, почти не соприкасается с настоящим, спасается бегством отовсюду, декларирует неучастие, говорит Яшке «отвоёвался, хватит». Яшка же после возвращения друга с войны пытается убедить Бумбараша вступить в ряды Красной Армии и воевать за правое дело и строить лучший мир, где они будут «пить чай с лимоном во дворце». После гибели друга Бумбараш все-таки вступает в ряды Красной Армии.

Здесь мы видим сразу две отсылки. Во-первых, это сцена клятвы Бумбараша на могиле, одна из ключевых для развития персонажа, своеобразная аллюзия на фильм Г. Козинцева «Гамлет» (1965): когда Смоктуновский-Гамлет читает знаменитый монолог с черепом Йорика. Во-вторых, это почти прямая цитата из стихотворения К. Симонова о фашисте «Убей его (Если дорог тебе твой дом)»⁸. Бумбараш произносит трижды на могиле погибшего друга: «Сколько раз увижу / столъ и убью», как бы подтверждая свою клятву. В стихотворении Симонова следующие строки:

Так убей же хоть одного,
Так убей же его скорей,
Сколько раз увидишь его,
Столько раз и убей.

Вся вторая часть посвящена тому, что пассивный Бумбараш начинает активно действовать.

Сперва он случайно знакомится с Левкой Демченко (таким образом авторы фильма как бы «раздваивают» главного героя

⁷ Там же. С. 3.

⁸ Симонов К. Убей его! // Красная звезда. 1942. 18 июля.

А. Гайдара), становится красноармейцем и готов идти, куда прикажут.

Получив задание перехватить нужную бумагу у «белых», он стреляет в гонца, объясняя тому, что стреляет «не в человека, а в донесение». Пытается воссоединиться с женой, но из этого ничего не выходит. И Бумбараш остается в финале картины ни с чем. Его обретение: горечь, одиночество и осознание бессмысленности происходившего.

Бумбараш – своего рода «голый человек» на «голой земле». У него ничего нет. Все его социальные связи – обнулены. После полета на воздушном шаре Бумбараш получает «надмирный» статус – более к этому миру не привязанный, он способен задавать глубокие вопросы об устройстве бытия, пытаясь найти ответы. И все это и сделано не без юмора, хоть и с привкусом горечи в конце.

Во многом этот фильм – своеобразная отсылка к «Седьмой печати» (1956) Ингмара Бергмана, где главный герой Антониус Блок, возвращаясь из очередного похода, едет к собственной жене. Но по дороге он встречает Смерть, которая должна забрать его. Блок предлагает Смерти пари: партию в шахматы, где ставкой является его жизнь.

Бергман, безусловно, гораздо более серьезен в тех вопросах, что он ставит перед зрителем. Но «Бумбараш» переключается с этой рефлексией, пусть и на более ироничном уровне. Что происходит с человеком, когда социальные связи обнуляются со всех сторон? Когда он выпадает из социума? Все эти вопросы как бы заданы через Бумбараша, в более легком варианте: через элементы комедии, мюзикла, гротеска и буффонады. И во многом успех фильма у интеллигенции связан с тем, что он резонировал с ее попытками понять, осмыслить и осознать собственный статус в социуме.

Бумбараш выпадает из социума в силу собственной неконтактности – ему трудно общаться и со своим другом Яшкой, и с родственниками, и с остальными персонажами этого фильма. Это своего рода десоциализация. Он остается один на один с этим миром и с этими вопросами.

Состав людей, привлеченных к созданию фильма, начиная от любимого интеллигенцией Ю. Кима и А. Дашкевича и заканчивая выбором актеров на главные роли, неслучаен: Бумбараша, например, играет В. Золотухин – актер Театра на Таганке. Это говорит о том, что некое вчитывание интеллигентских рефлексий в ситуацию гайдаровских рассказов и незаконченной повести оказалось довольно сильным. Для создателей фильма и пропповские структуры, и параллели с абсолютно знаковым для эпохи «Андреем

Рублевым» А. Тарковского более чем неслучайны. Революционное кино стало характерным способом осмысления современного положения интеллигенции в советском социуме. А именно реализация ее странного «межеумочного» положения. С одной стороны, ее стремление к невовлеченности и неучастию, с другой – ее желание влиять на социум достаточно четко прочитываются в этом фильме. Заметим, что можно говорить об «эзоповом языке», но также и о сложных путях метафорического осмысления, о тех или иных ситуациях для советского социума, которые он пытается воспроизвести в искусстве.

Дело не в «эзоповом языке» как таковом. В то время многие художественные проекты становились оселком, на котором пытались обкатывать какие-то идеи, но не напрямую. В этическом интеллигентском кодексе вопрос о необходимости революции ставился немного иначе, чем мы привыкли об этом думать. Нравственное измерение революции было понятным. Вопрос ставился не о нравственной цели, а о нравственных средствах советского проекта. Для 1970-х гг. это характерно сводилось к дилемме Ивана Карамазова о «слезинке ребенка». Бумбараш, как ни странно, отражает подобные идеи в фильме.

Литература

Бродская 2023 – *Бродская Е.В. Ускользящая реальность раннего советского кинематографа, или Гражданская война в топке пропагандистского паровоза: фильм Ивана Перестиани «Красные дьяволята» // Умолчание: Интерпретация культурных кодов. Саратов: ИЦ «Наука», 2023. С. 209–219.*

References

Brodskaya, E.V. (2023), "Elusive reality of the early Soviet cinema, or the Civil War in the furnace of propaganda locomotive: "The Red Devils" by I. Perestiani", *Umolchanie: Interpretatsiya kul'turnykh kodov* [Omission. The interpretation of cultural codes], Nauka, Saratov, Russia, pp. 209–219.

Информация об авторе

Евгения В. Бродская, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; eugenia.brodsкая@gmail.com

Information about the author

Evgeniya V. Brodskaya, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; eugenia.brodsкая@gmail.com

УДК 82.09

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-176-183

Литература «не для дам»
и журнальная полемика 1860-х гг.

Елена В. Колесникова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, happy_me@mail.ru*

Аннотация. В данной статье исследуется удаленный фрагмент из мемуаров П.Д. Боборыкина «За полвека. Мои воспоминания», который содержит в себе непристойный акrostих, который, по мнению публициста, являлся эпиграфом к статье М.А. Антоновича «Литературные мелочи. Стрижи в западне (истинное происшествие)». Делается вывод о том, что этот текст изначально фольклорного происхождения, однако впоследствии он был переработан профессиональными литераторами. Поиск источника акrostиха дал дополнительный материал к изучению литературы и публицистики «не для дам» и позволил сделать вывод о внимании Боборыкина к такого рода литературе.

Ключевые слова: П.Д. Боборыкин, М.А. Антонович, полемика, «Эпоха», «Современник», акrostих

Для цитирования: Колесникова Е.В. Литература «не для дам» и журнальная полемика 1860-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 176–183. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-176-183

Literature “not for ladies”
and journal polemics of the 1860s

Elena V. Kolesnikova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
happy_me@mail.ru*

Abstract. The article studies a deleted fragment from P.D. Boborykin’s memoirs “Over Half a Century. My Memoirs”, which contains an obscene acrostic, which, according to the publicist, was the epigraph to M.A. Antonovich’s article “Literary trifles. Swifts in a trap (a true incident)”. It is concluded that such a text is originally of the folklore origin, but later reworked by professional writers. The search for the source of the acrostic has provided additional

© Колесникова Е.В., 2024

material for the study of literature and journalism “not for ladies” and led to the conclusion on Boborykin’s attention to the literature of the kind.

Keywords: P.D. Boborykin, M.A. Antonovich, polemic, “Epokha”, “Sovremennik”, acrostic

For citation: Kolesnikova, E.V. (2024), “Literature ‘not for ladies’ and journal polemics of the 1860s”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, no. 11, pp. 176–183, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-176-183

В статье речь пойдет об одном эпизоде из мемуаров П.Д. Боборыкина – известного русского писателя и журналиста, автора 18 больших романов и 19 драматических произведений, множества публицистических текстов, редактора журнала «Библиотека для чтения». Подводя итоги жизни, Боборыкин написал мемуары «За полвека», которые начал печатать в журнале «Минувшие годы». Характеризуя литературную полемику тех лет, он утверждал:

До сих пор совестно за такой журнал, как «Современник», когда вспомнишь, что он не затруднился поместить полемическую статью с знаменитым акростихом, в виде эпитафия:

Посмотри на эту ветку,
Иль не видишь ты, на ней
Злой ловец раскинул сетку
Для гибели твоей.
Ах лети, лети скорей!

И так переругивались между собою два передовых журнала: «Современник» и «Русское Слово». Такая же пальба шла и между органом братьев Достоевских и радикальными журналами¹.

После публикации – в 1908 г. – этого акростиха в печати разразился скандал.

Акростих отсылал к статье сотрудника журнала «Современник» М.А. Антоновича «Литературные мелочи. Стрижи в западне (истинное происшествие)»². Эпитафием к статье послу-

¹ *Боборыкин П.Д.* За полвека (Глава воспоминаний) // Минувшие годы. 1908. Ноябрь. С. 148–149.

² *Посторонний сатирик [Антонович М.А.].* Литературные мелочи: Стрижи в западне (истинное происшествие) // Современник. 1864. № 9. С. 77–122.

жил некий «романс», который, однако, не содержал скабрёзного намека:

Не садись на эту ветку, –
Иль не видишь, что на ней?!
Злой ловец поставил клетку
Для погибели твоей³.

Антонович был возмущен публикацией акростиха. В РГАЛИ хранятся его рукописи, среди которых, видимо, черновик статьи–ответа Боборыкину «Заметка (для сведения г. Боборыкина и его защитников)», «Вставка пропуска и настоятельный совет и убедительная просьба рабочим газетам “Правда” и “Речь”. Статьи»⁴.

Редакция журнала «Минувшие годы» поспешила оправдаться перед читателями и Антоновичем:

В напечатанном в ноябрьской книжке «Минувших Годов» «Воспоминаниях» г. Боборыкина, по нашему недосмотру, не исключены некоторые оскорбительные для чувств приличия строки. К тому же переданный г. Боборыкиным касательно этих строк рассказ о факте, будто бы имевшем место в журнале 60-х годов «Современник», совершенно не соответствует действительности. Считая недопустимым со стороны писателей самую возможность присылки в редакцию таких строк, появление в печати которых может иметь место исключительно по редакционному недосмотру, мы, тем не менее, нисколько не оправдываем в данном случае и себя, признаем свой недосмотр непростительным и извиняемся перед читателями⁵.

Впоследствии мемуары Боборыкина несколько раз были переизданы. В 1929 г. они вышли под редакцией, с предисловием и примечаниями Б.П. Козьмина; цитируемый фрагмент был удален. В примечаниях к данному изданию Козьмин писал:

Мы выпускаем место, в котором Боборыкин приписывает «Современнику» напечатанные в виде эпиграфа к одной полемической статье, направленной против «Русского слова», известного в свое время непристойного акростиха. На самом же деле автор статьи М. Антонович отбросил в этом акростихе последнюю строку и изменил первую, вслед-

³ Там же. С. 77.

⁴ РГАЛИ. Ф. 18. Оп. 1. Ед. хр. 11.

⁵ [Богучарский В.Я.] От редакции // Минувшие годы. 1908. Декабрь. С. 315.

ствие чего непристойность стихотворения была устранена. В свое время это место в воспоминаниях Боборыкина вызвало резкий протест со стороны Антоновича и заставило редакцию «Минувшие годы» отказаться от продолжения печатания воспоминаний Боборыкина⁶.

В издании мемуаров 1965 г., где примечания составлены Э.С. Виленской и Л.И. Ройтбергом, этот фрагмент также пропущен. В примечаниях авторы ссылаются на издание 1929 г.:

Как и в предыдущем советском издании воспоминаний П.Д. Боборыкина, вышедшем под редакцией Б.П. Козьмина (За полвека. М.; Л., 1929), здесь выпущены строки, в которых автор приписывает «Современнику» напечатание в качестве эпиграфа к одной статье непристойного акростиха. В действительности же автор статьи М. Антонович опустил строку и изменил первую, совершенно изменив тем самым непристойный характер стихотворения⁷.

В издании 2003 г. этого фрагмента тоже нет, нет и какого-либо комментария по этому поводу⁸.

* * *

Полемика, о которой писал в мемуарах Боборыкин, хорошо известна. Публицисты эпохи великих реформ по-разному пытались разрешить «проклятые вопросы» 1860-х гг.: крестьянский вопрос, женский вопрос, земский вопрос, вопрос уместности в России суда присяжных и т. п. Масла в огонь подлил арест в 1862 г. знаменитого демократического публициста Н.Г. Чернышевского. Журнальные споры порой принимали грубые формы.

В данном случае Боборыкин ошибочно относит статью Антоновича к полемике «Современника» с «Русским Словом». Антонович сражался с журналом братьев Достоевских «Эпоха». Статья «Литературные мелочи. Стрижи в западне (истинное происшествие)», опубликованная под псевдонимом *Посторонний сатирик*, «метила» во всю редакцию «Эпохи» и критиковала ее способ вести публичную полемику:

Я торжествую: мой умысел удался вполне; случилось именно то, чего я желал; стрижи влетели в расставленную для них мою западню,

⁶ Боборыкин П.Д. За полвека (Мои воспоминания) / ред., предисл. и примеч. Б.П. Козьмина. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. С. 351.

⁷ Боборыкин П.Д. Воспоминания: В 2 т. / под общ. ред. В.В. Григоренко и др. М.: Художественная литература, 1965. Т. 1. М., 1965. С. 282.

⁸ Боборыкин П.Д. За полвека: воспоминания. М.: Захаров, 2003. 685 с.

задели ту самую предательскую жердочку, от сотрясения которой захлопнулась крышка западни и заперла в ней стрижей. <...> Выражаясь прямо, не метафорически, западня, устроенная мною для стрижей, имела такую форму. – Вижу я, что полемические манеры «Эпохи» очень нехороши, что, в частности, полемические приемы г. Достоевского очень некрасивы и в высшей степени неделикатны <...>⁹.

Об этой полемике написано немало исследований. В данном случае гораздо интереснее проследить историю акrostиха, предпосланного Боборыкиным рассказу о журнальной полемике.

Изначально этот текст народного, фольклорного происхождения: он – под названием «Что ты, пташка, приуныла (общая круговая пляска)» – приведен в разделе «Песни села Анненского Пермской области» в песеннике «Образцы народного многоголосия»:

Злой ловец построил клетку
Для гибели моей,
А я в клеточку взлетела,
Клетка в золоте горит¹⁰.

Однако впоследствии «песня села Анненского», повествовавшая о замужестве девушки, вероятно, была заимствована художественной литературой. Так, в «Собрании русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов», изданном В.А. Жуковским, можно встретить анонимный романс «Чижик»:

Не садись на эту ветку!..
Иль не видишь, что на ней
Злой ловец поставил клетку
Для гибели твоей?
Посмотри, как в ней порхает,
Участь горьку проклинаят
Зяблик — жертва простоты...
Попадешься ведь и ты!¹¹

⁹ *Посторонний сатирик [Антонович М.А.]*. Указ. соч. С. 77.

¹⁰ *Образцы народного многоголосия: Для пения (ансамбль, хор) без сопровождения / сост., общ. ред. и предисл. И. Земцовского. Л.; М.: Сов. композитор, 1972. С. 104.*

¹¹ *Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским: В 2 ч. М.: В Университетской тип., 1811. Ч. 2. С. 193.*

Скабрзный вариант этого текста тоже, по всей вероятности, был сочинен кем-то из профессиональных литераторов; Боборыкин говорил правду, когда писал, что акростих был «знаменитым»: его рукописные варианты содержались в литературных альбомах второй половины XIX в. В «Альбоме Венеры. Пушкин, Барков et cetera: <Сборник сочинений эротического характера>», хранящемся в Отделе рукописей РНБ, находим следующий вариант:

Посмотри на эту ветку,
И увидишь ты на ней,
Злой ловец повесил клетку
Для гибели твоей
Ах, лети, лети скорей!..¹²

Вопрос бытования этого фольклорного текста в культуре и его превращения в явно сочиненный интеллектуалом скабрзный стих требует дополнительного изучения. Можно лишь отметить, что стихи «не для дам» писали Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев и А.В. Дружинин: в 1854 г. в имени Дружинина они составили «небольшую тетрадку», «наполненную сквернословием»¹³. Важно отметить, что известным автором акростихов XIX в. в России является П.В. Шумахер, также писавший «стихи не для дам»¹⁴.

Согласно воспоминаниям Е.М. Феоктистова,

в Петербурге процветала обширная литература, которая своим содержанием могла бы возбудить зависть в Баркове: Дружинин, Владимир Милютин, Григорович, Некрасов, Лонгинов и др. трудились и порознь и сообща над сочинением целых поэм одна другой грязнее; даже заглавия этих произведений никто не решится упомянуть в печати – много было в них остроумного, но вместе с тем грубейшее кощунство и цинизм, превышающий всякую меру. <...> Писал непристойные стихи Пушкин, писал их Лермонтов, но это были грехи их юности, вспышки молодого и искреннего разгула; ничего общего с этим не имели петер-

¹² ОР РГБ. Новое собрание рукописной книги. Ф. Q 685. Л. 81: Альбом Венеры. Пушкин, Барков et cetera: <Сборник сочинений эротического характера>. Этот сборник использовал А.Ю. Плущер-Сарно, составляя «Большой словарь мата» (см.: *Плущер-Сарно А. Большой словарь мата*. СПб.: Лимбус Пресс, 2001. Т. 1. С. 733].

¹³ *Дружинин А.В. Повести; Дневник*. М.: Наука, 1986. С. 308.

¹⁴ *Шумахер П.В. Сборник «Между друзьями» // Стихи не для дам: Русская нецензурная поэзия второй половины XIX в.* М.: Ладомир, 1994. С. 7–26.

бургские литераторы описываемого мною времени: хладнокровно, без увлечения, без страсти эти господа, уже далеко не блиставшие юностью, а некоторые из них даже с порядочными лысынами на голове, упражнялись в сочинении картин, которые вызывали смех, но вместе с тем и тошноту¹⁵.

Такого рода стихи иногда достигали печати. Так, в 1862 г. был напечатан листок «Петербургская клубника. Для не детей», запрещенный после выхода первого номера.

Между тем Боборыкина, которого А.П. Чехов называл «доброе совестным тружеником»¹⁶ на ниве бытописания, весьма интересовала смеховая, скабрёзная сторона русской жизни. Интересовали его и акrostихи на эту тему. Например, в его пьесе «Скорбная братия» один из героев говорит другому:

Читали вы немецкие книжки, а по французским развратничали. Когда собирались промежду собою, клубничные акrostихи писали, шепотом либеральничали, да на крестьянский оброк ездили за море проливать слезы умиления перед Сикстинской Мадонной!¹⁷

В романе «Жертва вечерняя» тоже упоминаются неприличные акrostихи:

После танцев мы ужасно хохотали. Мужчины и, разумеется, первый – мой сочинитель начали писать русские акrostихи на разные неприличные слова. Выходило ужасно смешно. Домбрович рассказывает, что несколько лет тому назад они всегда собирались с разными литераторами и целые вечера забавлялись этим¹⁸.

Конечно же, Боборыкин был одним из тех, кто хорошо знал такого рода поэзию, а возможно – в том или ином варианте – сам сочинял «клубнику». Соответственно, и цензурный вариант текста про птичку и злого «ловца» был ему хорошо известен.

Можно смело предположить, что и эпиграф к статье Антоновича поначалу был непристойным. Однако либо Некрасов, редактор «Современника», сам сочинявший такого рода стихи, сразу увидел

¹⁵ *Феоктистов Е.М.* Воспоминания Е.М. Феоктистова: За кулисами политики и литературы: 1848–1896. Л.: Прибой, 1929. С. 33–34.

¹⁶ Цит. по: *Куприна-Иорданская М.К.* Годы молодости. М.: Художественная литература, 1966. С. 17.

¹⁷ *Боборыкин П.Д.* Скорбная братия. М.: Дело, 2023. С. 61.

¹⁸ *Боборыкин П.Д.* Жертва вечерняя. М.: Гелиос, 2005. С. 171.

это – и заменил приличным вариантом, либо сделал это, как указывал Б.П. Козьмин, сам Антонович. В 1908 же году в редакции журнала «Минувшие годы» не нашлось достаточно прозорливого сотрудника, сумевшего за нейтральными строчками увидеть акrostих. Цензура тоже не увидела скрытого в акrostихе неприличного слова: по словам Г.В. Жиркова, в этот период «верховная власть в России, органы управления обществом, в том числе и цензурное ведомство, оказались неготовыми к решению тех проблем», которые нарастали «как снежный ком» [Жирков 2001, с. 181].

Таким образом, перед нами – редкое для литературы и журналистики явление, когда литература «не для дам» достигла вполне благопристойного печатного издания.

Литература

Жирков 2001 – *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. 367 с.

Reference

Zhirkov, G.V. (2001) *Istoriya tsenzury v Rossii XIX–XX vv.* [History of censorship in Russia in the 19th – 20th centuries], Aspect Press, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена В. Колесникова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; happy_me@mail.ru

Information about the author

Elena V. Kolesnikova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; happy_me@mail.ru

УДК 82-3(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-184-196

Проза И.А. Бунина
на страницах журнала «Литературная Армения»
в 1960-е гг.

Наталья К. Гончар-Ханджян
*Ереванский государственный университет, Ереван,
Республика Армения, natalie.goncharkhanjyan@ysu.am*

Аннотация. Исторически обусловленный диалог армянской и русской культур вобрал в себя богатство содержания и многообразие форм армяно-русских литературных связей. Связи эти получили особое развитие в XX в., задавшем многоконтактность в условиях объединяющего народа большого государства. Свой вклад в расширение и укрепление литературного взаимодействия внес основанный в 1958 г. журнал «Литературная Армения», во многом обновивший картину литературных связей, выдвинувший в ней на свет лица, фигуры, до поры остававшиеся в тени. Журнал приобщился, в частности, к начавшемуся процессу постепенного ознакомления читателей с творческим наследием на время преданных забвению классиков русской литературы XX в. В течение 1960-х гг., с опорой на уже ранее состоявшиеся факты реальных связей, осуществлен был целый ряд публикаций, знакомящих читателя с текстами Андрея Белого, О.Э. Мандельштама, М.И. Цветаевой и др. Доступ к материалам личного архива литературоведа, критика, переводчика Н.А. Гончар, в то время работавшей в редакции журнала, а также и доступ к редакционному архиву позволяют осветить в настоящей статье основания, принципы и приемы осуществления журналом этих публикаций. Особое место и внимание уделяются публикации из наследия И.А. Бунина, освещение которой дается с использованием малоизвестного и неизвестного материала.

Ключевые слова: журнал, литературный процесс, армяно-русские литературные связи, «Литературная Армения», публикация, 1960-е гг.

Для цитирования: Гончар-Ханджян Н.К. Проза И.А. Бунина на страницах журнала «Литературная Армения» в 1960-е гг. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 184–196. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-184-196

© Гончар-Ханджян Н.К., 2024

Pages of I. Bunin's prose
in the context of the publications
of "Literary Armenia" journal in the 1960s

Natalia K. Gonchar-Khandzhyan
Yerevan State University, Yerevan, Republic of Armenia,
natalie.goncharkhanjyan@ysu.am

Abstract. The historically shaped dialogue between Armenian and Russian cultures has embraced the richness of content and diversity of forms of Armenian-Russian literary connections. Those ties particularly developed in the 20th century, fostering multiple interactions within the context of a large state uniting different peoples. The journal "Literary Armenia", founded in 1958, contributed to the expansion and strengthening of literary interaction, largely updating the picture of "ties", bringing to light the faces and figures that until times had remained in the shadows. The journal became involved, in particular, in the process of gradually introducing readers to the creative heritage of Russian literary classics of the 20th century, which had for some time been consigned to oblivion. During the 1960s, relying on previously established facts of real connections, a number of publications were carried out, introducing the reader to the texts of Bely, Mandelstam, Tsветаeva, Voloshin and others. Access to the materials of the personal archive of the literary scholar, critic, translator N. Gonchar, who at that time worked in the editorial office of the journal, as well as access to the editorial archive allows the article to highlight the grounds, principles and methods of implementing those series of publications by the journal. Special attention is given to the publication from the legacy of I. Bunin, the coverage of which is given using little-known and unknown material.

Keywords: journal, literary process, Armenian-Russian literary connections, "Literary Armenia", publication, 1960s

For citation: Gonchar-Khandzhyan, N.K. (2024), "Pages of I.A. Bunin's prose in the context of the publications of 'Literary Armenia' journal in the 1960s", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 11, pp. 184–196, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-11-184-196

История сближения армян с Россией и, в частности, состоявшаяся история армяно-русских литературно-культурных связей богата множеством различного целеполагания, различного уровня и масштаба фактов, событий, голосов, лиц, общественно-организационных и личных творческих инициатив. Богата она множеством контактов, диалогов и, наконец, текстов, о них свидетельствующую

щих – как документальных, так и художественных. Особенно обогатил ее XX век, задавший многоконтактность в условиях большого государства – уже в досоветский, а тем более, тем шире и интенсивнее в семидесятилетний советский его период.

Сегодня, в изменившихся обстоятельствах, сохраняется и обоюдно осознается необходимость армяно-русского литературно-культурного взаимодействия и взаимопонимания, чем и обусловлена конкретная задача этой статьи, а именно – познакомить читателя с некоторыми – показательными в обозначенном выше смысле – фактами из истории издающегося на русском языке с 1958 г. журнала «Литературная Армения».

Общеизвестно, как велика роль разноформатных и разнопрофильных, а главное – оперативно и эффективно действующих периодических изданий в общественно-политической жизни страны, ее народа, в формировании культурных ориентаций людей, их этического и эстетического сознания.

Журнал появился как детище того периода советской истории, который получил название «оттепели», и сам, по крайней мере в первое десятилетие своей жизни, последовательно и продуманно брался решать на своих страницах задачи и запросы «оттепельного» характера. Это выразилось в общем строе журнала, в его методах работы, приемах решения основной задачи – выносить в поле внимания всесоюзного русскоязычного читателя наиболее значительное и общеинтересное в литературно-культурной жизни Армении. Достаточно вспомнить сегодня, что именно на страницах «Литературной Армении» в № 6–8 за 1965 г. состоялось «открытие» для русского (и всесоюзного) читателя первого крупного произведения Гранта Матевосяна «Мы и наши горы», «открытие», сразу же возбудившее заинтересованное внимание русской критики, немедленно откликнувшейся целым рядом серьезных рецензий (на журнальную публикацию!) в «Новом мире», «Звезде», «Дружбе народов», «Литературной газете» и др. Заметим, что со стороны журнала это был тогда и сильный, и смелый ход, поскольку публикация в русском переводе опережала публикацию этого произведения на армянском, его, так сказать, презентацию армянскому читателю – в своем отечестве с «вольностями» Матевосяна осторожничали.

Немаловажным направлением в работе «Литературной Армении» 1960-х гг. было востребованное читателями обновление картины армяно-русских литературно-культурных связей, с вовлечением выпавших ранее из печатного обихода достопримечательных фактов, лиц, текстов.

О таком обновлении достаточно красноречиво говорит приводимый ниже, с сопровождающими комментариями, перечень

первых, – а также и впервые «возвращаемых», – в советской литературной периодике публикаций, осуществленных журналом «Литературная Армения» в 1960-е гг.

Василий Гроссман. «Добро вам»¹ (см. об этой публикации: [Гончар-Ханджян 1989, с. 75–87; Бит-Юнан, Фельдман 2019, с. 515–521]). Эту «армянскую прозу» писателя, остановленную в «Новом мире» в силу несогласия автора с возражениями Главлита, журнал взял к себе (на периферию!) и опубликовал ее, причем с сохранением в тексте того, что послужило помехой публикации в «Новом мире».

Осип Манделъштам. «Армения»² – «возвращение» цикла, изъяттого из читательского поля после публикации в 1931 г. в журнале «Новый мир». Стоит отметить, что именно вслед этой публикации появились и первые переводы на армянский стихотворений цикла, а также начала постепенно складываться и «литература» о нем, в частности – вокруг «армянских страниц» его творчества. О том, каковы были отклики Манделъштаму из Армении – и переводами, и многочисленными литературоведческими статьями в периодике, и книжными изданиями, дает представление указываемый ниже большой аннотированный, а также и существенно комментированный библиографический свод, составленный в 2016 г.³ Публикация, возвращающая читателю манделъштамовский цикл «Армения», естественно вписывалась в поле русско-армянских литературных связей, она была должным образом «защищена» и врезкой от редакции, и мемуарной заметкой, подписанной Гургеном Маари (членом редколлегии журнала, уже при жизни признанным «классиком» и поэзии армянской, и прозы).

Марина Цветаева. «История одного посвящения»⁴. С публикацией из прозы Цветаевой было, конечно, в ряде отношений непросто, и прежде всего потому, что из законного поля *прямых* «литературных связей» журнал переходил уже на *косвенные* –

¹ Гроссман В.С. Добро вам // Литературная Армения. 1965. № 6–7.

² Манделъштам О.Э. Армения // Литературная Армения. 1966. № 1. С. 48–51.

³ Составители отмечали: «В настоящем своде представлена сложившаяся в Армении литература, посвященная Манделъштаму. Представлена она в приеме библиографии, существенно дополненной аннотациями и показательными выдержками из текстов» [Гончар, Мхитарян 2016, с. 28]. В составе свода 68 позиций, к которым за прошедшее с года его составления время немало еще добавилось.

⁴ Цветаева М.И. История одного посвящения / вступ. ст., коммент. А.С. Эфрон, А.А. Саакянц // Литературная Армения. 1966. № 1. С. 53–68.

«поэт о поэте». Как бы то ни было, благословившая эту «рискованную» публикацию А.С. Эфрон и подготовившая ее совместно с А.А. Саакянц, а также и редакция с ее инициативой уповали на благоприятный исход дела в силу периферийности и малотиражности журнала⁵.

В книге М.И. Белкиной «Скращение судеб» отмечается, в частности, роль периферийной периодики, поддержавшей первые начинания «центра» в постепенном «возвращении» цветаевского наследия. Речь шла и о «Литературной Армении», а также о публикации в журнале «Дон» переводов Цветаевой, не увидевших свет при ее жизни [Белкина 1988, с. 442]. Эти публикации пробили стену забвения: Цветаеву стали печатать и московские издания.

«Литературная Армения» в 1960-е гг. печатала и других полузапрещенных или полузабытых прозаиков и поэтов. Журнал републиковал очерк Максимилиана Волошина «М.С. Сарьян», впервые увидевший свет в 1913 г.⁶ Были опубликованы мемуары об Анне Ахматовой Р.Я. Райт-Ковалевой⁷, фрагменты из писем к Иванову-Разумнику Андрея Белого⁸, мемуарный текст «Самофракийская победа» А.С. Эфрон⁹ и многие другие произведения.

В 1967 г. в «Литературной Армении» была опубликована подборка рассказов И.А. Бунина¹⁰.

Обратимся к причинам и основаниям этой публикации, тем более что целый ряд малоизвестных и неизвестных материалов из личного архива Н.А. Гончар, а также из редакционного архива позволяют добавить некоторые заслуживающие внимания штрихи к обрисовке процесса возвращения бесценного наследия И.А. Бунина, процесса, так сказать, поэтапного – от неполноты к полноте.

⁵ В подробностях историю этой публикации можно проследить по переписке А.С. Эфрон с Н.А. Гончар, частично представленной в кн.: [Марина Цветаева 1999].

⁶ *Волошин М.А.* М.С. Сарьян // Литературная Армения. 1966. № 8. С. 73–77.

⁷ *Райт-Ковалева Р.Я.* Встречи с Ахматовой: (Воспоминания) // Литературная Армения. 1966. № 10. С. 54–62.

⁸ *Андрей Белый.* Из писем к Р.В. Иванову-Разумнику // Литературная Армения. 1967. № 1. С. 76–81.

⁹ *Эфрон А.С.* Самофракийская победа // Литературная Армения. 1967. № 6. С. 80–84.

¹⁰ *Бунин И.А.* Рассказы: Провансальские пересказы: Звезды, Мэтр всех мэтров, Тараскон, Юный пилигрим, Волхвы, Святочный вечер; Из книги «Темные аллеи»: Гость, Железная шерсть / предисл. Г. Бажановой // Литературная Армения. 1967. № 5. С. 58–73.

Ответим сначала на вопрос: имелись ли у журнала – в «поле» армяно-русских литературных связей – достаточные основания, чтобы представить на своих страницах нечто из наследия Бунина, еще не нашедшее места в советских изданиях того времени? Они не только имелись, их было немало, в том числе и веских. Это детально отражено в заблаговременно (к приближающемуся 100-летию писателя) заказанной редакцией большой статье литературоведа С.К. Дароняна «Бунин и Кавказ» [Даронян 1970, с. 85–95]. Среди многих освещенных в этой статье фактов (в частности, по линии «Бунин – Армения») выделим и представим здесь только два.

Еще в самом начале XX в. два энтузиаста в деле ознакомления русского читателя с армянской литературой – Лев Уманец и Юрий Веселовский, оба переводившие армянских поэтов, – приняли самое деятельное участие в осуществлении изданий, представляющих армянскую поэзию нового времени. Они, именно в силу личных контактов, вовлекли Бунина в эти издания с выполненными по подстрочнику двумя переводами с армянского. Автором одного из стихотворений («Мрачна, темна душа моя...») был Александр Цатурян, другого же («Моя душа объята тьмой полночной...») – Аветик Исаакян. После глубоко взволновавшей русскую общественность трагедии, пережитой армянским народом в 1915 г., в Москве стали готовиться два крупных издания, и в 1916 г. вышли в свет приобретшая широкую известность «брюсовская» антология «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» и «Сборник армянской литературы» под редакцией М. Горького. И Брюсов, и Горький обратились к Бунину за согласием на то, чтобы включить в эти издания его давние переводы (см. об этом: [Князев 2020]). В итоге переводы вошли в состав обеих книг; первая из них впоследствии не раз факсимильно переиздавалась.

В статье Дароняна «Бунин и Кавказ» приведен малоизвестный факт: свидетельство непосредственного личного контакта Бунина с Александром Цатуряном. Об этом Цатурян рассказал в письме Ованесу Туманяну в Тифлис, где письмо это и было вскоре опубликовано в газете «Оризон» («Горизонт») в номере от 15 ноября 1912 г. Приводим это письмо-рассказ в переводе на русский, по статье С.К. Дароняна, где этому тексту справедливо придана ценность мемуарного документа:

Дорогой друг! Как тебе, очевидно, уже известно из русских газет, Москва почти три дня подряд праздновала 25-летний юбилей русского поэта – академика Ивана Бунина. Не осталась безучастной к этому празднику русской творческой мысли и наша литература. Она не только не осталась безучастной, но и заслужила всеобщее внимание.

Уверен, что, с точки зрения авторитета нашей литературы, тебе будет небезынтересно узнать об этом событии, а потому расскажу все как было.

27-го октября в Московском литературно-художественном кружке, действительным членом которого являюсь уже много лет¹¹, был дан юбилейный банкет в честь Бунина. Присутствовало на нем множество лиц обоего пола, около 300 человек – представителей литературных, журналистских, театральных, музыкальных, художественных и научных кругов. Присутствовал и я. Почетным председателем банкета (по-нашему – тамадой) единодушно был избран кн. Сумбатов-Южин. Только мы сели за праздничный стол, как вдруг подходит ко мне русский писатель Телешов и, шепча мне на ухо, просит от имени юбилейной комиссии, чтобы я тоже выступил и, как труженик армянской литературы, сказал бы несколько слов по-армянски в адрес юбиляра. Это было так неожиданно, дорогой друг, что я на минуту растерялся.

Как я ни отказывался, – ничего не вышло. Он буквально прилип ко мне и не отрывался. Пришлось согласиться. Продумал свое выступление: решил вначале по-русски тепло поздравить юбиляра и в его лице приветствовать этот славный праздник русской творческой мысли, а затем прочесть одно из моих последних неопубликованных стихотворений – «У камина». Так и сделал. Коротко передав содержание стихотворения, я прочел его по-армянски. Да, должен сказать, что председатель банкета Южин перед тем, как объявить мое имя и фамилию, сделал небольшое вступление о том, что искусство – достояние всех, что поэзия близка сердцу каждого и т. д., и т. п.

Дорогой друг! Когда я поднялся с места, меня встретили бурными аплодисментами. Аплодисментами и одобрительными возгласами сопровождалось также мое приветственное слово и чтение стихотворения. Знакомые-незнакомые – все пили за мое здоровье, выражая свою благодарность. Юбиляр же все это время слушал меня стоя.

Еще об одном важном моменте. Из многочисленных приветствий юбиляр ответил лишь на два – представителя Императорского Малого театра Южина и мое. Пожимая мне руку и обратившись со словами «Дорогой собрат по перу!», он сказал примерно следующее: «Я пла-

¹¹ Поэт А.О. Цатурян (1865–1917) с 1888 г. жил в Москве, творческая его биография насыщена связями с русской поэзией, он испытал ее влияние, был знатоком ее и ценителем, состоял в контактах со многими представителями московской литературно-культурной среды, перевел на армянский язык немало русских стихотворений. В 1905 г. он издал состоявшийся из 130 переведенных им стихотворений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова и других двухтомный сборник «Русские поэты».

менно люблю Солнце и Восток! Армянский народ некогда, в очень давние времена, тоже поклонялся Солнцу и сегодня в своей тяжелой жизни тянется к Солнцу. Я глубоко тронут и благодарен Вам за то, что Вы на моем скромном празднике поздравили меня на языке этого древнего восточного народа».

Брат Ованес! Все это я пишу, будучи уверенным в том, что тебе также доставят внутреннюю радость и удовлетворение те знаки заслуженного внимания и чести, которых удостоилась армянская литература и наш родной язык в этой огромной, как море, столице, в этом центре русской умственной жизни.

Дружески жму руку. Твой Ал. Цатурян.

Добавим здесь лишь одно: столь подробное письмо-рассказ о праздновавшемся в Москве в конце октября 1912 г. юбилее Бунина Цатурян адресовал Туманяну, во-первых, как уже тогда всеми признанному «первому лицу» армянской литературы и председателю Кавказского Общества армянских писателей, а во-вторых – потому что знал, как широки и разнообразны были связи Туманяна с русской литературой, особенно поэзией, знал и то, что именно «по Бунину» был исполнен и опубликован (в 1907 г.) туманяновский перевод из «Песни о Гайавате» (Вступление и Песнь первая)¹².

Как видим из вышеизложенного, для публикации «из Бунина» журналу «Литературная Армения» оснований вполне хватало. Теперь обратимся к ее поводу и причинам.

В 1967 г. завершилось издание 9-томного собрания сочинений Бунина. Оно расширило рамки знакомства советского читателя с фигурой и творчеством «последнего классика русской литературы». В сравнении с очень осторожным 5-томником 1956 г. (вышедшим в издательстве «Правда», под редакцией и со вступительной статьей Л.Н. Никулина и со сведенными к минимуму примечаниями) здесь существенно пополнился корпус рассказов, созданных писателем уже в эмиграции, отдельным томом (6-й том) вошел роман «Жизнь Арсеньева», в последнем томе появились философско-критический трактат «Освобождение Толстого» и мемуарный очерк «О Чехове», а также «избранные биографические материалы, воспоминания, статьи». Издание предварялось большой статьей «О Бунине», написанной А.Т. Твардовским. В статье были по-новому – по сравнению со статьей Никулина – расставлены акценты, статья существенно расширила горизонты буниноведения.

¹² Об истории этого перевода см.: [Гончар 2019].

Наконец, несомненным подарком читателю стало обособленное воспроизведение в 7-м томе (1966 г.) сборника «Темные аллеи». Однако публикаторы воспроизвели сборник не полностью, указав, что в том не были включены рассказы «Гость», «Барышня Клара» и «Железная шерсть». С двумя из трех «исключенных» рассказов («Гость», «Железная шерсть»), а также с не вошедшими в девяти-томник «Провансальскими пересказами» Бунина и познакомил читателей ереванский журнал.

Ходаятаивали о том из Москвы хорошо знающие уже журнал и с ним сотрудничавшие А.А. Саакянц и Н.М. Любимов. Оба они принимали участие в работе над отдельными томами девяти-томника – Саакянц как редактор от издательства вела, в частности, 7-й том и как соредактор, совместно с Галиной Бажановой, еще одним редактором, 9-й том, Любимов с его хорошо известным огромным вкладом в искусство русского художественного перевода готовил вместе с Бажановой 8-й том – переводы Бунина. Их горячий заинтересованности и отозвалась редакция, приняв на страницы журнала подготовленную Бажановой публикацию. Приведем несколько извлечений из писем Саакянц и Любимова сотруднице «Литературной Армении» Н.А. Гончар – поскольку эти, пусть очень малые штрихи хорошо характеризуют связи армянских и русских филологов, а также дополняют историю подготовки девятитомного собрания сочинений Бунина. Все цитируемые письма хранятся в домашнем архиве Гончар.

Из писем А.Саакянц:

13.12. 1966 <...> На днях к Вам прибудет Бунин – другой наш классик. Просим любить и жаловать. Не удивляйтесь и оцените; – вещи, не включенные в Собрание сочинений из-за объема томов, просчитанного и установленного задолго до их (томов) осуществления. Очень жаль, что все у нас так делается, ибо вещи – первоклассные. Просим любить и жаловать <...>

24.12. 1966 <...> Бунина на той неделе Вам вышлет некая Бажанова – наш редактор, без памяти в него влюбленная. Она пошлет Вам рассказы и стихи, не вошедшие в наше собрание сочинений. Первый сорт вещи! – Прошу любить и жаловать, – раз Вы уж объяснились в любви к этому человеку <...>

Без даты <...> Примите, вместе с моими лобзаниями, – Ванюшу Бунина вместе с Галей Бажановой. Постарайтесь, чтобы *всё* увидело свет – ведь этому нет цены. Галя великолепно знает Бунина, – и знайте, что лучшего «буниноведа» вам не сыскать <...>

28.05. 1967 <...> Буньку мне пришлете? Как хорошо, что он у вас идет!.. <...>

Из писем Н.М. Любимова:

3.2.1967 <...> На днях я видел редактора, который ведет в Гослите Бунина, – Галю Бажанову. Она мне сообщила, что посылает вам кое-что из «Темных аллей». Это замечательно. Эти рассказы не включены по глупости редколлегии: они ничем не «эротичнее» того, что они включили. Советую Вам выпросить у Гали для напечатания «Богиню разума» Бунина. Это один из лучших рассказов в мире. *Твардовский бился за нее с пеной у рта* (курсив наш. – Н. Г.-Х.). Его коллеги-тупицы пропустили «Несрочную весну» (!), а действие «Богини» происходит во Франции. Галя Бажанова – очень серьезный работник, превосходный редактор, обожает Бунина. Мы с ней дружно работаем над его переводами <...>

19.3.1967 <...> С величайшим нетерпением буду ждать публикацию Бунина. Галя Бажанова собирается Вам послать еще “Notre Dame de la Garde” – это дивный рассказ. Бажанова – это весталка в храме Бунина, влюбленная, как и я¹³, в каждую его запятую. Знает она Бунина великолепно.

Так складывались обстоятельства публикации в «Литературной Армении» бунинских рассказов. Подготовила ее и снабдила врезкой «влюбленная» в Бунина Г. Бажанова. Во врезке были изложены известные факты биографии и творчества Бунина, но никакого обоснования именно такой подборки ереванский журнал не предоставил. Единственное, что журнал счел нужным рассказать своим читателям, было сформулировано в самом конце:

Предлагаемые рассказы публикуются в советской печати впервые. Рассказы «Гость» и «Железная шерсть» вошли в цикл «Темные аллеи», «Провансальские пересказы» были опубликованы в парижской газете «Последние новости» и ни в один авторский сборник не включались¹⁴.

Согласимся, что такая ничем не мотивированная подборка – два «эротичных» рассказа, выпавших почему-то из естественной своей «среды», то есть из «Темных аллей», да еще и в соседстве с ничем общим с ними не имеющими «Провансальскими пересказами», – на взгляд читателей журнала, могла выглядеть, мягко гово-

¹³ О «влюбленности» Любимова в Бунина, о «великолепном» знании Любимовым и поэзии, и прозы Бунина свидетельствуют, например, две его статьи, «Образная память» и «Золотое сечение» [Любимов 1983, с. 197–256].

¹⁴ *Бунин И.А.* Рассказы... С. 73.

ря, странноватой. Поэтому у себя, в Ереване, сотрудники журнала обратились к буниноведе К.С. Сапарову и просили его прокомментировать публикацию. Его статья «Рассказы Бунина», опубликованная под рубрикой «К нашей публикации», была посвящена рассмотрению «вопросов мастерства» Бунина. Сапаров писал:

Истинно художественное произведение рождается из сочетания многих компонентов – идеи, языка, композиции, причем ни один из этих компонентов не довлеет над другим, не является самоцелью. Мы сплошь и рядом не видим, как «сделано» произведение, и чем крупнее мастер, тем более скрыто от читателя его мастерство [Сапаров 1967]¹⁵.

С этой точки зрения и были рассмотрены и оценены в статье, в частности, рассказ «Гость» и несколько «провансальских рассказов», и – в общих чертах – все остальное. С такой подмогой и состоялась публикация рассказов Бунина.

Чем объясняется, однако, то особое внимание, какое уделено в настоящей статье обстоятельствам и причинам публикации рассказов Бунина? В отличие от других публикаций «Литературной Армении», под маркой «литературных связей» приобщавших читателей к процессу постепенного возвращения имен ранее умалчиваемых классиков русской литературы, эта публикация долгое время оставалась нигде не зафиксированной. А между тем за самим фактом ее появления проступают и черты времени, и черты армяно-русского литературно-культурного взаимодействия. Это взаимодействие, этот давным-давно начавшийся и не прерывающийся, исторически обусловленный, на прочной традиции основанный диалог армянской и русской культур и литератур продолжается и сегодня, и свой голос продолжает в нем подавать уже 66-летний журнал «Литературная Армения».

Литература

- Белкина 1988 – Белкина М.И. Скрещение судеб. М.: Книга, 1988. 528 с.
 Бит-Юнан, Фельдман 2019 – Бит-Юнан Ю.Г., Фельдман Д.М. Василий Гроссман: Биография писателя в политическом контексте советской эпохи. М.: РГГУ, 2019. 796 с.

¹⁵ Отметим, что К.С. Сапаров выступал с аналогичными работами и на страницах других периодических изданий (см., например: [Сапаров 1969]). В 1971 г. он защитил в Москве одну из редких тогда диссертаций по Бунину: «Мастерство И.А. Бунина (новелла и повесть 1920-х гг.)».

- Гончар 2019 – Гончар Н.А. Лонгфелло – Бунин – Туманян: «Песнь о Гайавате» // Вестник Ереванского университета. Серия: Русская филология. 2019. № 3. С. 17–27.
- Гончар-Ханджян 1989 – Гончар-Ханджян Н.А. К истории публикации «Добро вам» В. Гроссмана и к истории журнала «Литературная Армения»: По поводу «Воспоминаний» С. Липкина // Литературная Армения. 1989. № 2. С. 75–87.
- Гончар, Мхитарян 2016 – Гончар Н., Мхитарян К. Итоги полувековой обращенности Армении к Осипу Мандельштаму // Вестник Ереванского университета. Серия: Русская филология. 2016. № 2. С. 28–54.
- Даронян 1970 – Даронян С.К. Бунин и Кавказ // Литературная Армения. 1970. № 12. С. 85–95.
- Князев 2020 – Князев А. Иван Бунин: Два перевода с армянского: история публикаций // Наша среда online. 2020. 17 авг. URL: <https://nashasreda.ru/ivan-bunin-dva-perevoda-s-armyanskogo-istoriya-publikacij/> (дата обращения 18 августа 2024).
- Любимов 1983 – Любимов Н.М. Несгораемые слова. М.: Худож. лит., 1983. 304 с.
- Марина Цветаева 1999 – Марина Цветаева в ереванских публикациях 1960–1990-х гг. / [вступ. слово и сост. Н. Гончар]. Ереван: Наир, 1999. 335 с.
- Сапаров 1967 – Сапаров К.С. Рассказы Бунина // Литературная Армения. 1967. № 5. С. 102–106.
- Сапаров 1969 – Сапаров К.С. О повести И.А. Бунина «Митина любовь» (вопросы мастерства) // Вестник Ереванского университета. Серия: Общественные науки. 1969. № 1. С. 217–225.

References

- Belkina, M.I. (1988), *Skreshchenie sudeb* [Crossing of fates], Kniga, Moscow, USSR.
- Bit-Yunan, Yu.G. and Feldman, D.M. (2019), *Vasilii Grossman: Biografiya pisatelya v politicheskom kontekste sovetskoj epokhi* [Vasily Grossman. Biography of the writer in the political context of the Soviet era], RGGU, Moscow, Russia.
- Gonchar, N.A. (2019), “Longfellow – Bunin – Toumanian. ‘The Song of Hiawatha’”, *Bulletin of Yerevan University. Philology*, 2019, no. 3, pp. 17–27.
- Gonchar, N., comp. (1999), *Marina Tsvetaeva v erevanskikh publikatsiyakh 1960–1990-kh gg.* [Marina Tsvetaeva in Yerevan publications of 1960–1990s], Nairi, Erevan, Republic of Armenia.
- Gonchar-Khandzhyan, N.A. (1989), “On the history of the publication of V. Grossman’s ‘Dobro Vam’ and the history of ‘Literary Armenia’ journal. About ‘Memories’ by S. Lipkin”, *Literaturnaya Armeniya*, no. 2, pp. 75–87.
- Gonchar, N. and Mkhitarian, K. (2016), “Results of the half-century of Armenia’s appeal to Osip Mandelstam”, *Bulletin of Yerevan University. Philology*, no. 2, pp. 28–54.
- Daronyan, S.K. (1970), “Bunin and Caucasus”, *Literaturnaya Armeniya*, no. 12, pp. 85–95.

- Kniazev, A. (2020) "Ivan Bunin. Two translations from Armenian. The history of publications", *Nasha sreda online*, 17 Avg., available at: <https://nashasreda.ru/ivan-bunin-dva-perevoda-s-armyanskogo-istoriya-publikacij/> (Accessed 18 Aug. 2024).
- Lyubimov, N.M. (1983), *Nesgoraemye slova* [Incombustible words], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR.
- Saparov, K.S. (1967), "Bunin's stories", *Literaturnaya Armeniya*, no. 5, pp. 102–106.
- Saparov, K.S. (1969), "About I.A. Bunin's story 'Mitia's Love' (questions of mastery)", *Bulletin of Yerevan University. Social Sciences*, no. 1, pp. 217–225.

Информация об авторе

Наталья К. Гончар-Ханджян, кандидат филологических наук, доцент, Ереванский государственный университет, Ереван, Республика Армения; 120025, Республика Армения, Ереван, ул. Алека Манукяна, д. 1; natalie.goncharkhanjyan@ysu.am

Information about the author

Natalia K. Gonchar-Khandzhyan, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Yerevan State University, Yerevan, Republic of Armenia; 1, Alek Manukyan St., Yerevan, Republic of Armenia, 120025; natalie.goncharkhanjyan@ysu.am

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»
№ 11
2024

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Н.В. Москвина

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ ФС77-74270 от 09.11.2018 г.
Периодичность 10 раз в год

Подписано в печать 10.01.2025
Выход в свет 17.01.2025
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 12,0. Усл. печ. л. 12,4
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2098

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru